

A decorative floral border in a light color, possibly gold or silver, frames the text. It features intricate scrollwork, leaves, and small flowers, creating a classic, ornate design.

СКАЗКИ

Шотландские

Английские

Annotation

В две книги сказок переведённых и составленных Н.В.Шерешевской входят: 1 книга — Ирландские и Валлийские сказки, 2 книга — Шотландские и Английские сказки.

Настоящий сборник знакомит читателей с сокровищами фольклора Британских островов.

- [Британские легенды и сказки](#)
  -
  - [ШОТЛАНДСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ](#)
    -
    - [Я-сам!](#)
    - [Крошка-Мальшка](#)
    - [Петух и Лиса](#)
    - [Лиса и Пустельга](#)
    - [Там Лин](#)
    - [Сэр Майкл Скотт](#)
    - [Как Майкл Скотт в Рим ходил](#)
    - [Два скрипача из Стратспи](#)
    - [Русалка и неверный Эндрю](#)
    - [Отважный охотник Финлей](#)
    - [Кошель золота за пару штанов](#)
    - [Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид](#)
    - [Синяя шапочка](#)
    - [Рыжий Эттин](#)
    - [Вилли и поросенок](#)
    - [Серебряная дудочка Маккримонса](#)
    - [Джон Рид и русалка](#)
    - [Черный Родерик](#)
    - [Из древних легенд о фьянах](#)
      - [I. Путешествие Финна в Лохланн](#)
      - [II. Смерть Дирмеда](#)
    - [Легенда о Макбете](#)
    - [Томас-Рифмач](#)

- АНГЛИЙСКИЕ СКАЗКИ
  -
  - Сказка про трех поросят
  - Мистер Майка
  - Как Джек ходил счастья искать
  - Источник-на-краю-света
  - Три умные головы
  - Малютка брауни
  - Бабушкин дедушка
  - Дочка пекаря
  - Кто-всех-одолеет
  - Воду заперли
  - Дьявол и портняжка
  - Волшебный рог
  - Рыба и перстень
  - Джек Хэннефорд
  - Сон коробейника
  - Сорочье гнездо
  - Джек-Лентяй
  - Кэт-Щелкунчик
  - Господин всех господ
  - Три желания
  - Джоан и хромой гусопас
  - Мистер Виноградина
  - Джек и бобовый стебель
  - Джонни-Пончик
  - Том — мальчик с пальчик
  - Джек — Победитель Великанов
  - Черный Бык Норроуэйский
  - Волшебная мазь
  - Ничто-Ничего
  - Осел, столик и дубинка
  - Джек и золотая табакерка
  - Питер-Простачок
  - Синяя Борода
  - Выгодная сделка
  - Малышка Том и великан Денбрас

- [Ночная погоня](#)
  - [Тростниковая Шапка](#)
  - [Король Иоанн и кентерберийский аббат](#)
  - [Чайлд Роланд](#)
  - [Ученик чародея](#)
  - [Дик Уиттингтон и его кошка](#)
- [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)

**Британские легенды и сказки
СКАЗКИ ШОТЛАНДСКИЕ
И
АНГЛИЙСКИЕ**

Перевод и составление Натальи Шерешевской

Иллюстрации Лии Орловой, Алены Аникст, Надежды Бронзовой

Я-сам!

Жил на свете мальчик по имени Перси. И как все мальчики и девочки, он ни за что не хотел вовремя ложиться спать.

Хижина, где он жил с матерью, была небольшая, из грубого камня, какого много в тех местах, и стояла как раз на границе между Англией и Шотландией. И хотя они были люди бедные, по вечерам, когда в очаге ярко горел торф и приветливо мигала свеча, их дом казался на редкость уютным.

Перси очень любил греться у огня и слушать старинные сказки, какие ему рассказывала мама, или же просто дремать, любуясь причудливыми тенями от пылающего очага. Наконец мать говорила:

— Ну, Перси, пора спать!

Но Перси всегда казалось, что еще слишком рано, и он спорил с ней и препирался, прежде чем уйти, а стоило ему лечь в свою деревянную кроватку и положить голову на подушку, как он тут же засыпал крепким сном.

И вот как-то вечером Перси так долго спорил с мамой, что у нее лопнуло терпение, и, взяв свечу, она ушла спать, оставив его одного возле пылающего очага.

— Сиди, сиди тут один у огня! — уходя, сказала она Перси. — Вот придет старая злая фея и утащит тебя за то, что мать не слушаешься!

«Подумаешь! Не боюсь я злых старых фей!» — подумал Перси и остался греться у огня.

А в те далекие времена в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни, который каждую ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищал все и отмывал. Мама Перси оставляла ему у двери целый кувшинчик козьих сливок — в благодарность за его работу, — и утром кувшинчик всегда оказывался пустым.

Эти малютки брауни были добродушными и приветливыми домовыми, только уж очень легко они обижались чуть что. И горе той хозяйке, которая забывала оставить им кувшинчик со сливками! На другое утро все в ее доме бывало перевернуто вверх дном, мало того, обидевшись, брауни больше и носу к ней не казали.

А вот брауни, который приходил помогать маме Перси, всегда находил кувшинчик со сливками и потому ни разу не ушел из их дома, не прибрав все хорошенько, пока Перси и его мама крепко спали. Но у него была очень злая и сердитая мать.

Эта старая злая фея терпеть не могла людей. О ней-то и вспомнила мама Перси, уходя спать.

Сначала Перси был очень доволен, что настоял на своем и остался греться у огня. Но когда огонь начал постепенно угасать, ему сделалось как-то не по себе и захотелось скорей в теплую постель. Он уж собрался было встать и уйти, как вдруг услышал шорох и шуршание в каминной трубе, и тут же в комнату спрыгнул маленький брауни.

Перси от неожиданности вздрогнул, а брауни очень удивился, застав Перси еще не в постели. Уставившись на длинноногого брауни с острыми ушками, Перси спросил:

— Как тебя зовут?

— Сам! — ответил брауни, скорчив смешную рожицу. — А тебя?

Перси решил, что брауни пошутил, и захотел его перехитрить.

— Я-сам! — ответил он.

— Лови меня, Я-сам! — крикнул брауни и отскочил в сторону.

Перси и брауни принялись играть у огня. Брауни был очень проворный и шустрый бесенок: он так ловко перепрыгивал с деревянного буфета на стол — ну точно кошка, и скакал, и кувыркался по комнате. Перси глаз не мог от него оторвать.

Но вот огонь в очаге почти совсем погас, и Перси взял кочергу, чтобы помешать торф, да на беду один горящий уголек упал прямо на ногу малютке брауни. И бедняжка брауни так громко завопил, что старая фея услышала его и крикнула в каминную трубу:

— Кто тебя обидел? Вот я сейчас спущусь вниз, тогда ему не поздоровится!

Испугавшись, Перси шмыгнул за дверь в соседнюю комнату, где стояла его деревянная кровать, и забрался с головой под одеяло.

— Это Я-сам! — ответил брауни.

— Тогда чего же ты вопишь и мешаешь мне спать? — рассердилась старая злая фея. — Сам себя и ругай!

И следом за этим из трубы высунулась длинная, костлявая рука с острыми когтями, схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

Наутро мама Перси нашла кувшинчик со сливками на том же месте у двери, где она оставила его накануне. И больше малютка брауни в ее доме не появлялся. Но хоть она и огорчилась, что потеряла своего маленького помощника, зато была очень довольна, что с этого вечера ей больше не приходилось дважды напоминать Перси, что пора идти спать.

Крошка-Мальшка

Жил-был мальчишка по имени Крошка-Мальшка. И была у него корова по имени Рогатая-Бодатая.

Вот однажды утром Крошка-Мальшка пошел доить Рогатую-Бодатую и говорит ей:

Стой, коровка, мой дружок,
Стой, моя Рогатая,
Подарю тебе рожок,
Ты моя Бодатая.

Он, конечно, имел в виду «пирожок», сами понимаете. Но корова не хотела пирожка и не стояла смирно.

— Фу-ты ну-ты! — рассердился Крошка-Мальшка и говорит ей опять:

Стой, коровка, моя Рогатая.
Дай молочка, моя Бодатая.
Будь умная, послушная,
Дам тебе пампушку я.

Но корова не захотела стоять смирно.
Что было делать Крошке-бедняжке с такой Рогатой, с такой Бодатой?

Пошел Крошка-Мальшка домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Мальшка подоить ее!

— Фу-ты ну-ты! — говорит мама. — Сломай хворостину, побей непослушную скотину.

Пошел Крошка-Мальшка к дереву за хворостиной и говорит ему:

Дай мне хворостину,
А я тебе дам холстину!

Но дерево не хотело холстины и не дало мальчику хворостины.

Пошел Крошка-Мальшка опять домой к маме.

— Мама, мама! Не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Мальшка ее подоить!

— Фу-ты ну-ты! — говорит мама. — Пойди к мяснику, пусть зарежет корову.

Пошел Крошка-Мальшка к мяснику и говорит ему:

Наша Бодатая-Рогатая молочка нам не дает, пусть мясник нашу Рогатую-Бодатую убьет!

Но мясник не захотел убивать корову без серебряного пенни. И Крошка-Мальшка опять пошел домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет мясник убивать корову без серебряного пенни, не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смиренно, не может Крошка-Мальшка ее подоить.

— Ай, ай, ай, — говорит мама. — Пойди к нашей Рогатой, к нашей Бодатой и скажи ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

Вот пошел Крошка-Мальшка опять к Рогатой-Бодатой и сказал ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

И корова тут же стала смиренно и позволила мальчику себя подоить.

И маленькая девочка с голубыми глазками перестала плакать.

И все обошлось как нельзя лучше.

Что не к худшему, то всегда к лучшему.

Петух и Лиса

Однажды Лиса-хитрые-глаза-пушистый-хвост прокралась потихоньку в фермерскую усадьбу и утащила жирненького, рябенького Петушка.

Тут поднялась страшная суматоха, и все бросились в погоню за воровкой. Пришлось Лисе удирать что было духу, однако Петушка из зубов она не выпустила.

Но Петушок-красный-гребешок-громкий-голосок совсем не хотел попасть Лисе на обед. И пока она бежала к своей норе, он все думал да придумывал, как бы ему заставить Лису-воровку разжать зубы. Вот он и заговорил с ней так ласково, так вкрадчиво:

— Ну и глупы же люди, что хотят поймать тебя, Лиса! Куда им, разве угнаться за тобой!

Лисе понравились такие речи: ведь она была не только хитра, но и тщеславна. А Петушок-красный-гребешок-сладкий-голосок продолжал:

— А все-таки хоть им тебя и не поймать, не так уж это, наверное, приятно, когда за тобой гонятся да еще кричат: «Держи вора! Держи вора!» Я бы на твоём месте сам крикнул им: «Это мой петушок, а

совсем не тот, которого украли!» И люди отстанут, а ты спокойно побежишь домой.

Тут Лиса не выдержала, разжала зубы, задрала вверх голову и закричала:

— Это мой петушок!

А Петушок-красный-гребешок-хитрый-голосок времени зря не терял и бросился наутек. Только его Лиса и видела.

Лиса и Пустельга

Пустельга грелась на солнышке, сидя на теплых камнях у реки, и не заметила, как к ней подкралась рыжая Лиса. Раз! — и одним прыжком Лиса очутилась возле задремавшей птички и схватила ее в свои когти.

— Не ешь меня, Лиса! — взмолилась Пустельга. — Отпусти меня, и я тебе знаешь какое яйцо снесу — больше твоей головы!

Лиса решила, что поймала не простую птицу, а особенную, и так ей захотелось получить необыкновенное яйцо, что она выпустила маленькую птичку.

А Пустельга взлетела на дерево и, почувствовав себя в безопасности, принялась поддразнивать глупую Лису:

— Не снесу я тебе яйцо больше твоей головы, не могу я снести такое яйцо! Но зато могу дать тебе три совета. Запомни их, они тебе пригодятся. Мой первый совет: **пустым басням не верь!** Второй: **из мухи не сделаешь слона.** И третий... — Пустельга поглядела на голодную Лису и закончила: — **Поймала, так держи!**

Там Лин (Легенда)

Прекрасная Дженет жила в замке своего отца, славного графа Марча. Вместе с другими девушками она проводила дни в высокой башне замка — они там шили и вышивали шелковые одеяния. Только Дженет не очень внимательно следила, чтобы шов у нее получался прямой и ровный. Она больше любила глядеть в окошко.

А за окном виднелись деревья Картехогского леса, куда девушкам из замка ходить строго-настрога запрещалось. В этом лесу, как говорили, охотились рыцари королевы эльфов, и горе той девушке, которая пошла бы туда гулять и повстречала одного из них!

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день шитье было отброшено в сторону, иголка очутилась на полу, а сама девушка в зеленом лесу.

Гуляя по лесу, Дженет увидела на поляне белого коня, привязанного к дереву. Конь был белее молока, а сбруя на нем сверкала чистым золотом. Дженет пошла дальше и пришла к поляне, усыпанной розами. Не успела она сорвать один цветок, как вдруг перед ней словно из-под земли вырос юноша.

— Зачем ты сорвала белую розу, прекрасная Дженет? — спросил он. — Кто тебе позволил? И как ты посмела прийти в Картехогский лес без моего разрешения?

— Где хочу, там и рву цветы! — ответила Дженет. — А просить у тебя разрешения и не подумаю.

Услышав такой дерзкий ответ, юноша рассмеялся, отчего все семь колокольчиков на его поясе весело зазвенели. Потом сорвал красную розу и, протянув ее Дженет, сказал:

— Не сердись, я пошутил. Для такой красивой девушки я бы не пожалел даже всех роз Картехогского леса!

Весь день Дженет и Там Лин (так звали юношу) гуляли по лесу и танцевали на лужайках под волшебную музыку и нежное пение.

Но вот Дженет заметила, что солнце клонится к закату, и поняла, что пора домой, если она хочет попасть в замок до того, как отец заметит ее отсутствие.

Бедная Дженет так спешила, что почти всю дорогу бежала и очень устала. Когда она, бледная и усталая, вошла в большие ворота замка, придворные дамы, игравшие во дворе перед замком в мяч, спросили ее:

— Что такое увидела ты в лесу, прекрасная Дженет, отчего так устала и побледнела?

Но Дженет им ничего не ответила.

На другой день придворные дамы играли в большом зале в шахматы, а девушки опять сидели в башне и шили. Но Дженет осталась одна. Она смотрела в окошко и думала: хорошо бы сейчас гулять в лесу с молодым рыцарем, танцевать под волшебную музыку и слушать нежное пение...

Задумавшись, она не заметила, как к ней подошел старый лорд, друг ее отца, славного графа Марча.

— Отчего ты грустишь, прекрасная Дженет? — спросил он. — Сдается мне, ты вчера побывала в зеленой стране эльфов. Если только наш граф узнает об этом, нам всем несдобровать.

— Ах, оставьте меня в покое! — рассердилась Дженет.

В ответе ее звучала дерзость, а сердцем она чувствовала, что старый лорд прав: Там Лин был не простой смертный, а рыцарь королевы эльфов. И горе той девушке, что полюбит рыцаря из волшебной страны эльфов. Так говорили все.

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день опять убежала в лес. Долго она блуждала среди деревьев, но ни белого коня, ни его молодого хозяина так и не встретила. Она хотела идти уж домой и сорвала зеленую ветку — чтобы унести ее с собой на память, — как вдруг перед ней словно из-под земли вырос Там Лин.

— Скажи мне, скажи скорей, Там Лин, кто ты? — спросила Дженет.

— Я страж этого леса! — ответил юноша.

— Значит, ты и вправду рыцарь королевы эльфов? — печально сказала Дженет.

— Так меня называют, — ответил Там Лин, — но я родился и вырос среди людей. Меня воспитывал мой дедушка граф Роксбургский, потому что родители мои умерли, когда я был еще ребенком. С тех пор я жил в его замке. Однажды во время охоты вот в этом самом лесу с севера налетел страшный ветер. Граф Роксбургский со своей свитой поскакал домой, а меня одолел какой-то странный сон, и я упал с коня. Проснулся я уже в стране эльфов — это их королева нарочно наслала на нас злой северный ветер, чтобы унести меня к зеленым холмам, в Страну Вечной Юности.

Вспомнив про зеленые холмы, Там Лин замолк, опустил голову и о чем-то задумался. Потом опять заговорил с грустью:

— И с тех пор на мне заклинание королевы эльфов: днем я должен сторожить Картехогский лес, а ночью возвращаться в страну эльфов. Там всегда весело и тепло. Я там в большом почете. Но если бы ты знала, Дженет, как мне хочется разрушить волшебные чары и вернуться к людям!

— Я помогу тебе! — воскликнула Дженет, но тут же добавила тихо: — Если ты хочешь.

Там Лин нежно взял ее руку в свои и вот что сказал:

— Есть только одна ночь в году, когда можно разрушить злые чары королевы эльфов, — это ночь на первое ноября, в канун праздника всех святых. На эту ночь все эльфы и их королева покидают свои зеленые холмы. И я еду с ними. Сегодня как раз такая ночь. Но освободить меня нелегко. Отважишься ли ты на это, милая Дженет?

В ответ Дженет лишь спросила, что она должна сделать. И Там Лин сказал:

— Когда пробьет полночь, жди меня у перекрестка четырех дорог. Сначала ты увидишь рыцарей королевы эльфов на вороных конях. Пропусти их и не сходи с места. Потом проскачут всадники на буланых конях. Ты пропусти их. И наконец появятся всадники на белых конях. Я буду среди них. Чтобы ты узнала меня, я сниму с одной руки перчатку. Ты подойди к моему коню, возьми его за золотую уздечку и вырви повод из моих рук. Как только ты отнимешь у меня повод, я упаду с коня, и королева эльфов воскликнет: «Верного Там Лина похитили!» Вот тогда будет самое трудное. Ты должна обнять меня крепко и не отпускать, что бы со мной ни делали, в кого бы меня ни превращали. Только так можно снять с меня заклинание и победить королеву эльфов.

Страшно было бедной Дженет оставаться одной ночью в лесу. Но она помнила, что сказал ей Там Лин, и исполнила все, как он просил. Она схватила его белого коня за золотую уздечку и вырвала повод из его рук, и, когда он упал на землю, она обняла его крепко-крепко.

— Верного Там Лина похитили! — воскликнула королева эльфов.

Но Дженет не испугалась и только еще крепче обняла его. Тогда королева, прошептав заклинание, превратила Там Лина в зеленую ящерицу. Дженет прижала ящерицу к сердцу, но тут ящерица превратилась в холодную змею, которая обвилась вокруг ее шеи. Дженет смело схватила змею, тогда змея обернулась в брусок раскаленного железа. Из глаз у Дженет полились слезы, ей было так больно, но Там Лина она все равно из рук не выпустила.

И королева эльфов тогда поняла, что Там Лин потерян для нее навсегда. Она вернула ему его прежний облик и сказала:

— Прощай, Там Лин! Прощай! Лучшего рыцаря потеряла страна эльфов. Если бы знала я вчера то, что узнала сегодня, я бы превратила твое нежное сердце в камень!

И с этими словами королева эльфов исчезла в зеленом лесу. А прекрасная Дженет взяла Там Лина за руку и отвела в замок своего отца, славного графа Марча.

Сэр Майкл Скотт

Сэр Майкл Скотт из Балвери был самым великим магом, или, как еще говорят, волшебником, каких только знала Шотландия.

Рассказывают, что верными слугами его были духи преисподней, причем одного из них подарил Скотту сам сатана в обмен на его тень. И с тех пор сэр Майкл и вправду перестал отбрасывать тень.

Даже вороной скакун сэра Майкла был не простой, а волшебный.

Случилось однажды, что король Шотландии Александр III послал сэра Майкла ко двору французского короля с важным поручением: добиться кое-каких уступок, на которые король Франции не хотел соглашаться.

— Я бы посоветовал вашему величеству пересмотреть ваши требования, — строго сказал сэр Майкл французскому королю.

Но король Франции ничего не знал о великой силе сэра Майкла Скотта и нисколько не испугался угрозы, прозвучавшей в его голосе. Он только покачал головой.

— Даю вам несколько минут на раздумье, пока мой вороной конь не ударит трижды копытом у ворот вашего замка, — сказал сэр Майкл.

Король и его приближенные так и прыснули со смеху от слов этого заморского выскочки. Однако смех их потонул в громком эхе — это вороной конь сэра Майкла ударил копытом по каменной мостовой перед воротами замка.

И тут же в ответ зазвонили колокола по всей Франции. Большие колокола громко бухали, маленькие тоненько перезванивались. Честные люди, разбуженные колокольным звоном, повскакали со своих постелей, разбойники с большой дороги все попрятались, а пирующие, не успевшие пригубить вино, так и застыли с кубками в руках. Даже птицы попадали из своих гнезд. Все разговоры в стране смолкли: невозможно было расслышать ни слова в таком звоне и грохоте.

Колокола перестали звонить, только когда вороной конь сэра Майкла во второй раз ударил копытом по каменной мостовой.

От второго удара попадали высокие башни королевского замка.

— Довольно! — вскричал король, — Я передумал! Скажи своему господину, что я на все согласен.

В ответ сэр Майкл низко поклонился французскому королю, чтобы спрятать торжествующую улыбку на своих губах.

Что и говорить, король Александр имел все основания быть тысячу и тысячу раз благодарным своему посланнику.

И вообще, лучше было не сердить сэра Майкла Скотта. Он умел доставлять большие неприятности тем, кто чем-либо раздосадовал его или вызвал его гнев, в чем однажды на собственном опыте убедилась жена одного фермера.

Случилось как-то, что, охотясь в лесу, сэр Майкл вдруг почувствовал сильный голод и, увидев невдалеке фермерскую хижину, отправил своего слугу попросить для себя кусок хлеба.

Слуга постучался в дверь и, когда хозяйка открыла ему, попросил у нее ломоть хлеба для своего хозяина.

— Нет у меня хлеба, — грубо ответила фермерша. Слуга принялся и явственно услышал запах свежего хлеба, а заглянув в дверь, увидел пылающий очаг и железные сковороды, на которых пекут хлеб.

С этим он и вернулся к сэру Майклу.

— Хозяйка говорит, что нет у нее хлеба, — сообщил он, — но она неправду говорит. Когда она отворила мне дверь, я сразу услышал

запах свежего хлеба.

Сэра Майкла Скотта очень разгневало такое сообщение. Он вытащил из кармана костяшку, или, как еще называют в тех местах, чертов палец, и велел своему слуге вернуться в хижину и незаметно спрятать эту штуку в щель за дверной притолокой.

Не успел слуга выполнить приказ своего господина, как волшебные чары уже начали действовать. Как раз в эту минуту фермерша наклонилась над очагом, чтобы снять с огня последние хлебы, и вдруг ни с того ни с сего ей ужасно захотелось плясать. Она закружилась по кухне, притопывая и разводя руками, и при этом еще запела:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

А муж фермерши с самого утра работал в поле. И вот он подумал: чего это жена так долго не несет ему обед? Стояла самая жаркая пора — сбор урожая, фермер устал и проголодался. Его помощнику дочка давно уже принесла кувшин с пивом и хлеб, а фермерша все не шла. И фермер попросил девушку, чтобы на обратном пути домой она заглянула к его жене и напомнила про обед.

Девушка вернулась в деревню и постучала в дверь фермерской хижины, но никто ей не ответил, хотя она слышала там шум и топот. Судя по всему, фермерша была в приподнятом настроении, потому что она весело распевала во весь голос.

— Послушай-ка, хозяйка! — крикнула девушка. — Твой муж просил узнать, не забыла ли ты про обед. И велел тебе поскорей нести его в поле!

Шум и пение в хижине продолжались, но ответа девушка так и не получила. А потому она сама открыла дверь и вошла в кухню. Не успела она переступить через порог хижины, как ее тоже охватило желание поплясать, и она вместе с фермерской женой закружилась в бурном шотландском флине.

Прошел час, но ни девушки с каким-нибудь известием, ни жены с обедом фермер так и не дождался и решил сам пойти узнать, что стряслось. Подойдя к дому, он не вошел сразу в кухню, а сначала заглянул в окно.

Что же он увидел?

Его жена вместе с девушкой как безумные скакали по кухне.

— Хватит дурака валять! — закричал фермер. — Где мой обед? Сейчас не время веселиться.

Он в сердцах распахнул дверь и шагнул на кухню. Но не успел он опомниться, как уже плясал вместе с двумя женщинами, стараясь лишь не отставать от них и не сбиваться с такта. Таким образом вместо соло, а потом дуэта теперь в хижине уже отплясывало бурное трио.

Негостеприимная фермерша осипшим голосом продолжала петь:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

Весь этот день сэр Майкл Скотт охотился в лесу, а когда спустились сумерки, слуга напомнил ему:

— Интересно, как она там пляшет, эта фермерша?

— Ты, верно, хотел сказать, как они там пляшут, эта славная тройца? — поправил его сэр Майкл, у которого был свой способ узнавать, где что делается. — Что ж, думаю, она уже получила свое. Теперь можешь вернуться и вынуть чертов палец из-за дверной рамы.

Слуга выполнил все в точности, вытащил чертов палец из-за притолоки, и пляшущая тройца тут же упала без сил на пол и проспала, одни говорят, — семь дней, а другие — целую неделю.

Как Майкл Скотт в Рим ходил

Вот вам еще одна история про Майкла Скотта, знаменитого волшебника, который прославился своими чудесами; того самого, что расколол пополам Эйлдонские горы. По старинному обычаю, принятому среди просвещенных и благочестивых людей Шотландии, каждый год в Рим к папе римскому отправляли посланника, чтобы тот узнал у его святейшества, на какое точно число падает первый день масленицы.

Людам было очень важно знать точный день, потому что от этого зависело, когда справлять все остальные церковные праздники в году. Сразу после масленицы шел Великий пост, а через семь недель наступала Пасха. И так далее, один праздник за другим в течение всех двенадцати месяцев.

Случилось однажды, что эта честь идти в Рим выпала на долю Майкла Скотта. А так как он в это время был слишком занят, то совершенно запамятовал, какое святое дело ему поручили, и протянул со своим путешествием до самого Сретенья, то есть до последнего праздника перед масленой.

Нельзя было терять ни секунды. Если бы кому-нибудь из простых смертных предложили совершить путешествие в Рим и обратно за

такой ничтожный срок, он бы ответил, что только безумный на это согласится, а он еще в здравом уме. Но для Майкла Скотта это было сущим пустяком.

Он встал пораньше и отправился на зеленый лужок, где паслись волшебные скакуны — во лбу у каждого горела белая звезда, а большущие глаза их блестели почище золота.

— С какой скоростью ты можешь мчаться? — спросил Майкл Скотт у первого скакуна на зеленой лужайке.

— Со скоростью ветра!

— Не подойдет, — сказал Майкл и задал тот же вопрос второму скакуну.

— Быстрее ветра! — ответил тот.

— Для меня это медленно! — сказал Майкл.

— А я лечу как мартовский вихрь! — сказал третий скакун.

— Слишком медленно! — сказал Майкл и подошел к последнему скакуну. — Ну, а ты быстро бегаешь? — спросил он его.

— Быстрее, чем хорошенькая девушка меняет возлюбленных! — ответил скакун.

— Вот это мне подходит! — обрадовался Майкл и без лишних слов вскочил на коня, и они отправились в Рим.

Они летели как на крыльях через сушу и моря. Цок-цок, цок-цок, только искры летели из-под копыт — по белым гребням волн, по снежным вершинам гор, по зеленым холмам. Цок-цок, цок-цок! Быстрее времени! И вот уже серые скалы и бурные моря остались позади, и Майкл Скотт на золотых крыльях раннего утра опустился на площадь перед дворцом папы в Риме.

Не мешкая Майкл передал папе весточку, что некий шотландец ожидает его у дверей, и папа римский тут же принял его в своем приемном зале.

— Я посланец верных тебе шотландцев, которые просили узнать, пока еще не миновало Сретенье, когда в этот год начнется масленица, — сказал ему Майкл.

— Ты поздно вато пришел, — сказал папа. — Теперь тебе никак не успеть вернуться в Шотландию до того, как пройдет Сретенье.

— О, у меня еще уйма времени, — возразил Майкл. — Всего несколько минут назад я был в моей родной Шотландии. И вот я здесь. Стало быть, и назад вернусь так же быстро.

— Всего несколько минут назад! — воскликнул папа римский. — Никогда не поверю! Чем ты это докажешь?

Тут Майкл и протяни папе свой берет, который он снял из почтения к его святейшеству.

— Видите снег на нем! — говорит он. — Это снег с шотландских гор, где еще стоит зима.

— Тогда это просто чудо! — воскликнул папа. — И хотя я не верю в чудеса, я все-таки дам тебе ответ на вопрос, за которым ты сюда пришел. Масленица всегда начинается в первый понедельник первого лунного месяца по весне.

Майкл был просто в восторге от такого ответа. Раньше посланцы приносили из Рима только один ответ: масленица в этот год начнется точно в такой-то день. А Майклу удалось узнать секрет, как папа определяет этот день, — вот удача!

— Благодарю вас, ваше святейшество, — сказал Майкл и тут же отправился восвояси.

Вскочив на волшебного скакуна, он добрался до Шотландии так же быстро, как из Шотландии в Рим, и сообщил свою новость землякам.

Два скрипача из Стратспи

Эластер и Джон — так звали двух скрипачей, живших в Стратспи. Бедняки из бедняков были эти двое. До того не везло им в последнее время, что решили они податься в Инвернесс. И уж конечно, в путь они отправились пешком, а не в золоченой карете. А по дороге заходили в деревни и там играли: иногда за несколько пенсов, а случалось, лишь за ужин или за ночлег.

— Надеюсь, в Инвернесе нам больше повезет, — сказал Эластер, когда они были уже близко к цели.

— Во всяком случае, хуже не будет, — сказал Джон, глядя с грустью на свои лохмотья и на большой палец ноги, выглядывавший из башмака.

Но к сожалению, в Инвернесе их не ждала удача. Когда они добрались наконец до города, наступила зима, и земля спряталась под высокими сугробами снега. Скрипачи достали из футляров свои скрипки и заиграли веселую джигу. Но на улице не было ни души, и некому было их слушать. Добрые жители Инвернесса попрятались по домам и грелись у своих очагов.

— Мы зря стараемся, — вздохнул Джон. — Скрипки в сторону, и поищем-ка лучше, где бы укрыться от этого злющего ветра.

В это время из темноты пустынной улицы вынырнул какой-то старик.

— Добрый вечер, джентльмены, — скрипучим голосом произнес он. — А вы, никак, музыканты?

— Они самые, — ответил Эластер. — Да только в такую ночь вся наша музыка на ветер.

— И в карманах ветер, и в желудке ветер, — подхватил Джон. — Одно слово: горе мы скрипачи.

— Если согласитесь играть для меня, я наполню и ваши желудки, и ваши карманы, — сказал старик.

Не успел он закончить, как Джон и Эластер вскинули скрипки под подбородки и...

О такой удачной встрече они и не мечтали!

— Нет-нет, — остановил их старик, кладя руку Эластеру на плечо. — Не здесь. Пойдемте за мной.

— Странный старик, — успел шепнуть на ухо своему приятелю Джон.

— Э-э, за ним так за ним, — ответил Эластер. И старик двинулся в путь, а скрипачи за ним.

Так они добрались до Тонауричского холма. Поднявшись до середины холма, старик остановился перед большим домом. С улицы казалось, что в доме ни души. Света не было, стояла мертвая тишина. Старик поднялся по ступеням к массивной двери, и, хотя он не успел постучать, дверь перед ним бесшумно растворилась.

Скрипачи замерли на месте и в изумлении поглядели друг на друга. Джону стало не по себе, и он готов был бежать без оглядки, если бы Эластер не напомнил ему, что здесь их ждет тепло и хороший ужин.

Раздосадованный задержкой, старик обернулся к двум друзьям и сердито сказал, чтобы они поспешили, если не надумали нарушить уговор. И только скрипачи переступили порог странного дома, как дверь за ними бесшумно затворилась. Тут они наконец увидели свет и слышали шум, крики и смех. Старик провел их еще через одну дверь, и они очутились в роскошном бальном зале невиданной красоты.

В углу стоял длинный стол, заставленный диковинными яствами. От одного их вида у Джона и Эластера слюнки потекли.

За столом сидели прекрасные дамы и кавалеры, разодетые в шелк и атлас, все в кружевах и в украшениях.

— Присаживайтесь к столу и ешьте не стесняясь, — пригласил друзей гостеприимный старик.

Но скрипачи не нуждались в особом приглашении. Давненько им не доводилось так поесть и столько выпить! И когда они уже наелись и напились вдосталь, Джон вдруг заметил, что старик куда-то исчез. Он сказал об этом своему другу, на что тот ответил:

— По правде говоря, как он выходил из зала, я не видел, но в этом странном доме меня ничто не может удивить. Вставай, Джон, бери-ка свою скрипку, и давай сыграем в благодарность за такой прекрасный ужин.

Скрипачи заиграли, а нарядные кавалеры и дамы пошли танцевать. И чем быстрее мелькали в воздухе смычки, тем быстрее кружились танцоры. Никто и не думал об усталости. Эластеру и Джону показалось, что они играют всего полчаса, когда вдруг в зале опять появился тот старик, так же неожиданно, как исчез.

— Довольно играть! — приказал он. — Скоро рассвет. И вам пора в путь.

С этими словами он вручил скрипачам по мешку с золотом.

— Но мы играли совсем недолго и даже не устали, за что же нам столько денег? — спросил честный Джон.

— Берите и ступайте, — коротко ответил старик. Молодые люди послушно взяли деньги и ушли, очень довольные своей удачей.

Первым странную перемену в окружающем заметил Эластер, когда они были уже близко от города.

— Откуда здесь эти новые дома? — подивился он. — Ручаюсь, вчера вечером на этом месте был пустырь.

— Вечером было темно, — ответил Джон, — ты мог их не заметить. К тому же эти дома мне вовсе не кажутся такими уж новыми.

— А этот мост ты вчера видел? — спросил Эластер.

— Точно не помню, — ответил неуверенно Джон.

— Если б он был вчера, мы бы по нему прошли, ведь верно?

Джона начало разбирать сомнение. Все теперь казалось ему не таким, как вчера. Он решил обратиться к прохожему и выяснить, там ли они находятся, где предполагают. Но первый, кого они встретили, оказался очень странно одетый господин и, когда Джон спросил его

про мост и дома, он со смехом ответил, что они стоят на этом месте уже давным-давно. Прощаясь с ними, он опять рассмеялся, заметив:

— Ну и чудная вы парочка! С костюмированного бала, что ли, вы идете в этом смешном старомодном платье?

Конечно, новым их платьем назвать было нельзя, но что в этом смешного? И Джон с Эластером подумали, что невежливо смеяться над их платьем, когда сам прохожий одет так нелепо. Однако, оказавшись на улицах города, они заметили, что все мужчины, женщины и дети одеты так же нелепо и странно. И в магазинах была выставлена странная, незнакомая одежда. И даже разговаривали все с каким-то странным, незнакомым акцентом. А самих скрипачей поднимали на смех, когда они обращались к кому-нибудь с вопросами. И все почему-то удивленно таращили на них глаза.

— Давай лучше вернемся в Стратспи, — предложил Эластер.

— Что ж, здесь нас больше ничто не держит, — согласился Джон. — Да и люди здесь мне не очень нравятся. Они обращаются с нами как с какими-то шутами.

И друзья повернули назад, в Стратспи. На этот раз они уж путешествовали верхом — денег у них было вволю, они могли заплатить и за постой, и за обед с вином.

А на скрипке они играли теперь только для собственного удовольствия.

Но, добравшись до родного города, они едва узнали его. Здесь тоже все переменялось: и улицы, и дома, и мосты, и люди — решительно все.

Они зашли к фермеру за молоком, а оказалось, у того уже новая жена. Во всяком случае, ни они ее не узнали, ни она их. И дети, игравшие перед школой, не поздоровались с ними и не подбежали к ним, как делали это обычно. Да и сама школа изменилась, будто стала больше и крышу ей перекрасили.

Тогда они поспешили к своему лучшему другу Джеймсу, местному кузнецу, чтобы рассказать ему, какая им выпала удача, а заодно и спросить, с чего это вдруг все так переменялось в их родном Стратспи и как поживают их общие друзья.

Однако и кузнец оказался совсем незнакомым человеком, какого прежде они и не видели, а про их друзей он и слыхом не слыхал.

Не на шутку встревоженные молодые люди направились к церкви, надеясь там повидать кого-нибудь из знакомых и у них разузнать, что же такое стряслось. Но церковь тоже оказалась уже не той маленькой скромной церквушкой, какую они помнили, а стала больше, богаче, только кладбище рядом с ней не изменилось.

Они отворили калитку и пошли по дорожке между могилами. Вдруг Эластер схватил Джона за рукав.

— Ничего странного, что мы не застали кузнеца Джеймса дома! — воскликнул он. — Вот его могила.

Не веря глазам своим, Джон внимательно прочел надпись на могильной плите.

— Но это же невероятно! — сказал он. — Когда три недели назад мы покидали Стратспи, Джеймсу было всего двадцать лет с небольшим, точно как нам, а здесь написано, что он умер девяносто трех лет от роду.

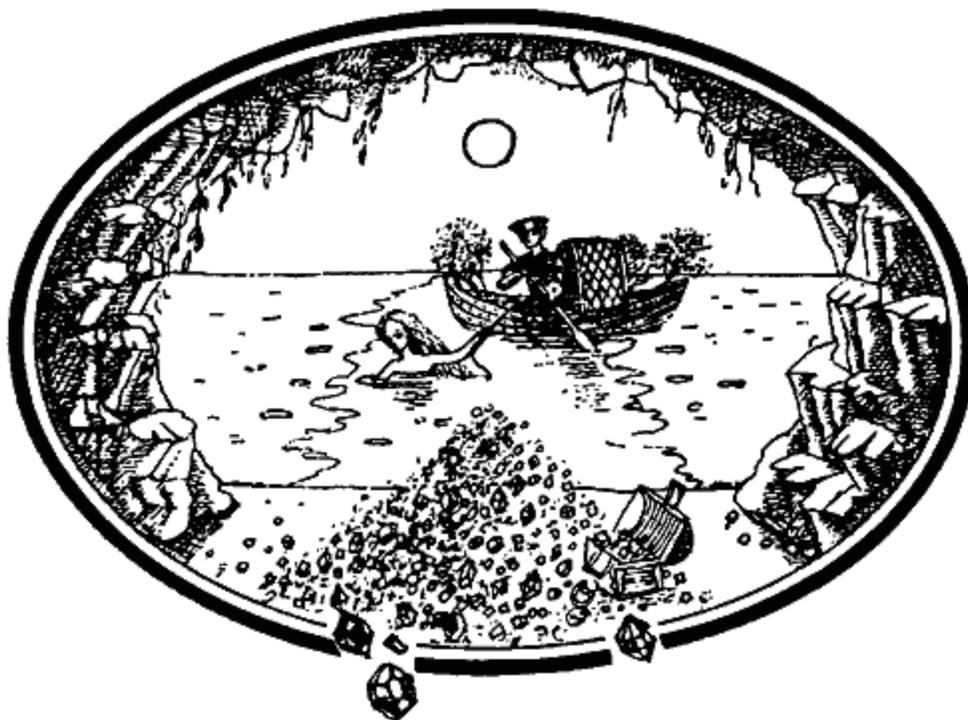
Друзья-скрипачи окинули взглядом другие могилы. Все их знакомые оказались уже похороненными здесь.

— Теперь я все понял! — воскликнул Эластер. — Тогда, в Инвернессе, мы играли для прекрасных фей и их веселых кавалеров, а тот старик, наверное, был сам их король! — И добавил с грустью: — Эх, долго же мы там играли. Слишком долго...

Да, вот так и бывает: кажется, провел в стране эльфов всего полчаса, а вернулся в родные места и никого не узнаешь: кто состарился, а кого уже и на свете нет.

Как на крыльях летит время в этой веселой, вечно юной волшебной стране.

Русалка и неверный Эндрию

А вот вам история про молодого Эндрию, которого полюбила русалка. Эндрию жил на самом севере шотландского берега. Как-то утром, проходя дорогой вдоль моря, он услышал чье-то пение. Было еще очень рано, и Эндрию никак не ожидал встретить кого-нибудь на берегу.

Сначала он подумал, что это шум прибоя. Он остановился, прислушался и опять услышал пение. Но, оглядевшись по сторонам, увидел только белых моржей, резвящихся в море. Однако, пройдя еще немного, он заметил, что на скале в самом дальнем конце залива кто-то сидит.

А подойдя совсем близко, он, к своему удивлению, обнаружил, что это русалка.

Она расчесывала перламутровым гребнем длинные волосы и пела. Голос ее разливался ну точно соловьиный! Волосы золотились ярче цветов желтого лютика. Кожа у нее была белее морской пены, а глаза зеленее морской пучины.

Эндрью увидел ее лицо в зеркальце, которое она держала в руке. Он потихоньку подкрался сзади и крепко обнял ее. Она вскрикнула, выронила перламутровый гребень и зеркальце и обернулась к Эндрью.

С этой минуты они полюбили друг друга.

Русалка пообещала Эндрью на другой день опять приплыть на это место и, взмахнув хвостом, исчезла в морской пучине.

На другое утро, вынырнув из моря, она протянула Эндрью, как он подумал было, полную горсть разноцветных стеклышек.

— На, возьми, — сказала она ему. — Это тебе от меня подарок, чтобы ты знал, как я тебя люблю.

Эндрью поглядел, что она ему дала, — это оказались настоящие аметисты и рубины, которые так и играли, и горели в лучах утреннего солнца.

— Откуда ты взяла их? — спросил Эндрью.

— Я нашла их, когда проплывала мимо потонувших кораблей, что лежат на дне Пёнтленд-Фёртского пролива, — отвечала русалка.

Через несколько дней Эндрью отправился в соседний город и продал там все драгоценные камни. А соседи только дивились, что это он вдруг зажил совсем по-новому. Купил новый дом побольше, стал одеваться в богатое платье, баловать себя дорогой едой и заморскими винами.

С русалкой он встречался почти каждый день, и она все больше к нему привязывалась. Но он вел слишком расточительный образ жизни, и его богатство растаяло так же быстро, как появилось.

— Мне нужны еще драгоценные камни, — сказал он русалке. — Осталось там что-нибудь в Пентленд-Фертском проливе?

Она поклялась ему, что камней там так же много, как блестящих чешуек на ее хвосте, и в день их следующей встречи она высыпала ему на колени топазы, горевшие словно глаза у тигра, сапфиры, синее глаз сиамских котов, и изумруды, зеленее глаз ее сестер-русалок.

— Какая ты щедрая! — изумился Эндрью. — И какая ты красивая! — добавил он, нежно ее обнимая.

Однако чем богаче становился Эндрью, тем больше он проводил времени с друзьями и соседями за выпивкой и тем меньше — со своей любимой, русалкой.

Однажды она принесла ему целую пригоршню бриллиантов.

— Просто не знаю, как и благодарить тебя! — сказал восхищенный Эндрью. — Они прозрачны, словно капли росы!

— Нет, — покачала головой русалка. — Словно слезы, какие я пролью, если ты меня разлюбишь, — печально сказала она.

У Эндрью и так было много денег, которые он выручил на продаже драгоценных камней, поэтому бриллианты он решил приберечь. Только несколько камней подарил прекрасным дамам, чтобы завоевать их расположение. Они заказали из этих бриллиантов броши, кольца и серьги и хвастали ими друг перед другом.

И когда Эндрью в следующий раз встретился с русалкой, она упрекнула его в неверности.

— Ах, Эндрью! — с укором сказала она. — Зачем же ты отдаешь мои подарки другим дамам?

Эндрью горячо отрицал это, однако в тот же вечер подарил самый крупный бриллиант самой красивой даме в округе.

Русалка за это его опять упрекнула, и они поссорились. Русалке было очень обидно. Сначала она горевала, но потом решила: нет, не позволит она своим земным соперницам отнять у нее Эндрью.

И вот однажды, когда в назначенный день Эндрью пришел на берег моря, он увидел пустую скалу — на этот раз русалка не ждала его, как обычно. Эндрью сам сел на скалу и долго сидел, думая, что она вот-вот покажется.

Вдруг он увидел, что с запада к нему плывет нарядная лодка. Она легко разрезала гладкую поверхность воды, словно острые ножницы шелк, и быстро приближалась к нему. На носу ее сидела русалка. Она окликнула Эндрью, он прыгнул со скалы в море, подплыл к лодке и взобрался на борт.

— Раньше ты без лодки приплывала ко мне, — сказал Эндрью.

— Я хочу увезти тебя с собой, — сказала на это русалка.

— Спасибо, но я не уверен, что хочу уехать с тобой, — сказал Эндрью; он был вполне доволен теперешней своей богатой жизнью.

— Я бы отвезла тебя к мысу Дункансби-Хед, — пообещала русалка.

— Не хочу я в Дункансби-Хед, — сказал Эндрью.

— Там, в пещере, — продолжала русалка, не обращая внимания на нелюбезность своего возлюбленного, — я храню все сокровища, которые я нашла когда-то в Пентленд-Фертском проливе. Те

драгоценные камни, что я приносила тебе, лишь отблеск этих несметных сокровищ, и все они хранятся в пещере у мыса Дункансби-Хед.

— А ты правду говоришь? — не поверил Эндрию. — Может, ты мне сказки рассказываешь, чтобы заманить меня?

Русалка уверила его, что ничего не придумала, а сказала чистую правду. Рассказ о несметных сокровищах совсем вскружил голову молодому человеку, и Эндрию согласился поехать с ней.

Хотя на лодке не было ни парусов, ни весел, она летела вперед словно по волшебству, и очень скоро они приплыли к огромной пещере. Русалка бросила серебряный якорь и предложила Эндрию сойти с лодки и спуститься в мрачную пещеру.

Эндрию вдруг начало клонить ко сну, и, войдя в пещеру, он лег на песчаный пол, положил голову на камень и заснул. Сколько он проспал, он сам не знал, но, когда проснулся, лунная дорожка уже легла от входа через всю пещеру, осветив сверкающие груды драгоценных камней, сваленных в дальнем углу.

Эндрию тут же вскочил на ноги и кинулся в тот угол, уже прикидывая в уме, сколько камней он сможет унести с собой. Однако когда он погрузил руки в груды холодных, горящих бриллиантов, он вдруг заметил, что кисти его рук схвачены тонкой, но прочной золотой цепью, достаточно длинной, чтобы он мог дотянуться до драгоценностей, но не настолько длинной, чтобы он мог выйти из пещеры.

В отчаянии он огляделся, ища глазами русалку. Она сидела на толстом бревне, увитом морскими водорослями, у входа в пещеру.

— Зачем ты приковала меня цепью? — спросил ее Эндрию. — Ты пошутила?

Русалка покачала головой.

— Больше я тебе не верю, — сказала она. — Ты разорвал невидимую цепь нашей любви. Но эту золотую цепь не разорвешь. Теперь ты навсегда мой...

Вот как наказала русалка молодого Эндрию за неверность.

Отважный охотник Финлей

В далекие-далекие времена в диких горах на самом севере Шотландии жил со своей юной сестрой отважный охотник по имени Финлей.

Каждое утро Финлей уходил с собаками на охоту — за благородным оленем, за куропаткой или за горным зайцем, а сестру оставлял дома. И каждый раз, уходя из дому, он наказывал ей поддерживать огонь в очаге и не открывать окошко, что смотрит на север.

Там, на севере, за снежной вершиной горы в глубокой пещере жили злые великаны. Эти великаны очень любили холодный северный ветер и терпеть не могли жаркий огонь в очаге.

Самой злой и хитрой в семье великанов была старая Кэйллик.

Ходил слух, что в горной пещере великанов хранятся огромные сокровища и даже волшебные предметы, однако никто еще не отважился подняться за ними туда.

А надо вам сказать, что сестра Финлея была очень безрассудная девушка. Ей никогда не приходилось видеть не только самих

великанов, но даже их следов. А что она не могла увидеть собственными глазами, в то она не хотела верить. И потому, уходя из дому, она даже не думала подбросить торфа в огонь, а если дымил очаг, она, нимало не смущаясь, открывала настежь окошко, глядящее на север, чтобы выпустить дым.

И однажды она сделала и то и другое — как раз что брат просил ее не делать: она открыла окно на север и забыла подбросить торфа в огонь, и очаг погас. А выйдя из дома, она увидела на приступке незнакомого красивого юношу. Он ласково приветствовал ее, заговорил о том о сем, и в конце концов она пригласила его зайти в дом.

А надо вам сказать, что этот красивый юноша был не кто иной, как младший из великанов, живших в той самой пещере. А чтобы его не узнали, он принял облик человека. Он попросил девушку дать обещание, что она не скажет брату, кто приходил к ней.

Глупая девушка — лучше бы она не соглашалась на это! Но она поспешила дать юноше обещание. А ему только того и надо было. Теперь он мог так околдовать ее, чтобы она влюбилась в него без памяти.

Он совсем заговорил бедняжку, и наконец она даже согласилась покинуть дом брата и бежать с незнакомым юношей. Хуже того, он взял с нее клятву, что, если брат помешает ей и вступит с ним в бой, она не станет помогать родному брату.

С этим молодой великан покинул дом Финлея.

Настал вечер. Усталый Финлей возвращался после охоты с собаками домой и, не заметив как, забрел в незнакомую ложбину. Его это тем более удивило, что он считал, будто хорошо знает все ложбины и ложбинки в своих горах. Там, в тени рябин и елей, возле прозрачного ручья он увидел хижину. За хижинной вверх по склону холма тянулось вспаханное поле. На нем уже зеленели всходы, хотя весна в этих суровых горных краях только-только начиналась.

Финлей приказал собакам лежать смирно и ждать, а сам подошел к хижине и постучал в дверь. Ему открыла хорошенькая девушка, и он увидел в хижине старушку.

— Здравствуй, Финлей! — сказала старушка.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился Финлей. — И откуда вы взялись здесь, в наших горах, и ты, и эта хорошенькая

девушка, и ваш дом, и рябины, и все такое прочее?

— Зови меня просто Доброй Волшебницей, — сказала старушка. — Эта девушка — моя дочка. Мы здесь, чтобы спасти тебя, Финлей! Хотя ты и отважный охотник, но, случается, и отважного не мешает предупредить об опасности. Знаешь ли ты, что сегодня в твоём доме побывал младший из великанов? И твоя сестра пригласила его в дом, и ему удалось опутать ее злыми чарами. Завтра он придет опять, чтобы убить тебя заколдованным голубым мечом.

— Мне горько слышать это! — сказал Финлей.

— Только ни о чем не спрашивай сестру, — предупредила старушка. — Помни, она теперь во власти злых чар.

Финлей вернулся с собаками домой и ни о чем не спросил сестру.

Наутро он, как всегда, собрался на охоту, но далеко не ушел, а спрятался. И как только на дороге появился великан — ну, тот самый, что притворился красивым юношей и опутал злыми чарами сестру Финлея, — он напустил на него своих собак. Великан так удивился, что даже забыл о волшебном голубом мече, которым хотел убить Финлея.

Да, на беду, собаки подняли громкий лай, и девушка вышла из дому посмотреть, что случилось. Тут великан схватил ее за руку, и они убежали.

Финлей остался один.

Но он знал, что это ненадолго. Скоро к нему в гости пожалуют великаны, чтобы отомстить за своего младшего брата. Он заложил дверь поленом, потом подбросил побольше торфа в очаг, и вскоре посреди хижины уже пылал яркий огонь. Но все равно Финлея пробирала дрожь.

Вдруг он услышал страшный шум, словно гром в горах. Это посыпались большие камни из-под ног великана, спускавшегося с горы.

Великан подошел к дому Финлея и закричал-зарычал-заревел:

— Фи! Фо! Фу! Кто посмел закрыть дверь? Стыд и позор тому, кто не пускает усталого путника в дом!

И он надавил плечом на дверь, вышиб ее и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. Он стоял под прикрытием пылающего очага с луком и стрелами наготове. И как только великан ворвался в хижину,

он выпустил первую стрелу. Но она лишь ранила великана. Он взревел от боли и бросился на Финлея.

Неизвестно, что случилось бы с отважным Финлеем, если бы не его верные псы. Они накинулись на великана, и, пока он от них отбивался, Финлей успел выпустить из лука вторую стрелу и убил чудовище.

Утром Финлей поспешил в знакомую ложбину к Доброй Волшебнице, прихватив с собой голову великана.

— Ты храбрый юноша! — похвалила его старушка. — Как это тебе удалось?

И Финлей рассказал ей все, как было, как собаки помогли ему одолеть страшного великана.

— Ну, эта битва еще не битва, — сказала Добрая Волшебница. — Битва будет впереди. Береги своих собак!

И эту ночь Финлей был в хижине один, ведь сестра его убежала с молодым великаном. Посреди ночи он опять услышал страшный шум, словно раскаты грома в горах, и даже еще страшней, чем накануне. Опять по склону горы покатались тяжелые камни и раздался громкий стук в дверь хижины.

— Фи! Фо! Фу! — заревел-зарычал великан. — Ты убил моего сына, но меня тебе не убить!

И великан вышиб дверь и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. В свете очага он увидел, что этот великан о пяти головах, одна страшней другой. Разгорелась жаркая битва, и несдобровать бы Финлею, если бы не его верные псы. Они хватали и кусали великана, и, пока он от них отбивался, Финлей выхватил свой меч и вонзил его чудовищу прямо в сердце.

А утром Финлей опять пошел к Доброй Волшебнице и сказал ей:

— Мне опять помогли собаки. Без них был бы конец!

— Нет, — сказала старушка, — эта битва еще не битва. Битва будет впереди! Слушай меня внимательно, отважный охотник. Сегодня ночью к тебе придет сама старая Кэйллих, чтобы отомстить за мужа и за старшего сына. Но она придет без шума и грома, а тихо и незаметно. Она заговорит с тобой сладким голосом и попросит впустить ее в дом. Но помни: она придет, чтобы отнять у тебя жизнь! Поступай точно, как я скажу тебе, и все кончится хорошо.

И Добрая Волшебница научила отважного Финлея, что ему следует делать, а чего не следует.

Когда пришла ночь, Финлей опять сидел в хижине один и прислушивался к тишине. В очаге горел жаркий огонь. Собаки лежали рядом и грелись.

Вдруг раздался легкий шорох, словно мертвый лист зашуршал по ветру, и Финлей услышал за дверью слабый, дрожащий голос:

— Впустите усталую бедную старушку погреться у очага! Откройте дверь!

Финлей крикнул ей:

— Я впущу тебя в дом, старая, если ты пообещаешь вести себя тихо и никому не причинишь в моем доме вреда.

Старуха пообещала.

И Финлей впустил ее в дом. Она и в самом деле оказалась совсем дряхлой, сгорбленной старушонкой. Поклонившись Финлею, она села возле очага с одной стороны, а он — с другой. Собаки беспокойно сновали по хижине, скаля зубы и глухо ворча.

— Какие страшные у тебя собаки! — дрожащим голосом прошамкала старушонка. — Лучше уж привяжи их!

— Собаки никогда не тронут добрую старую женщину, — сказал Финлей.

— Привяжи их, очень прошу тебя. Я так боюсь злых собак!

— Да мне нечем и привязать их, — сказал он.

— Я дам тебе три волоса с моей головы. Они такие крепкие, что можно сплести из них якорную цепь для большого корабля.

Финлей взял три волоса и притворился, что привязывает собак. На самом же деле он просто приказал им сидеть смирно в углу.

— Ты уже привязал их? — спросила старуха.

— Сама видишь, как они смирно лежат, — ответил он.

Старуха посмотрела на собак и успокоилась. Не говоря больше ни слова, они продолжали сидеть у очага, и Финлею вдруг показалось, что старуха начала расти.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты как будто растешь?

— Ну что ты! — сказала старуха. — Это холодная ночь виновата. Я замерзла и сжалась в комок, а сейчас отогрелась у твоего очага.

Они опять помолчали. Финлей не спускал глаз со старухи и наконец сказал:

— Ну конечно, ты растешь на глазах! И не отпирайся!

Старуха нахмурилась и сказала сердито:

— Да, расту! А ты убил моего мужа и моего старшего сына!

С этими словами она вскочила и уперлась головой в потолок, так что хижина вся затряслась. Финлей тоже вскочил на ноги, но великанша успела схватить его за волосы. Хорошо еще, что она не могла нарушить свое обещание и напасть на него в его доме. Но она потащила его за порог. Тогда псы вскочили со своих мест и бросились на нее.

Финлей не на жизнь, а на смерть схватился с великаншей. Они катались по земле, дубася друг друга, и, конечно, она одолела бы Финлея, если бы не собаки. Они хватали и кусали ее, и потому Финлею удалось повергнуть ее на землю и приставить к горлу меч.

Тут она как будто смирилась и стала сулить отважному охотнику любые богатства, только бы он отпустил ее.

— Я отдам тебе все сокровища из нашей пещеры! — говорила великанша.

— Нет! — отвечал охотник.

— Ты получишь заколдованный меч, который разит без промаха человека и зверя!

— Нет! — отвечал охотник.

— Я дам тебе волшебную палочку, которая может превратить каменный столб в славного воина и славного воина в каменный столб!

— Нет! — ответил охотник и вонзил свой меч великанше прямо в сердце.

Так велела ему Добрая Волшебница.

Потом он приложил красный мох, сфагнум, к своим ранам и наутро был уже здоров. Он отправился к хижине Доброй Волшебницы и рассказал ей все, как было, как собаки помогли ему одолеть старую Кэйллик.

— Теперь ты герой, Финлей! — сказала Добрая Волшебница. — Вот это была битва так битва! — И она погладила собак.

— Скажи, — спросил Финлей Добрую Волшебницу, — а как раздобыть сокровища великанов и заколдованный меч, разящий без промаха?

— Сегодня ночью мы с дочкой так и так собирались пойти в пещеру великанов, чтобы забрать у них мою волшебную палочку, — сказала Добрая Волшебница. — Если хочешь, можешь пойти вместе с нами.

Отважный Финлей с радостью согласился. И когда вышла луна, все трое пустились в путь к пещере великанов. Добрая Волшебница велела дочке и Финлею набрать побольше сухого вереска. Этот вереск она сложила у входа в пещеру и разожгла костер.

— Великаны не любят огня, — сказала она, — и мы их выкурим из пещеры.

Так оно все и вышло. Дым от горящего вереска пошел в пещеру, и вскоре оттуда высунулась голова молодого великана. Глаза у него слезились от дыма, он чихал и совсем задыхался.

— Только не стреляй в него! — крикнула Финлею Добрая Волшебница, увидев, что он целится в великана из лука. — Я лучше превращу его в каменный столб, как только найду свою волшебную палочку.

Но молодой великан уже смекнул, в чем дело. Вернувшись в пещеру, он схватил за руку сестру Финлея и выскочил с нею из пещеры. Потом что было силы дунул на огонь и, укрывшись за дымовой завесой, исчез из глаз...

Не прошло и недели, как Финлей женился на хорошенькой дочке Добрая Волшебницы. Они зажили вполне счастливо. Нужды они не знали — ведь все сокровища великанов достались им. И бояться никого не боялись — ведь их охраняли верные псы Финлея.

Кошель золота за пару штанов

Скрестив ноги, портной сидел на столе и дошивал парчовый камзол, когда к нему заглянул сам лорд, владелец замка Сэддл с его окрестностями.

— С добрым утром, портной, — приветствовал его лорд. — Вижу, ты все еще трудишься над моим камзолом.

— Отличная материя, милорд, — ответил портной, не отрывая глаз от работы. — Одно удовольствие шить из такой.

Спешить лорду было некуда, и, не зная, чем себя занять, он прислонился к двери и стал смотреть, как портной шьет.

— Ты слышал, он опять появился на монастырском кладбище? — продолжал разговорчивый лорд.

Портной кивнул.

— Сам дьявол, — добавил лорд.

Портной опять кивнул.

Эх, шел бы лорд своей дорогой и дал бы спокойно поработать. Ему бы только языком чесать, этому лорду!

Так подумал портной. Но вслух, конечно, ничего не сказал.

— Да, уж такого смельчака не сыскать, который отважился бы провести ночь на кладбище, — не унимался лорд.

Портной промычал что-то.

— Ты согласен со мной? — продолжал лорд.

— Право, не знаю, сэръ, — ответил портной. Тут лорд достал из кармана увесистый кошель с золотыми монетами и потряс им в воздухе.

— Хочешь, побьемся об заклад? — предложил он. — А то все сидишь да строчишь. Спорим на этот кошель золота: не просидеть тебе ночь на кладбище за работой и чтоб к утру были готовы новые штаны!

Портной ничего не ответил, он откусывал в это время нитку.

— Ну, что скажешь, портной? — не отступал лорд. — Поспорим?

Портной поднял голову и поглядел прямо на лорда.

— Если вы сейчас уйдете и дадите мне спокойно дошить камзол, поспорим!

Его ответ, казалось, прозвучал спокойно, однако портной не на шутку взволновался.

Он был человеком бедным и привык трудиться за гроши. Подумаешь, велика забота — просидеть ночь на кладбище! А вот получить за одну пару штанов целый кошель золота — это да! Тут есть из-за чего поволноваться.

В тот же вечер бедняга портной, сунув под мышку кусок материи — такой, чтоб хватило на пару штанов, — и расстав по карманам ножницы, нитки, иголки и наперсток, отправился на кладбище.

Ночь была темная, тихая. Вокруг ни души. Но это не пугало портного, он и сам был человеком темным, тихим. И привык к одиночеству.

Добравшись до кладбища, он с трудом отворил скрипучие железные ворота, которые потом с грохотом затворились за ним. С таким грохотом, что мертвому впору проснуться, однако и тут портной ничуть не испугался.

Он нашел удобную, широкую могильную плиту и сел по-портновски, скрестив ноги. Рядом поставил зажженную свечу и, не теряя времени, принялся за шитье.

Он очень спешил и ни разу даже головы не поднял от штанов, а потому не видел, что делается вокруг. Вполне возможно, что духи и

ведьмы с самим дьяволом во главе устроили вокруг него свою пляску, потому что время от времени пламя свечи колебалось и приседало.

Но портному некогда было глядеть по сторонам. И некогда было пугаться.

В первый раз он поднял голову, когда сделал последний шов и откусил последнюю нитку. Он задул свечу, сунул штаны под мышку, ножницы, нитки, иголки и наперсток рассовал по карманам, поднялся с трудом на ноги — они совсем затекли от долгого сидения на твердом камне — и поспешил в замок Сэддл.

В замке его встретили не очень приветливо.

— Лорд спит, — сказали ему.

— Все равно разбудите его, — велел портной. — Я принес ему новые штаны.

Лорд очень удивился, увидев портного целым и невредимым, да еще с новыми штанами под мышкой.

Уговор есть уговор! Только лорду не очень-то хотелось выполнять этот уговор. И он сказал:

— Согласен, согласен, штаны получились недурны. Но откуда я знаю, что ты их сшил именно этой ночью, сидя на кладбище?

Портной смекнул, куда лорд гнет, и сказал:

— А вы ступайте к воротам замка, милорд, и сами увидите там дьявола. Он гнался за мной по пятам от самого кладбища, я еле успел захлопнуть перед его носом ваши ворота. Слышите, как он шумит там?

А это шумел сильный ветер. Но лорду не захотелось идти к воротам, он предпочел поверить портному на слово.

— Молодец! — похвалил он портного. Что же еще ему оставалось делать?

И вручил портному увесистый кошель золота в обмен на пару штанов.

Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид

В диких зарослях Беншира жил великан. Он был злой и жестокий великан и очень плохо обращался со своей женой — великаншей Клэншид.

Только подумайте: он каждую ночь бил-колотил ее чем попало. То она пещеру не так вымыла, то обед не так приготовила, а то просто у него руки чесались, и он не мог уснуть, пока не поколотит ее.

И каждую ночь над лесами и холмами Беншира разносились вопли бедной великанши. Хуже всех приходилось Джеймсу Грэю, ферма которого стояла неподалеку от тех мест.

Одну ночь за другой ни он, ни вся его семья глаз не могли сомкнуть, и потому днем вместо работы Джеймс Грэй клевал носом в поле, его жена — на кухне, а их дети — над уроками. Все дела стояли, и ферме грозило разорение.

И вот однажды, когда Джеймс Грэй чинил изгородь на границе своей земли — хотя глаза у него, честно говоря, совсем слипались, — он вдруг услышал громкие раскаты грома. Чудо, да и только! И небо ясное, ни облачка, и солнце светит, откуда ж гром гремит?

А это, оказывается, великанша Клэншид вышла поискать чего-нибудь на обед своему мужу.

— Вот удача! — обрадовался Джеймс Грэй. — Давно я ждал этой встречи.

И он закричал что было мочи, подзывая Клэншид, голова которой виднелась где-то высоко над деревьями ближнего леса.

Великанша тут же направилась к нему, раздвигая в стороны высоченные деревья, словно то были жалкие кустики ежевики.

— Добрый день, человек! — прогремел ее голос. — Что тебе от меня надо?

— Хочу пожаловаться! — крикнул Джеймс. — Из-за тебя ни я, ни моя семья не знаем ни сна, ни покоя!

Клэншид ответила, что очень сожалеет, и спросила, чем она потревожила их.

— Ты такой шум поднимаешь каждую ночь, — сказал Джеймс, — что совершенно не даешь нам спать. Неужели нельзя хоть ночку одну не вопить и не орать? В ушах такой звон стоит, словно тысяча злых духов оглашает воздух своими криками. Так продолжаться не может!

Но Клэншид объяснила ему, почему она кричит и вопит каждую ночь, и Джеймсу даже жалко ее стало.

— Ужасный человек мой муж, — вздохнула великанша. — Я бы так хотела от него избавиться.

— Вы правы, сударыня, — с радостью подхватил он, — Хорошо бы вам от него избавиться. Нам бы всем тогда спокойней стало.

Слово за слово, и великанша с фермером расстались добрыми друзьями.

В эту же ночь, как только выплыла полная луна, Клэншид пришла на ферму. Она постучала легонько в дверь, от чего весь дом так и затрясся. Джеймс Грэй сразу догадался, что за ночной гость пожаловал к нему.

— Что тебе? — спросил он, отворяя дверь. — К сожалению, в дом я тебя не могу пригласить: ты в нем не поместишься.

— И не надо, — сказала великанша. — Пойдем, помоги мне убить моего мужа! Я слышала, ты хороший стрелок. А если ты убьешь его, он уже не сможет меня колотить и вы тогда будете спать спокойно.

— Смешная ты женщина, — сказал Джеймс Грэй. — Как же я убью его? Это все равно что сказать муравью: убей слона!

— Ах, ты ничего не знаешь, — сказала великанша. — У моего мужа над сердцем есть родинка. Если попасть в нее, он сразу умрет.

Джеймс Грэй согласился. На его месте и вы бы согласились: подумать только, сколько ночей не спал он по вине этого самого великана!

И вот, прихватив лук и стрелы и сев верхом на плечи великанши Клэншид, Джеймс Грэй отправился к пещере великана.

А великан уже встречал их, поджидая у входа в пещеру и потрясая в воздухе кулачищами.

Грэй достал стрелу, вложил ее в лук, натянул тетиву покрепче, прицелился — что ж, это было не так уж трудно сделать, потому что родинка над сердцем великана была величиной, наверное, с шотландскую шапочку, — и выстрелил.

Великан охнул и растворился в воздухе.

Тут Клэншид на радостях пустилась в пляс и так притопывала и кружилась, что Джеймс Грэй взмолился, чтобы она перестала: не очень-то удобно сидеть на плечах танцующей великанши.

Клэншид опустила Джеймса на землю и молвила:

— Ты оказал мне великую услугу, Джеймс Грэй! Отныне можешь располагать мной и моим временем как тебе вздумается. Скажи скорей: что я могу для тебя сделать?

Но Джеймсу меньше всего хотелось в ту минуту пользоваться услугами великанши. Единственное, о чем мечтал он, — это хорошенько выспаться! И, желая поскорее отделаться от услужливой великанши, он сказал, показывая на стадо оленей, пробежавших в это время по лесу:

— Видишь, это мои кони вырвались из конюшни. Собери их и загони назад в стойла!

Доверчивая и не очень-то умная Клэншид бросилась выполнять его задание, а Джеймс Грэй вернулся домой и лег спать.

Но не успел он и голову положить на подушку, как — тук! тук! тук! — дом его так и затрясся от знакомого стука.

— Я загнала твоих коней в стойла, — сказала она. — Хотя это было не так-то легко: кони оказались ужасно непослушные. Ну, а теперь что?..

Но мы не знаем, ни что ответил ей Джеймс Грэй, ни когда наконец этому бедняге удалось хоть одну ночь проспать спокойно!

Синяя шапочка

Жил на полуострове Кинтайр в Арделве рыбак по имени Эйн Макрэй. В один зимний денек, когда надежд на удачный улов не было никаких, потому как на море гулял шторм, Эйн надумал зайти для своей лодки новый киль и отправился в лес, что лежит между Тотэгом и Гленелгом, надеясь там найти дерево как раз нужной ему длины.

Но только он присмотрел подходящее дерево, как с гор спустился густой туман и в лесу стало темно, хоть глаз выколи. Место это, куда забрел Эйн, было далеко от его дома, и как только туман спустился, первым желанием незадачливого рыбака было поскорее вернуться назад. Ему совсем не хотелось заблудиться в незнакомом лесу и провести холодную зимнюю ночь под открытым небом.

И он пошел по тропинке, которую едва мог различать, думая, что это та самая, по какой он пришел в лес, и что она уж наверное доведет его до Арделва. Но очень скоро он понял, что ошибся, так как тропинка вывела его из леса на какое-то незнакомое место у подножия холма, и к тому времени, когда сгустились сумерки, он окончательно сбился с пути.

Бедняга хотел уж закутаться поплотнее в плед и провести остаток ночи, спрятавшись в вересковых зарослях, как вдруг заметил вдали мерцающий огонек. Он поспешил на огонек и, подойдя поближе, увидел, что это горит свет в окошке полуразвалившейся каменной хижины, какими пользуются пастухи, когда выгоняют скотину на летнее пастбище.

«Кажется, мне повезло, — подумал Эйн. — Здесь можно будет и переночевать, и у горящего очага погреться».

И он громко постучал в покосившуюся дверь.

К его удивлению, никто не ответил.

«Кто-нибудь же там должен быть, — рассуждал Эйн. — Ведь сама по себе свеча не горит».

И он еще раз постучал в дверь. И опять ему никто не ответил, хотя на этот раз он явственно расслышал в хижине чьи-то приглушенные голоса.

Тут Эйн рассердился и крикнул:

— Что вы за люди, коли не хотите впустить усталого путника погреться у очага в такую холодную ночь?

В доме послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась — ровно настолько, чтобы пропустить кота, — и высунулась голова дряхлой старушонки, которая внимательно оглядела рыбака.

— Так и быть, можешь остаться здесь на ночь, — пробурчала она недовольно. — Поблизости нет другого жилья. Заходи и устраивайся у огня.

Она пошире открыла дверь,пустила Эйна, а потом захлопнула за ним покрепче. Посреди тесной хижины в очаге жарко горел торф, а по обе стороны от огня сидели еще две старухи. Старухи ни слова не сказали Эйну. Та, которая открыла ему дверь, показала рукой на очаг, и он, закутавшись в плед, лег у огня.

Однако заснуть Эйн не мог. Что-то странное почудилось ему в самом воздухе этого убогого дома, и он решил, что, пожалуй, здесь надо держать ухо востро.

Немного погодя старухи поглядели на него и, видно, решив, что их незваный гость уснул, остались очень довольны. Одна старуха поднялась тогда и направилась к большому деревянному сундуку, стоявшему в углу хижины. Эйн лежал не шелохнувшись и смотрел, как старуха приподняла тяжелую крышку сундука, достала из него синюю

шапочку и очень торжественно надела ее себе на голову. А затем проквакала скрипучим голосом:

— В Карлайл!

И прямо на глазах у изумленного рыбака исчезла, словно ее и не было.

Следом за ней и другие две старухи подошли к сундуку, достали каждая по синей шапочке, надели их себе на голову, прокричали:

— В Карлайл! — и были таковы.

Не успела третья старуха исчезнуть, как Эйн вскочил со своего жесткого ложа и тоже подошел к сундуку. Приподняв крышку, он увидел на дне еще одну синюю шапочку. Легко представить себе, как разбирало бедного рыбака любопытство. Ему до смерти захотелось узнать, куда же девались три старые ведьмы. Поэтому нет ничего удивительного, что он тоже напялил себе на макушку синюю шапочку и смело крикнул, точно как три старухи:

— В Карлайл!

И тут же каменные стены убогой хижины словно раздвинулись, и его закрутило, завертело и понесло как на крыльях с неопишуемой быстротой. А затем он плюхнулся — ну, куда бы вы думали? — на пол! И, оглядевшись, увидел, что очутился в огромном винном погребе рядом с тремя старыми ведьмами, которые тоже сидели на полу и потягивали из бутылок винцо.

Однако как только старухи заметили его, они побросали свои бутылки, вскочили и, прокаркав: «Домой, домой, в Кентрой!» — тут же исчезли.

На этот раз Эйну почему-то не захотелось последовать за ними. Он тщательно обследовал все бочки и бочонки в погребе, все бутылки и бутылки, пробуя тут и там по глоточку, а потом прилег в уголке и заснул крепчайшим сном.

А погреб этот, куда судьба таким странным способом забросила Эйна, принадлежал самому епископу Карлайлскому и находился под его замком в Англии. Утром слуги епископа спустились в погреб за вином и пришли в ужас от того беспорядка, какой там нашли: повсюду валялись пустые бутылки, а из некоторых бочек вино лилось прямо на пол.

— Я давно замечаю, что пропадают бутылки с вином, — заявил главный эконом замка, — но такого наглого воровства я еще не

встречал.

Тут один из слуг увидел спящего в углу Эйна в буйней шапочке на макушке.

— Вот вор! Вот вор! — закричали все.

Эйн проснулся и почувствовал, что руки и ноги у него крепко связаны.

Беднягу повели к епископу, сорвав предварительно с его головы синюю шапочку, потому что, как сами понимаете, было бы непочтительно предстать перед его преосвященством с покрытой головой.

Несчастливого Эйна судили и приговорили к сожжению на костре за воровство. И вот среди базарной площади в Карлайле вбили высокий деревянный столб, набросали вокруг него побольше сухого хвороста и привязали приговоренного к столбу. Народу на площади собралось больше, чем и базарный день под праздник.

Эйн совсем уж смирился с горькой судьбой и готовился героически встретить свой последний час, как вдруг в голову ему пришла счастливая мысль.

— Последнее желание! Последнее желание! — закричал он. — Я желаю отправиться на тот свет в синей шапочке!

Последнее желание узника, как полагается, было исполнено. Но только Эйну надели на голову его синюю шапочку, как он смело крикнул:

— Домой, домой, в Кентрой!

И к великому изумлению честных жителей Карлайла, в тот же миг и узник, и столб, к которому он был привязан, исчезли. Больше их в Англии никогда и не видели.

Когда Эйн очнулся, он обнаружил, что лежит на склоне холма у опушки леса, что тянется между Тотэгом и Гленелгом. Однако никакой хижины трех старых ведьм не было и в помине. Туманная ночь давно сменилась ясным солнечным днем. Эйн увидел невдалеке старого пастуха и окликнул его:

— Будь добр, помоги мне отвязаться от этого проклятого столба!

Пастух подошел и помог Эйну освободиться.

— Кто же это привязал тебя? — спросил пастух. Эйн бросил печальный взгляд на столб и тут только заметил, что это прекрасный

ствол дерева, совершенно прямой и крепкий, и тогда он вспомнил, зачем он забрел в лес, так далеко от своего дома.

— Видишь ли, я давно ищу подходящий гладкий ствол, чтобы сделать новый киль для моей лодки. И наконец нашел. Мне его сам епископ Карлайлский подарил! А вчера был туман, и, чтобы не потерять его, я привязал его к себе. Понимаешь?

Пастух объяснил Эйну, как найти дорогу на Арделв, и Эйн, насвистывая веселую песенку, отправился домой.

Рыжий Эттин

Жила-была на свете вдова, возделывала клочок земли, да и тот не свой, а чужой, и растила двух сыновей. И вот настало время отправить сыновей искать по свету счастья.

Как-то раз мать велела старшему сыну взять кувшин и принести воды из источника: она хотела замесить тесто, чтобы испечь сыну на дорогу пирог. Пирог мог получиться большой или маленький — смотря по тому, сколько воды принес бы сын. А кроме этого пирога, ей нечего было дать ему с собой.

Отправился юноша с кувшином к колодцу и набрал воды. Но кувшин оказался с трещиной, и почти вся вода вытекла, прежде чем он вернулся домой. Вот пирог и получился совсем маленький.

На прощание мать спросила сына:

— Может, возьмешь только половину пирога? Тогда получишь мое благословение в придачу. А если возьмешь целый, я тебя прокляну.

Сын подумал, что идти ему придется далеко, а где и как доставать еду, неизвестно, и ответил, что хочет получить целый пирог. Пусть даже с материнским проклятием в придачу, а там будь что будет. И мать дала ему целый пирог и прокляла его.

Тогда он отозвал в сторону младшего брата, отдал ему свой нож и попросил хранить его.

— Каждое утро смотри на него, — наказал он брату. — Если клинок будет чистый, значит, я жив-здоров. А если он потускнеет и заржавеет, знай, что я попал в беду.

И вот отправился старший брат счастья по свету искать. Шел он весь день и еще день, а к концу третьего дня увидел пастуха, который пас стадо овец. Юноша подошел к пастуху и спросил, чьи это овцы. Пастух ответил:

— Откуда ты, юноша, что не знаешь, кто владелец этих земель? — И поведал ему:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Еще не знают, кто герой,
Но час его придет,
И Эттина Кровавого
Недрогнувшей рукой
С земли ирландской без помех
Он смело уберет.

И еще пастух сказал юноше, что скоро ему повстречаются такие звери, каких он в жизни не видывал, — так пусть остерегается их!

Пошел юноша дальше и вскоре увидел стадо страшных двухголовых зверей с четырьмя рогами на каждой голове. Он насмерть перепугался и со всех ног кинулся бежать. И как же он обрадовался, когда добежал, наконец, до замка на невысоком холме!

Ворота замка были открыты. Юноша бросился во двор, потом в комнаты и увидел старую женщину у очага. Он спросил ее, нельзя ли ему здесь переночевать, — ведь он долго шел пешком и очень устал.

Старуха ответила, что переночевать он может, но лучше ему не оставаться здесь — ведь это замок Рыжего Эттина, страшного трехголового чудовища, которое не щадит никого, кто попадет ему в лапы.

Юноша хотел было уйти, да побоялся зверей, что бродили вокруг замка, и упросил старуху спрятать его хорошенько и не выдавать Рыжему Эттину. «Только бы как-нибудь переночевать, — думал он, — а утром, может, удастся ускользнуть от зверей». Но едва он успел спрятаться в укромном местечке, как вернулся домой страшный Эттин. И только вошел, тут же заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец,
Тут придет тебе конец.

Эттин сразу нашел бедного юношу и вытащил его из тайника. А потом сказал, что пощадит его, если тот разгадает три загадки. И вот первая голова чудовища спросила:

— У чего нет конца?

Юноша не сумел ответить. Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

Но юноша и тут не сумел ответить. Наконец третья голова спросила:

— Мертвый живого несет. Отгадай, что это?

Но юноша опять не отгадал.

Тогда Рыжий Эттин схватил деревянный молоток, ударил им юношу по голове, и тот превратился в каменный столб.

А наутро его младший брат достал нож, взглянул на него и опечалился — весь клинок побурел от ржавчины. Тогда он сказал матери, что пора и ему отправиться в путь. Мать попросила его взять кувшин и сходить к колодцу за водой, чтобы замесить тесто и испечь для него пирог. И вот, когда сын нес воду домой, над его головой пролетел ворон и каркнул:

— Погляди на кувшин! Вода вытекает. Юноша был сметлив, увидел, что вода и впрямь вытекает, поднял кусочек глины и замазал трещины. Домой он принес столько воды, что хватило на большой пирог.

На прощание мать сказала сыну, что если он хочет получить ее благословение в придачу, то пусть берет только половину пирога. И сын решил, что лучше взять половину, но с материнским благословением, чем целый, но с проклятием.

Вот отправился младший брат в путь и уже забрел далеко, как вдруг повстречалась ему старушка. Она попросила у него кусочек пирога, и он ответил:

— На, ешь на здоровье! — и отломил ей кусок.

Старушка дала ему за это волшебную палочку и сказала, что палочка ему пригодится, если он будет правильно с ней обращаться. Старушка эта была фея. Она предсказала юноше все, что с ним случится, и научила его, что надо делать, а потом сразу исчезла.

Юноша все шел и шел, пока не увидел старика, который пас овец, а когда спросил его, чьи это овцы, услышал ответ:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Однако пробил час, и наконец
Эттину Кровавому
На радость всем придет конец.
Привет тебе, герой.
Как победишь злодея ты,
Владей его землей!

Наконец юноша подошел к тому месту, где паслись рогатые чудовища. Но он не останавливался, не побежал прочь, а смело прошел среди них — так научила его добрая фея. Один зверь с ревом ринулся было на юношу, разинув пасть, чтобы его сожрать. Но юноша ударил зверя волшебной палочкой, и в тот же миг чудовище мертвым упало к его ногам.

И вот юноша дошел до замка Рыжего Эттина, постучал в дверь, и его впустили. У огня сидела старуха. Она рассказала юноше о том, что случилось с его старшим братом, но юноша не испугался.

Вскоре вернулся Эттин и заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец,
Тут придет тебе конец.

Эттин увидел юношу, велел ему подойти поближе и сказал, что загадает ему три загадки. Вот первая голова Рыжего Эттина спросила:

— У чего нет конца?

— У кольца, — ответил юноша.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

— Мост, — сразу ответил он.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый несет живого. Отгадай, что это? И юноша не задумываясь сказал:

— Корабль в море, а на корабле люди.

Услышал Эттин его ответы и понял, что пришел конец его власти. А юноша поднял топор и снес чудовищу все три головы. Потом попросил старуху показать ему, где спрятана дочь короля Шотландии, и старуха повела его в верхние покои.

Она открывала перед ним одну дверь за другой, и из каждой комнаты выходили красавицы. Все они были пленницы Рыжего Эттина, и среди них оказалась королевская дочь.

Наконец старуха отвела юношу в подземелье, где стоял каменный столб. Юноша прикоснулся к нему своей палочкой, и брат его ожил.

Пленницы радовались и благодарили своего освободителя. На другой день все они, радуясь и веселясь, отправились к самому королю, и он выдал свою дочь за младшего брата, а старшему тоже нашел знатную невесту, и братья жили счастливо до конца своих дней и свою старушку мать тоже не забывали.

Вилли и поросенок

В благодарность за добрую услугу один прихожанин подарил молодому священнику из Данфермлина поросенка.

Сначала священник был в восторге от подарка, но поросенок быстро рос и прокормить его становилось все трудней. Вот священник и решил: «Пошлю-ка я его своему приятелю в Кэрнихилл. Пусть пасется там на воле: стоять это мне ведь ничего не будет».

А у священника был слуга, по имени Вилли, парень неплохой, но малость придурковатый.

— Вилли! — позвал его хозяин. — Сунь-ка поросенка в мешок и снеси в Кэрнихилл к моему приятелю, я уж с ним стоворился.

Но поросенок был хитрый, и Вилли пришлось повозиться, прежде чем он сумел поймать его и засунуть в мешок.

На дорогу священник сделал Вилли строгое напутствие. Он знал, что его верного слугу легко не стоит сбить с толку, из-за чего самое пустячное дело частенько оборачивалось для Вилли самым сложным. Так вот что он ему сказал:

— Смотри же, Вилли, нигде не проговорись, к кому ты идешь и зачем. Только сам помни тебе надо в Кэрнихилл. Отдашь там поросенка и тут же назад.

— Будьте спокойны, хозяин, — отвечал Вилли. — Вы же меня знаете! Все сделаю, как велите.

— То-то и оно-то, что я тебя хорошо знаю! — сказал священник.

И Вилли, взвалив драгоценную ношу на спину, отправился в путь. На полдороге к Кэрнихиллу он повстречал трех своих приятелей, окликнувших его с порога трактира.

— Привет, Вилли! — сказал один.

— Куда собрался в такой погожий денек, Вилли? — спросил второй.

— Что это ты тащишь в мешке, Вилли? — крикнул третий.

Вилли очень взволновала эта встреча.

— П-привет, друзья! — запинаясь, ответил он. — Я-я не могу вам сказать, куда я иду. Хозяин не велел мне говорить, куда я иду. А что у меня в мешке, я могу сказать: не кошка и не собака!

Друзья рассмеялись и тут же поспешили заверить Вилли, что не станут его ни о чем спрашивать. Один из них хлопнул Вилли по плечу и предложил:

— Заходи, Вилли, выпей с нами по стаканчику. Должно быть, ты устал с дальней дороги, да еще с тяжелой ношей на спине.

— Нет, мне нельзя, — отказался Вилли, бросая в то же время жадный взгляд на открытую дверь трактира, за которой, судя по всему, было так прохладно. — Уж коли хозяин доверил мне своего поросенка, пить мне никак нельзя!

Друзья перемигнулись, однако и виду не показали, что смекнули насчет поросенка.

— Да чего там, Вилли, заходи! Глоток вина никогда не повредит. А мешок оставь здесь у порога.

Больше уговаривать Вилли не пришлось. Он положил мешок с поросенком на землю и вошел в трактир. Тогда один из дружков, не теряя времени, развязал мешок, выпустил поросенка и посадил вместо него первую попавшуюся дворнягу.

Ничего не подозревающий честный слуга выпил стаканчик, взвалил опять на спину мешок и веселый пошел дальше. Добравшись

до Кэрнихилла, он передал, как было велено, привет от своего хозяина его приятелю и вручил ему мешок.

— Спасибо тебе, Вилли, спасибо, — поблагодарил его приятель хозяина. — Не сможешь ли теперь развязать мешок и отвести поросенка в хлев?

Вилли развязал мешок, но вместо поросенка с розовым пятачком оттуда выскочила черная собачонка.

— Спасите! Спасите! — закричал бедный Вилли. — Не иначе сам дьявол сыграл со мной злую шутку.

Друг священника сильно удивился, однако не очень-то поверил насчет дьявольской шутки. А зная хорошо Вилли, подумал, что скорей всего кто-нибудь над ним по-дружески подшутил.

— Не стоит так волноваться, Вилли, — сказал он. — Можешь забрать свою собаку и отнести ее хозяину.

— Да это же не собака, сэр! — воскликнул Вилли, дрожа от страха. — Это поросенок! Клянусь вам — поросенок! Только дьявол поменял ему цвет: вместо белого сделал черным.

Но делать было нечего, и, засунув собаку в мешок, Вилли пустился в обратный путь. Добравшись до трактира, он опять увидел там трех своих приятелей, которые как ни в чем не бывало сидели за столом и с невинным видом потягивали вино.

— Никак, это Вилли! — сказал один. — И опять с мешком на спине?

— Ой-ой-ой, со мной случилось такое несчастье, — сказал, входя, Вилли. — Дьявол подменил моего поросенка собакой! Что я теперь скажу хозяину?

— Вот так штука! — воскликнул второй, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Вы слышали что-нибудь подобное?

— Садись, дружище, тебе надо выпить после сильных переживаний, — сказал третий.

На этот раз Вилли совсем не пришлось уговаривать: ему действительно не мешало выпить. Он это заслужил.

Мешок он оставил на земле у входа в трактир и сел к столу. Ему налили — он выпил, а за это время один из шутников незаметно вышел и подменил собаку поросенком.

Через час-другой ничего не подозревающий Вилли уже шагал со своей ношей домой. В голове у него от выпивки и от всего пережитого

царил полный кавардак. Он с ходу выложил свою жуткую историю хозяину, но тот так толком ничего и не понял.

— Не могу уразуметь, о чем ты говоришь, — сказал хозяин. — Какой дьявол? Какая собака? Развязывай скорей мешок и гони поросенка в хлев. Завтра понесешь его в Кэрнихилл.

— Да это же не поросенок, сэр! — воскликнул Вилли. — Это собака! Клянусь вам — собака! Вот, смотрите!

С этими словами Вилли развязал мешок, и оттуда выскочил поросенок. Вилли просто-таки завопил от ужаса:

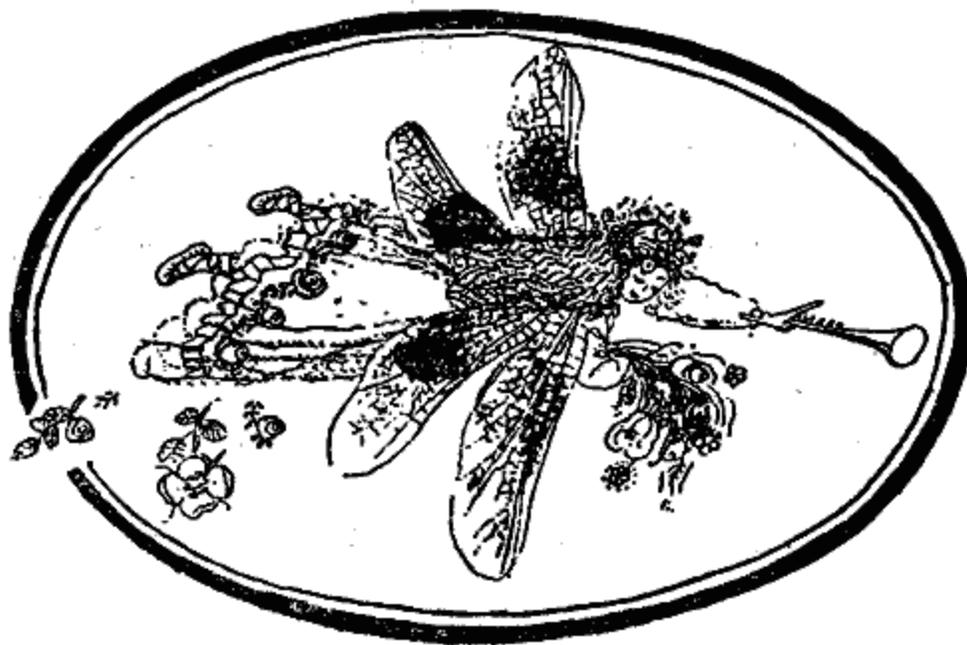
— Как? Поросенок, а не собака?!

И бедный Вилли решил, что дьявол опять сыграл с ним злую шутку. А его хозяин...

А хозяин если раньше и сомневался в уме своего честного слуги, то теперь у него сомнений никаких не осталось.

А у вас?

Серебряная дудочка Маккримонса (Легенда)

Эйн Ог Маккримонс сидел на холме возле своего дома в Борререге, что на западе острова Скай. Сидел, сидел да так тяжело вздохнул, что трава полегла у его ног. Уже назначили день, когда в замке Данвеган состоится состязание волынщиков, где выберут лучшего из лучших, чтобы объявить его наследным волынщиком Маклеода из рода Маклеод.

Эйн тоже играл на волынке, да только не очень хорошо, и даже мечтать не мог, чтобы участвовать в состязании. Потому-то он и вздохнул. Его вздох услышала фея и пожалела Эйна Ог Маккримонса.

Она подлетела к нему и спросила, отчего он так печален. А когда он рассказал отчего, она молвила:

— Я слышала, как ты играешь, и нахожу, что совсем недурно. К тому же ты красив и нравишься мне. Я хочу тебе помочь.

Эйн прекрасно знал, что феям ничего не стоит превратить прозрачную воду источника в лучшее вино, или вы ткать из паутины пушистый шотландский плед, или заставить простую тростниковую дудочку исполнить нежную колыбельную.

Словом, Эйн понял, что настала решающая минута в его жизни.

Он с чувством поблагодарил фею; оставалось только ждать, что дальше будет. Фея протянула ему серебряную дудочку с круглыми дырками для пальцев.

— Вот, возьми, — сказала она Эйну. — Вставь ее в свою волынку, и, стоит тебе прикоснуться к ней пальцами, она послушно исполнит сладчайшую музыку. И твоим сыновьям она будет повиноваться, как тебе, и сыновьям твоих сыновей, и их сыновьям, и так всем продолжателям рода Маккримонсов. Только помни: к этой серебряной дудочке вы должны относиться бережно и с любовью, потому что она не простая, а волшебная. Если случится, что кто-нибудь из Маккримонсов обидит или оскорбит ее чем-нибудь, ваш род навсегда потеряет свой музыкальный дар.

Эйн Ог взял волшебную дудочку и поспешил в Данвеган.

Там уже собрались все знаменитые волынщики горной Шотландии. Они один за другим исполняли на своих волынках те же мелодии, что играли их отцы и деды. И каждый новый волынщик, казалось, играет еще с большим мастерством, чем предыдущий.

Когда подошла очередь Эйна Ога, он вставил волшебную дудочку в свою волынку и заиграл.

Все слушали затаив дыхание. Никогда еще им не приходилось слушать такого волынщика.

И волынка была волшебная, и музыка лилась волшебная.

Сомнений не оставалось — вот кто достоин быть наследным волынщиком Маклеода из рода Маклеод.

Так все решили, и все так и вышло.

Судьи все, как один, заявили, что еще никогда не случалось им слушать такого волшебного музыканта.

С того дня Маккримонсы с острова Скай, поколение за поколением, оставались знаменитыми волынщиками и композиторами. Они основали в родном Борререге школу волынщиков, в которую стекались ученики со всех концов Шотландии и Ирландии.

Курс обучения в этой школе был не маленький: семь лет, чтобы стать просто волынщиком. Прослыть же хорошим волынщиком мог только тот, у кого в роду уже сменилось семь поколений волынщиков.

Прошли века, а Маккримонсы так и оставались волынщиками у Маклеодов, пока не настал день, который оказался роковым в их

славной истории.

Глава рода Маклеод возвращался с соседнего острова Расей домой. Место волынщика было на носу его галеры, и занимал его один из Маккримонсов.

День выдался ветреный, и на море была сильная качка. Легкое судно так и швыряло вверх и вниз, вверх и вниз на вспененных волнах.

— Сыграй нам, Маккримонс, чтобы поднять наш дух, — попросил Маклеод.

Маккримонс прикоснулся пальцами к серебряной дудочке. Однако сильная качка мешала ему играть, пальцы то и дело соскальзывали, когда галеру бросало туда и сюда.

Буря разыгралась нешуточная. Накатившая волна обдала Маккримонса с ног до головы, брызги затуманили ему глаза, и он невольно взял несколько фальшивых нот.

Еще ни один волынщик из рода Маккримонсов не брал фальшивых нот на волшебной волынке!

И вот этот несчастный бросил в сердцах свою волынку, позабыв совсем о наказе доброй феи, подарившей серебряную дудочку Эйн Огу, хотя отец не раз рассказывал ему эту историю.

— Ах эта жалкая дудка! — воскликнул он в злую минуту. — Разве можно выжать из нее хоть одну правильную ноту!

Не успел он сказать это, как уже пожалел о своих словах. Про себя-то он знал, что они несправедливы.

Да было поздно.

Серебряная дудочка выскользнула из его рук и упала за борт в бушующее зеленое море.

Волшебные чары распались.

Ни сам Маккримонс, ни его сын, ни сын его сына не могли уже больше так хорошо играть на волынке. И слава знаменитой школы Маккримонсов вскоре угасла, а сама школа пришла в упадок.

Джон Рид и русалка

Джон Рид был купцом и судовладельцем. Нагрузив свой большой шлюп товаром, он шел по морю в любую погоду от берегов северной Шотландии в Голландию и обратно.

Дела его процветали, он быстро разбогател и чувствовал бы себя совсем счастливым, если бы...

Если бы не несчастная любовь.

Он влюбился в красавицу Эллен Стюарт, но боялся ей в этом признаться. Ему казалось, что она его все равно никогда не полюбит.

И вот однажды, вернувшись в конце апреля из плавания, он страстно захотел хотя бы издали взглянуть на Эллен Стюарт. А он знал, что на первое мая она пойдет со своими подружками собирать майскую росу — таков был в их местах обычай.

В этот день он встал пораньше и, не зная куда себя деть, пошел побродить вдоль берега моря.

Одна за другой погасли ночные звезды, взошло солнце, отбросив огненную дорожку на воду. Но Джон Рид ничего не замечал вокруг и не видел, как красив восход. Он думал о красавице Эллен, и только она стояла у него перед глазами.

Взбираясь на высокую скалу, он вдруг услышал чье-то пение. Джон Рид кинул взгляд на море, думая, может, это одинокий рыбак веселит себя ранней песней.

Нет, море было пустынно, только мокрая голова тюленя высунулась из воды и замерла, словно тюлень тоже заслушался песней.

Только когда Джон Рид обогнул наконец скалу, он увидел, кто это пел. Юная девушка. Она сидела на камне, опустив ноги в воду. Ее белые плечи и спину скрывали густые длинные волосы. Но вот она поднялась с камня, и тут Джону Риду пришлось прикрыть глаза рукой — так заблестел на солнце ее чешуйчатый хвост.

«Да это русалка!» — догадался Джон Рид.

И он хотел было, не тревожа ее, уйти незамеченным, как вдруг вспомнил, что русалки владеют волшебным даром исполнять желания смертных. Может, она согласится подарить ему любовь Эллен Стюарт?

Тихо и незаметно Джон Рид подкрался к русалке, но тут она обернулась и, увидев человека, громко вскрикнула. Ах, еще мгновение, и она соскользнула бы в воду, а тогда прощай все его мечты и надежды.

Но Джон Рид успел ее крепко обнять, и, хотя русалка вырывалась из его рук с силой, не меньшей чем у тюленя, он не выпускал ее из объятий. От напряжения у него заболели руки, и в конце концов русалка вырвалась бы от него, да только мысль о прекрасной Эллен прибавила ему силы, и он не сдался.

Русалка устала бороться и спросила:

— Что ты от меня хочешь, человек?

И в ее слабом голосе прозвучали одновременно и нежность птицы-певуньи, и холод морских пучин.

— Исполнения трех желаний! — ответил быстро Джон Рид, вспомнив, что именно так следует отвечать на этот вопрос.

— Назови их, — сказала русалка.

— Мой отец, — начал Джон, — был таким же моряком, как и я. Но он утонул в море. Так вот, первое мое желание: чтобы никто из моих друзей, ни я сам не узнали такого конца. Второе мое желание: чтобы дела мои процветали и дальше. А третье: чтобы Эллен Стюарт, которую я нежно люблю, ответила мне любовью.

— Отпусти меня, и все будет исполнено, — сказала русалка.

Джон Рид разжал руки, и русалка, лишь взметнув блестящим хвостом, исчезла в море. Он вытер морские брызги с лица и, окрыленный надеждой, взобрался на вершину зеленого холма, где надеялся встретить прекрасную Эллен.

И — о чудо! — она уже была там и сидела на траве со своей подружкой как раз у того места, которое, кстати или некстати, звалось Прыжком Влюбленного.

Ну что ж, кажется, судьба начала улыбаться отважному моряку.

— Да это Джон Рид! Вот удачная встреча! — воскликнула подружка Эллен. — А Эллен только что рассказала мне, какой сон ей приснился нынче ночью. Представьте, ей приснилось, что она собирает майскую росу, но трава и кусты совсем высохли, и она собрала всего несколько капель, как вдруг услышала, кто-то поет на берегу, вон там, за скалами. Она спустилась вниз и увидела на берегу у самого моря вас, спящего, а рядом прекрасную деву. Эллен испугалась, что вас унесет прибой, но тут вы проснулись, поднялись и стали вместе с ней собирать росу. Она хотела получше разглядеть прекрасную деву, но та была уже далеко в море, качаясь на волнах, словно белая чайка. И тут Эллен вдруг услышала: кап-кап-кап — это роса падала с куста, который вы трясли, прямо в ее ведерко.

— Все так и было, — подтвердила Эллен. — Но самое странное не это, а когда мы сегодня утром проходили мимо этих скал, мы слышали точно такую же песню, как я во сне. И теперь вам только остается наполнить мое ведерко росой!

И она рассмеялась, а Джон Рид вместе с ней.

— Поверьте, то была волшебная песня, — сказал он. — И я знаю, кто ее пел. Русалка! Я говорил с нею.

— Говорили с русалкой? — в ужасе воскликнула подружка Эллен. — О несчастный! Да знаете ли вы, что в последний раз у нашего берега ее видел ваш отец перед той страшной бурей, в которую он утонул.

Джон заметил, как побледнела Эллен при этих словах подруги, и тут же сказал:

— За меня не бойтесь! Русалка мне не страшна. Я покорил ее, и она дала обещание исполнить моих три желания.

И он все рассказал им. Правда, не совсем все: какое было третье желание, он утаил. Но по огоньку в глазах Эллен он увидел, что она

догадывается. Она слушала его и восхищалась, представляя себе, какой опасности он подвергался ради нее, и в сердце ее закралась любовь.

Домой они возвращались вместе, рука об руку.

А на следующий праздник мая Эллен и Джон сыграли свою свадьбу.

Черный Родерик

Чёрный Родерик был главой славного рода Макнейлов с острова Барра и победителем на многих рыцарских турнирах. Он бы мог даже считаться первым мечом Шотландии, если бы не еще один славный воин — Роб Рой Макгрегор.

Когда до Черного Родерика впервые дошла весть, что есть в Шотландии люди, которые считают лучшим из лучших воинов Роб Роя, он воскликнул:

— Я вызову на бой этого Макгрегора! Тогда посмотрим, кто из нас лучше владеет мечом. Только скажите: где мне найти его?

Один из оруженосцев Черного Родерика сказал ему, что Роб Рой живет возле озера Лох-Ломонд. И в тот же день Черный Родерик покинул Гебридские острова и отправился со своими рыцарями на юг.

Прибыв в Лох-Ломонд, он спросил первого встречного, где он может найти Роб Роя, и получил ответ: на ярмарке в Килларни.

— В Килларни! — крикнул Черный Родерик, пришпоривая коня.

Не доезжая Килларни, они встретили группу всадников. Черный Родерик осадил коня и обратился к ним:

— Приветствую вас, славные рыцари! Скажите, вы случайно не с ярмарки в Кйлларни едете?

— Вы угадали! — ответил один из рыцарей. — В этом году ярмарка удалась на славу. Верно я говорю, друзья? — обратился он к своим спутникам, и те в один голос шумно с ним согласились. — Советую и вам туда съездить!

— А видели вы там рыцаря по имени Роб Рой Макгрегор? — спросил Черный Родерик.

— Он был там, — ответил все тот же рыцарь улыбнувшись.

— Был? Значит, сейчас его там уже нет? — сердито и разочарованно проговорил Черный Родерик.

Друзья рыцаря рассмеялись.

— Сейчас там его нет, — сказал рыцарь, все так же улыбаясь. — Сейчас он здесь, перед вами. — Я — Роб Рой Макгрегор. Чем могу служить?

— Я правитель Барры! — заявил Черный Родерик. — Мне сказали, что ты считаешь себя более искусным бойцом на мечах, чем я. И я пришел сюда, чтобы доказать в честном бою, что это не так!

— Но я с тобой не ссорился, к чему же нам биться? — сказал Роб Рой.

— Ссорились или нет, я все равно вызываю тебя на бой! — сказал Черный Родерик, слезая с коня.

— Не люблю я драться без серьезной причины, — сказал Роб Рой, однако тоже слезая с коня. — Но я принимаю твой вызов, и ты еще проклянешь тот день, когда бросил мне его.

Был только один случай, когда Роб Рой отказался принять вызов на поединок. Это случилось, когда его вызвал на бой Дональд Бэйн. Роб Рой отказался с ним биться, потому что Дональд Бэйн был не благородного происхождения.

И вот расчистили для поединка место, и два рыцаря сошлись на мечах. У Роб Роя были очень длинные и сильные руки, поэтому ему легко было держать противника на расстоянии от себя. Никому еще не удавалось хотя бы дотронуться до него мечом. Не прошло и нескольких минут, как Черный Родерик понял, что ему далеко до Роб Роя в искусстве боя на мечах.

И еще он понял, что лучше бы ему оставаться дома, на Гебридах.

Роб Рой взялся обеими руками за палаш и со всей силой ударил им Черного Родерика по той руке, в которой тот держал меч.

— Сдаюсь! — с трудом произнес правитель Барры. — Сдаюсь...

Роб Рой вложил меч в ножны и подал знак людям Черного Родерика, чтобы они помогли своему господину сесть на коня.

— Надеюсь, это отобьет у тебя охоту лезть в драку с тем, кто не желает тебе зла, — сказал Роб Рой своему побежденному противнику.

И поскакал со своими рыцарями прочь.

Но Черный Родерик и его спутники не могли уехать далеко: им пришлось остаться на несколько месяцев в деревушке Килларни, пока не зажили его раны. И больше он никогда не тревожил славного Роб Роя.

Однако такой уж у него был нрав, что ему не терпелось с кем-нибудь задраться. И, вернувшись к себе на остров, он не успокоился, пока не нашел, на ком бы сорвать зло.

Был среди воинов Черного Родерика один бесстрашный молодой всадник, сын вдовы. За то что был он молод, красив и отважен, невзлюбил его Черный Родерик и задумал коварный план, чтобы погубить юношу.

— Мы отправляемся в Шетландию! — объявил он однажды своим воинам. — Чтобы потребовать дань с правителя Шетландских островов.

Была снаряжена восьмивесельная галера, и Черный Родерик поплыл со своими воинами к Шетландским островам.

Без препятствий в пути и без всякого сопротивления они высадились в Шетландии. Сам шетландский лорд спустился на берег приветствовать главу рода Макнейлов.

— Вы пришли с миром? — спросил он Макнейла.

— Нет! — отвечал Черный Родерик. — Мы явились за данью и требуем от вас денег, коней и скота!

— Не видать вам дани, пока не одолеешь меня в битве! — вскричал шетландский лорд. — Вызываю тебя на поединок!

Черный Родерик, конечно, согласился: для этого он и приехал на Шетландские острова. А перед началом поединка он отозвал в сторону сына вдовы и сказал ему:

— Когда ты увидишь, что я отступил на шаг от противника, знай: я теряю силы. Когда я оглянусь на тебя в первый раз — значит, я

проигрываю битву. Когда же я оглянусь во второй раз — значит, силы совсем оставляют меня и ты должен занять мое место. И если ты победишь, мы разделим с тобой всю добычу. Согласен?

Юному воину ничего не оставалось, как подчиниться своему господину.

И вот глава рода Макнейлов и шетландский правитель начали поединок. Они кружили по берегу, издавая воинственные кличи и гремя палашами. Казалось сначала, что наступает Черный Родерик. Но вот он сделал шаг назад, и правитель Шетландии обрушился на него с утроенной силой. Черный Родерик оглянулся на сына вдовы, но тут противник прижал его к скалам. И Черный Родерик оглянулся на сына вдовы во второй раз, и тот ринулся в битву вместо своего господина.

Черный Родерик надеялся, что шетландский правитель быстро разделается с юношей, а за это время он успеет передохнуть и тогда с новыми силами продолжит поединок. Вот как он рассчитывал избавиться от двух ненавистных ему врагов сразу.

Однако сын вдовы оказался прекрасным воином, и вскоре стало ясно, что шетландский правитель ему уступает.

И тут Черный Родерик, словно забыв о своих тайных планах, закричал:

— Убей, убей его! Он заслужил смерть!

И в то же мгновение голова правителя Шетландских островов упала на песчаный берег. Только тогда сын вдовы вдруг опомнился. Ему стал отвратителен поступок, который он совершил в пылу боя. Он совсем не хотел убивать своего благородного противника: он собирался только ранить его в честном поединке.

В гневе обернулся он к своему господину.

— О низкий Макнейл! — воскликнул он. — Смотри, что ты заставил меня совершить! Это твоя вина, что я убил невинного человека. Убирайся отсюда, или, даю слово, я убью тебя! Теперь я шетландский лорд, и ты не получишь с моих островов ни пенни, ни травинки, ни самой худой овцы!

Черный Родерик обратился было за помощью к своим воинам, но те тоже отступились от него. И ему не оставалось ничего больше, как бежать к своей галере. Вот как опозорил он славное имя Макнейлов.

Из древних легенд о фьянах

I. Путешествие Финна в Лохланн

Шотландия издавна славилась своими героями. О самом отважном из них — о Финне Мак Хумале — слагались легенды, которые передавались от поколения к поколению.

Финн предводительствовал отрядом из девяти тысяч воинов. Назывался этот отряд Воинством Фьянов; он объединял Ирландию и Шотландию, или, как говорили древние, Эрин и Альбу. Вряд ли найдется хоть клочок земли в этих двух Странах, где бы не сохранилась память об этом герое и его подвигах.

Воинство Фьянов родилось в ту пору, когда лохланнахи, или, как их потом стали звать, норвежцы, совершали набеги на берега Эрина и Альбы.

И верховный король Эрина созвал большой совет, чтобы решить, как одолеть могущественного врага. Совет мужей предложил выбрать сто лучших юношей и девушек и поженить их, чтобы их дети и внуки слились в могучее воинство, которое победит пришельцев из Лохланна.

Вот как родилось в Эрине племя славных воинов. Под предводительством Финна они прогнали врагов с родной земли и больше не пускали их на Британские острова.

Предание говорит, что Финн был не самым могучим воином в Воинстве Фъанов. Не силой прославился он, но мудростью и великодушием, защитой слабых и незапятнанной честью. Говорили: «Никогда Финн не предаст друга».

Мы вам поведаем, как Финн ходил однажды в Лохланн.

Вскоре после того как Воинство Фъанов прогнало пришельцев из Лохланна, Финн и его воины охотились в горах на оленя и увидели незнакомца, приветствовавшего их на чужом языке.

— Откуда ты и что тебе здесь надо? — спросил Финн.

— Издалека. Я ищу себе господина, — ответил незнакомец.

— Мне как раз нужен слуга, — сказал Финн. — А что ты попросишь, если прослужишь у меня один день и один год?

— Совсем немного, — ответил незнакомец, — а именно вот что: когда кончится моя служба, обещаю пойти со мной на праздничный ночной пир во дворец лохланнахского короля. Только пойдешь ты один, никто не должен тебя сопровождать — ни собака, ни человек, ни теленок, ни дитя. И без оружия!

Финн хлопнул незнакомца по плечу, да так, что тот скатился вниз до середины горы. И сказал:

— Твои условия мне по душе! Они сулят приключения. Прослужи у меня один день и один год, и я пойду с тобой на ночной пир в Лохланн.

Один день и один год незнакомец преданно нес свою службу, а когда вышел срок, явился к Финну и напомнил об условии.

Тогда Финн призвал к себе все девять тысяч своих воинов и сказал им:

— Я должен выполнить уговор с этим юношей, и сейчас я ухожу от вас. Когда вернусь, я не знаю. Но если через один год и один день я не приду, значит, меня убили в Лохланне. Коли это случится, пусть все, как один, — кто с острым мечом, кто с тугим луком, — ступят на берег Лохланна, чтобы отомстить за меня в великой битве.

И Финн покинул свой дом, а его шут крикнул ему вдогонку:

— О, Финн, первый среди людей, не побрезгуй моим советом, ибо случается, что мудрость короля застревает в башке у дурака.

— А каков твой совет? — спросил его Финн.

— Послушай меня, возьми с собой золотой ошейник Брана. (Бран был верным и самым сильным гончим псом Финна.) Ведь ошейник — не пес, не человек, не теленок, не дитя и не оружие, однако может сослужить тебе великую службу.

— Послушаю и возьму, — ответил ему Финн. Он положил в карман ошейник Брана и покинул своих людей в сопровождении юноши, который прослужил у него один день и один год.

Финн был быстр на ногу и подвижен, однако он с трудом поспевал за своим спутником — тот летел словно на крыльях. Финн лишь старался не упускать его из виду, когда они пробирались сквозь заросли и извилистые ущелья, переходили вброд реки, огибали озера.

Если же юноша пропадал где-нибудь впереди за высокой горой, Финн еще прибавлял шагу и огибал гору с другой стороны, чтобы скорей увидеть его и не сбиться с пути.

Путешествие кончилось, когда они достигли королевского замка лохланнахов.

Зловещий, мрачный, стоял он на самом берегу моря, где пенистые волны с ревом разбивались об острые скалы.

Измученный и усталый после трудного путешествия, Финн вошел в замок и опустился в кресло, чтобы отдохнуть, а затем принять участие в пире. Он хорошо помнил уговор с незнакомцем.

Но не пир ждал Финна Мак Хумала в замке короля лохланнахов.

Сам король и хмурые вожди кланов, а также все лучшие воины Лохланна собрались в тот день, чтобы решить сообща, какой смерти предать героя фьянов. С той минуты как Финн вступил в этот замок, он стал их пленником и знал, что пощады здесь не увидит.

— Повесить его! — сказал один.

— Сжечь!

— Утопить в самом глубоком озере!

Советы следовали один за другим, как удары тупого меча.

— Нет, пусть Финн Мак Хумал умрет позорной смертью! — сказал воин с самым темным, свирепым лицом. — Пустим его в Большое Ущелье, где живет Серый Пес. И Пес его растерзает. Нет смерти позорней, чем смерть от зубов собаки!

Эти слова вызвали восторг и громкое одобрение у собравшихся: кто станет спорить, что нет хуже смерти, чем от клыков и когтей

свирепого Серого Пса, стерегущего мрачное Большое Ущелье, куда даже самый отчаянный воин вот уже сколько лет не смел заходить.

Не мешкая более, воины отвели Финна в Большое Ущелье и оставили там среди колючих зарослей и неприступных скал, овеянных едкой, сырой мглой, одного. Только протяжный вой Серого Пса разрывал тишину.

Остаться в Большом Ущелье или бежать — конец для Финна был бы один: смерть.

Но уж лучше пасть жертвой страшного Пса, чем от руки предателей, хитростью заманивших его в свой замок — так решил Финн и остался.

Вдруг где-то во мгле перед ним вырос Серый Пес, и невольно у героя задрожали колени и страх сжал горло. Пес был ростом не меньше Брана — любимой гончей Финна. Шерсть встала дыбом у него на спине. Пасть разинулась, обнажив острые, длинные зубы и красный язык. Из ноздрей с такой силой вырывалось дыхание, что разметало все вокруг на три мили, не меньше.

У Финна похолодела спина, оцепенело сердце.

И тут он вспомнил, что в кармане у него лежит золотой ошейник Брана, который он прихватил из дома по совету своего дурака. И вспыхнула искра надежды.

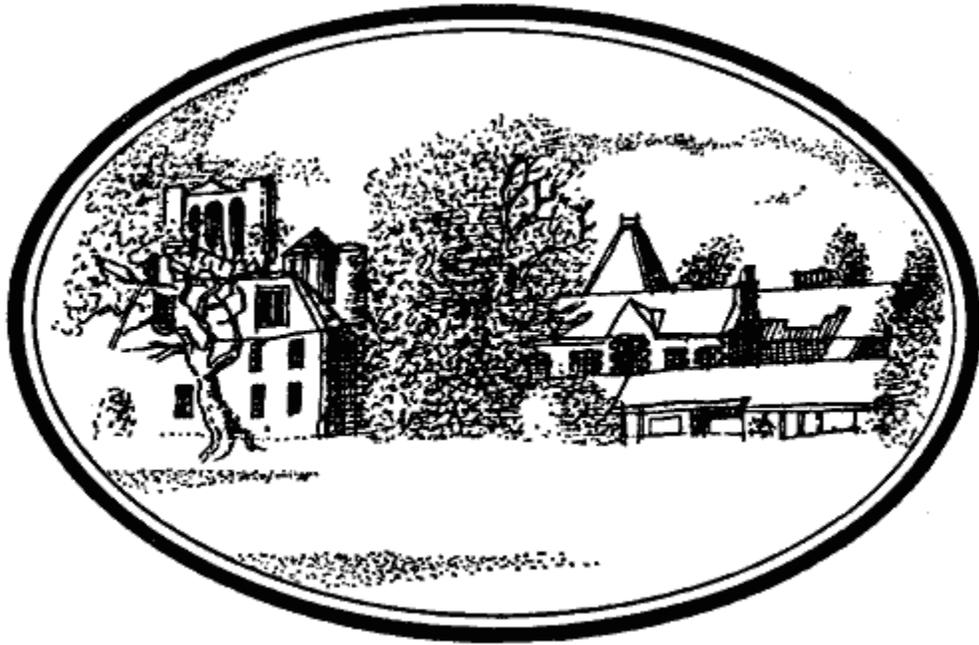
Он вынул ошейник и помахал им в воздухе. И вот словно свершилось чудо. Серый Пес замер, перестал злобно рычать и завил хвостом. Потом подполз на брюхе к Финну и лизнул его сначала в руку, потом в лицо, шею, ноги. Он зализал Финну все царапины и болячки от колючих кустов и острых камней.

Финн надел Серому Псу на шею золотой ошейник Брана и вывел из Ущелья этого страшного укрощенного зверя.

Воины и друзья устроили пир в честь возвращения Финна.

Но чудом было не то, что Финн невредимым вернулся домой — все верили в его ум, находчивость и отвагу, — а встреча Серого Пса с Браном. Правда, секрет этой дружеской встречи оказался простой: Серый Пес и Бран были братья.

II. Смерть Дирмеда

Пришло время, и Финн решил взять себе жену. Много прекрасных девушек с радостью согласились бы стать женой Финна Мак Хумала, но он хотел выбрать ту, которая славилась бы не только красотой, но и сообразительностью и мудростью. Чтобы проверить ум будущей жены, Финн придумал шесть вопросов и, когда шел к ней в гости, задавал их. Та, которая ответит на все шесть вопросов, и будет его женой, объявил он. Так вот, у славного воина Уллина была дочь, звали ее Грэйн, и красотой своей она славилась на всю округу. Стройная, темноволосая, с живыми прекрасными глазами. Именно она нашла ответы на все шесть вопросов, когда Финн пришел в гости к ее отцу.

— Чего больше, чем травинок на земле? — спросил ее Финн.

— Капель росы, — ответила Грэйн, — ведь на каждой травинке не одна, а много росинок.

— А что белее снега? — спросил Финн.

— Истина, — ответила Грэйн.

— А что чернее воронова крыла? — спросил он.

— Смерть, — отвечала она.

— А что краснее крови?

— Лицо достойного человека, когда ему нечем угостить нежданного гостя.

— А что острее меча?

— Упрек врага в трусости.

— А что быстрее ветра?

— Мысли женщины, что летят от одного мужчины к другому.

Так отвечала Грэйи, ни секунды не задумываясь. И Финн взял ее обе руки в свои и сказал:

— Воистину, Грэйи, красота твоя ослепляет, а ум пронзает сердце. Никто не сравнится с тобой. Ты согласна стать моей женой?

— Стать женой Финна Мак Хумала для меня честь, — ответила она.

И в большом зале Уллинского дома стали готовить пышную свадьбу. Все девять тысяч героев славного Воинства Фьанов пришли, чтобы повеселиться на свадьбе их славного предводителя. Стропила дома дрожали от раскатов их громового смеха, стены сотрясались от звона их кубков. Пир длился семь дней.

Среди девяти тысяч воинов был Дирмед, племянник Финна. После самого Финна и его сына Осгара Дирмед был третьим в могучем Воинстве Фьанов. Но красотой светловолосый герой превосходил всех. На левой щеке его, у глаза, было родимое пятно, которое он всегда прикрывал прядью волос. То было не простое родимое пятно, а метка любви. Стоило женщине бросить взгляд на эту метку, и тут же в ее сердце зажигалась любовь к Дирмеду.

Так вот, в самый разгар пира две белых гончих невесты Грэйи, лежавших у ее кресла, сцепились из-за кости, которая упала под стол. Первым вскочил Дирмед, чтобы разнять их. Пустяк, и, однако, с этого пустяка начались все его бедствия в тот день. А все потому, что, когда он опустился на колени, чтобы разнять собак, прядь волос, закрывавшая метку любви, упала, и Грэйи увидела ее, а увидев, тут же воспылала любовью к Дирмеду.

«Финн, отважный предводитель Воинства Фьанов, оказал мне великую честь, предложив стать его женой. Но Дирмед самый красивый юноша, какого я видела, и в глазах его горит сама молодость. Нет, я люблю Дирмеда», — сказала она сама себе.

И позднее, когда Финн отяжелел от выпитого вина и задремал, склонив голову на грудь, Грэйи наклонилась к Дирмеду и призналась ему в любви.

— Убежим отсюда вместе! — попросила она Дирмеда. — Увези меня прямо сейчас, и мы спрячемся так, что Финн нас никогда не найдет.

Красота Грэйи оказалась не слабее метки любви на щеке Дирмеда, и она покорила его сердце. Ее слова вызвали у него сильное искушение, он готов был увезти Грэйи, но разве мог он предать своего друга и предводителя фьянов, которому поклялся в вечной верности?

— Неужели ты хочешь, чтобы меня назвали самым бесчестным среди фьянов? — спросил он Грэйи.

— А я накладываю на тебя *гисан*, и отныне ты не можешь со мной расстаться, — ответила она.

Услышав это, Дирмед тяжело вздохнул, потому что в те далекие-далекие времена существовал закон: если женщина накладывает на мужчину *гисан*, то есть обет послушания, он должен выполнять все ее желания. Дирмед задумался, как бы ему, не обижая Грэйи, все-таки не нарушить слова верности Финну, и сказал:

— О, любовь моя Грэйи, тяжела ноша, которую ты хочешь возложить на меня. Но я исполню твоё желание и увезу тебя отсюда. Только при условиях, какие сам назначу. Я увезу тебя не из дома и не со двора. Ты же явишься ко мне не верхом на коне и не пешком. Если тебе удастся выполнить эти условия, мы уедем.

С этими словами Дирмед встал из-за стола и ушел из пиршественного зала дома Уллина в соседний дом, где и остался на ночь.

А утром Грэйи явилась к нему с двумя белыми гончими и сказала:

— Пойдем, Дирмед. Видишь, я выполнила все твои условия.

Дирмед вышел к ней и убедился, как ловко она выполнила их: она явилась к нему не верхом на коне и не пешком, а верхом на козле. И остановилась не на улице и не в доме, а на пороге.

— Воистину Финн был прав, найдя тебя самой сообразительной и самой прекрасной из женщин! — воскликнул Дирмед. — Что ж, нам пора ехать. И все-таки тревога не покидает меня. Боюсь, куда бы мы ни уехали, Финн всюду нас найдет. Знаешь почему? Потому что стоит ему приложить указательный палец левой руки к зубу мудрости, и ему тут же станет известно, где мы. И тогда ярость обуяет его, он не успокоится, пока не отомстит нам.

Грэйи слезла с козла, и в сопровождении белых тончих они поспешили уйти и не давали отдых ногам, пока не пересекли множество зеленых холмов и долин, лежавших между домом Уллина и гостеприимными лесами Кинтейла на полуострове Кинтайр. Однако

хотя летели они, как птицы, погоня оказалась проворней. Как только Финну стало известно, что Дирмед сбежал с его невестой, он дотронулся пальцем до заветного зуба, и тут же узнал, что беглецы укрылись в Кинтейлском лесу. Тогда он вместе со всем Воинством Фьянов покинул дом Уллина и отправился туда, а гнев и ярость подгоняли их.

— Вот никогда не думал, что Дирмед, радость сердца моего, так низко, вероломно обманет меня, — говорил Финн, и толстые вены вздувались на его шее от гнева.

Фьяны очень быстро достигли вершины самого высокого холма, с которого неохватные леса Кинтейла были видны как на ладони. Тут Финн отстегнул свой охотничий рог и громко затрубил. Трубные звуки разнеслись по всему полуострову с юга на север и с запада на восток.

А надо вам сказать, что среди Воинства Фьянов было правило, когда звучит *фогхед*, то есть охотничий призыв Финна, каждый должен на него ответить. Услышав *фогхед*, Дирмед понял, что должен подчиниться непреложному закону фьянов.

— Ничего не поделаешь, любовь моя, — сказал он Грэйну. — Долг повелевает мне ответить на *фогхед*. Я должен предстать перед Финном.

Увидев, что Дирмед собрался идти, Грэйна сказала:

— Я иду с тобой, любимый. И если Финн готовит тебе смерть, я встречу ее вместе с тобой.

И они поднялись на вершину холма и встретились там с Финном, с его сыновьями Осгаром и Осианом и с другими героями Воинства. Когда Финн увидел Дирмеда и Грэйна, рука об руку приближавшихся к нему, гнев чуть смягчился в его сердце.

«Дирмед еще так молод, рано ему умирать», — подумал он. Но тут он вспомнил, что племянник обманул его, и ярость с новой силой охватила его. «Нет, он должен умереть», — решил Финн.

Но он содрогнулся от мысли, что Дирмед падет от его руки, и придумал иной план, как отомстить Дирмеду.

В Кинтейлском лесу жила старуха по имени Мейла Лли, что означает «Седая Бровь». Она держала стадо свиней, вожаком у них был свирепый кабан, прямо дикий вепрь. Уже много героев охотились на него, но ни один не вернулся назад живым. Этот вепрь умел нападать и защищаться. Вот Финну и пришло на ум послать Дирмеда

охотиться на кабана. Так племянник его будет обречен на смерть, а сам он будет отомщен, решил Финн.

Он встретил Дирмеда и приказал ему пойти в лес и убить кабана. Понимая, что его ждет неминуемая гибель, Дирмед попрощался с Осгаром и Осианом, своими двоюродными братьями и друзьями молодости, и с тяжким сердцем покинул фьянов.

Последней, с кем он перед расставанием обменялся словом, была прекрасная возлюбленная Грэйн. Подхватив копье, Дирмед спустился с холма и скрылся в чаще леса.

Прошло сколько-то времени, и все ожидавшие на вершине холма поняли, что Дирмед уже встретился с кабаном — до них донеслись звуки битвы. Они слышали, как трещат и ломаются ветви в лесу, как громко сопит и хрипит разъяренный зверь. Потом вдруг наступила тишина, а вслед за ней раздался торжествующий крик человека. Дирмед убил вепря.

Финн с сыновьями тут же бросились в лес. Там они увидели Дирмеда, целого и невредимого. Он отдыхал после битвы, сидя рядом с бездыханным кабаном, у которого из сотни ран, нанесенных копьем, текла черная кровь.

— Не зря называют тебя Дирмед Надежный Щит, — сказал Финн своему племяннику. Однако за этой похвалой крылось глухое раздражение, что план его не удался.

На спине у кабана была ядовитая щетина. Достаточно наколоться хотя бы на один волосок — и человек мертв. Финн это знал и потому сказал:

— А теперь измерь-ка свою добычу, племянник. Пройдись по его хребту и скажи нам, сколько футов от загривка до хвоста.

Не чуя беды, Дирмед прошелся босиком по спине кабана, чтобы измерить его, как приказал Финн. И вот удача! Ни один ядовитый волосок не вонзился ему в ступню.

— Ровно шестнадцать футов, — объявил Дирмед.

— Измерь еще раз, — приказал Финн, — может, ты ошибся.

И Дирмед во второй раз прошелся по широкой спине кабана. Но на полдороге ядовитый волос впился ему в родинку на правой пятке. И тут же смертельный яд проник в его тело, и Дирмед замертво упал на землю.

Угрызения совести вдруг проснулись в Финне, и он воскликнул:

— О, Дирмед! Скажи, что может исцелить тебя?

— Глоток воды из ладоней Финна.

Финн бросился к ручью, протекавшему меж деревьев, и зачерпнул полные горсти воды. Но тут он вспомнил, что ведь Дирмед увел у него невесту, и он с гневом раскрыл ладони, чтобы вода убежала сквозь пальцы на землю.

И все-таки он во второй раз набрал в ладони воды. Но снова борьба в его сердце между прежней любовью к племяннику и гневом, когда он узнал о его измене, развела его ладони, и вода опять утекла.

Когда же Финн, наконец одолев себя, принес племяннику воды, Дирмед был уже мертв.

— Я убил моего родного племянника, сына моей родной сестры, ради женщины, которая больше не любит меня, — с горестью корил себя Финн. — Доблестного героя, третьего в славном Воинстве Фьянов, я погубил своей волей.

Осгар и Осиан, Голл Богатырь и псарь Конен — все, кто рос вместе с Дирмедом и провел с ним свою юность, оплакивали его.

Когда Грэйи узнала, что Дирмеда больше нет в живых, сердце ее остановилось от боли, и она тоже умерла.

Дирмеда вместе с Грэйи похоронили со всеми почестями на берегу тихого светлого озера Лох-Дуг. Их опустили в длинную ладью. Рядом положили боевое копье Дирмеда, острый меч и знаменитый щит, а также прочие вещи, к которым он привык. А в ногах у Грэйи положили ее белых гончих, потому что, не вынеся тоски по хозяйке, они тоже скончались.

Потом над их могилой насыпали высокий курган. Его и до сего дня называют Дирмед.

Легенда о Макбете

Году так в 1033 Шотландией правил добрый старый король Дункан. У него было два сына — Малькольм и Дональдбейн. В ту пору Шотландия страдала от набегов воинственных датчан. Датские воины, высадившись на британском берегу, крушили все, что ни попадет под руку. Сжигали дома и замки, даже церкви, забирали награбленное, садились снова на свои парусные ладьи и улетали прочь.

И вот в который раз многочисленный флот датчан причалил к берегам Шотландии и высадился в окрестностях Файфа. Против чужеземцев шотландцы собрали могучую армию, но так как король Дункан был уже слишком стар, а сыновья его слишком юны, армию повел, по велению короля, его ближайший родственник Макбет.

Макбет был сыном тана гламисского. Тана — значит владельца земель в Гламиссе. Макбета все считали храбрым воином. Во главе армии шотландцев, вместе с верным Банко, таном лохаберским, он дал отпор датчанам. Шотландцы выиграли великую битву, они разбили датчан и заставили их отступить к своим ладьям, бросив раненых и не похоронив убитых.

Прогнав датчан, Макбет с победоносной армией вернулся на север Шотландии в Форрес.

Поговаривали, что в Форресе жили три вещуньи — три старухи, умевшие колдовать и предсказывать судьбу. Даже такие бесстрашные воины, как Макбет, верили тогда в колдуний.

Три вещуньи схоронились на болоте у дороги и стали поджидать Макбета. Когда он появился во главе своей армии, первая вещунья не побоялась, вышла к нему и сказала:

— Привет тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан гламисский!

За ней вышла вторая вещунья и сказала:

— Привет тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан кавдорский!

А третья вещунья вышла и воскликнула:

— Привет Макбету, которому суждено стать королем Шотландии!

Не успел Макбет прийти в себя от изумления, как появился на коне гонец, который сообщил, что отец Макбета скончался. А значит, Макбет и в самом деле стал теперь таном гламисским.

Вслед за первым гонцом вскоре появился и второй. Он принес добрые вести от короля Дункана. Король благодарил Макбета за победу и сообщал, что тан кавдорский восстал против него, и потому все его земли теперь принадлежат победителю Макбету. А значит, Макбет отныне стал и таном кавдорским.

Выходит, уже два предсказания старых колдуний сбылись. И Макбет задумался, что предпринять, чтобы сбылось и третье — как стать королем.

А надо вам сказать, что у Макбета была жена, женщина коварная и очень честолюбивая. Она воспользовалась своей властью над ним и уговорами, укорами и угрозами заставила его поверить, что он овладеет короной, если убьет старого, доброго короля. Макбет очень долго сопротивлялся ее уговорам. Ему совсем не хотелось убивать старого короля, своего доброго друга. Но чего не добьется коварная, честолюбивая женщина! Да к тому же предсказание вещуньи... и Макбет уступил. И замыслил, как убить короля.

Он пригласил короля Дункана к себе в гости, в свой замок близ Инвернесса. Вместе с женой он радушно принял короля и всю его свиту, устроив им пышный пир.

Уже глубокой ночью королю захотелось покинуть пирующих и уйти спать. Макбет проводил его в роскошные покои, приготовленные

заранее.

В те далекие, дикие времена был обычай, что у дверей опочивальни, где спит король, несли стражу два бравых воина. Леди Макбет знала, кто назначен стражами в ту ночь, и заранее напоила их вином, в которое подмешала снотворное зелье. И когда король удалился в свои покои и лег спать, стражники тут же свалились в мертвом сне у его дверей. Теперь их не добудилась бы далее военная труба.

Всю эту ночь шумела буря, но ни вой ветра, ни удары грома не нарушили сон короля, потому что он был уже стар и слишком устал после долгой дороги и богатого пира.

Само собой, и стражники не пробудились.

Только один Макбет не ложился, сон не шел к нему. Его терзали сомнения, стоило ли затевать столь опасную игру. Ведь если королю суждено умереть, все должно свершиться в эту же ночь. Леди Макбет была рядом.

— Стыдитесь, — говорила она, — вас тревожит не совесть, а трусость! Будьте мужчиной! Если мужество вам изменило, я, слабая женщина, сама свершу это.

Макбет не мог больше слушать позорящие его речи и направился длинными переходами замка в покои короля.

Он выхватил из ножен кинжалы, висевшие на поясе спящих стражников, и, ворвавшись в покои короля, всадил их прямо в сердце старого Дункана. После этого Макбет вложил обгаренные кровью клинки в руки воинов и вымазал им лицо кровью, чтоб все подумали, что это они убили доброго короля.

Наутро в большом зале замка собрались все знатные лорды и дворяне, входившие в свиту короля. И оба его сына — Малькольм и Дональдбейн. Ожидая выхода Дункана, они толковали о страшной буре, что бушевала ночью.

— Вы слышали, как завывал ветер? Словно запели все черти ада.

— Метались тени, скрипели ставни, а где-то недалеко ухала сова.

— И лаяли собаки. А кони короля Дункана вырвались на волю и перегрызли друг друга. Верно, взбесились.

— Не к добру это.

— Не к добру...

Король все не выходил из своих покоев, и встревоженные вельможи послали к нему одного из знатных дворян. Со всем почтением приблизился он к покоям короля, раскрыл двери и — о, ужас! — перед ним лежал Дункан, мертв и неподвижен. А рядом — два стражника с кровавыми кинжалами в руках.

Забил тревожно колокол, горестные стенания огласили покои замка, когда вельможи и друзья увидели содеянное зло. Казалось, более всех был разгневан сам хозяин замка, Макбет. Никто не успел опомниться, как он своим мечом пронзил спящих стражников.

— Всем ясно, что они убийцы! — воскликнул он. — И заслужили кару.

Но сыновьям Дункана, Малькольму и Дональбейну, показалось странным это убийство. И они поспешили покинуть зловещий замок Макбета в Инвернесе. Дональбейн направился в Ирландию, а Малькольм ко двору английского короля, чтобы попросить у него поддержки и восстановить закон, по которому он, Малькольм, должен наследовать трон своего отца Дункана.

Макбет стал королем шотландским, как и предсказывали вещуньи. Казалось, все сбылось, но он не знал ни радости, ни счастья. Покоя не давали ему навязчивые думы о своем злодеянии. Страх проник в душу: а что, если такой же честолюбец, как он, и с ним поступит точно так же?

Но кто?

Растревожённая совесть не молчала, и подозрение пало на Банко. «Банко, вот кто теперь опасен!» — решил Макбет и подослал к нему убийцу.

Но и это не принесло ему ни счастья, ни покоя. Он заметил, что кое-кто стал подозревать его. И он боялся, что кто-то отомстит ему. А нет, тогда Малькольм найдет поддержку у короля английского и пойдет на него войной.

И вот Макбет решил снова отправиться в Форрес к вещуньям. Разве не они заронили в нем мечту стать королем Шотландии! Ему не терпелось узнать свою судьбу и дальше.

— Ты непобедим и не отдашь корону, пока зеленый лес, зовут его Бирнамским, не придет сам в неприступный замок Дунсинейн, — поведали вещуньи.

В Дунсинейне теперь обычно держал свой двор Макбет. А Бирнамский лес был в добрых двенадцати милях от Дунсинейна.

— Сказки, бред — деревья сами по себе не ходят, — успокаивал себя Макбет. — Я в замке в полной безопасности.

И все-таки после ночной встречи с колдуньями Макбет велел укрепить свой замок на холме у Дунсинейна. А посему заставил знать свою и благородных танов прислать ему камней и бревен, которые на холм должны были поднять могучие волы.

Среди благородных танов, которым приказал Макбет доставить в замок Дунсинейн камни, бревна и все такое прочее, был Макдуф из Файфа. Макбет давно подозревал, что, если когда-нибудь в Шотландию прибудет принц Малькольм с подмогой от короля английского, Макдуф его поддержит. И Макбет боялся и ненавидел Макдуфа за это.

В замке Дунсинейн собрались все таны, все шотландские дворяне — так повелел Макбет. Среди них и тан фэйфский, отважный Макдуф, который в другое время старался бывать при дворе Макбета как можно реже.

Однажды, в ясный день, король Макбет выехал со свитой за укрепления замка поглядеть, как справляются волы со своим грузом. Он увидел, что многие с трудом тащат наверх камень и бревна — слишком тяжела ноша, слишком знойный день и слишком крут подъем.

И тут Макбет заметил, что одна пара волов так выбилась из сил, что опустилась на землю отдохнуть. Король впал в ярость и потребовал узнать, кто посмел прислать ему таких ленивых волов, которые не желают на него работать. Ответ был:

— Владелец их Макдуф, тан фэйфский.

— Пусть тогда тан фэйфский сам, — сказал король в великом гневе, — вместо своих ленивых волов впряжется в повозку с драгоценным грузом.

В свите короля был друг Макдуфа. Незаметно он ушел с холма и поспешил к Макдуфу. Тот находился в зале замка, где шли приготовления к обеду. Услышав, что сказал король, Макдуф сразу понял, что медлить нельзя.

Попрощавшись с другом и прихватив со стола один круглый хлеб, Макдуф покликнул своих коней и слуг и поскакал скорее в родной

Файф. Он спешил туда добраться до того, как Макбет придет к обеду в свой замок.

Кони Макдуфа летели быстрее ветра. Но вот беда! Он так спешил убраться поскорей из замка коварного Макбета, что не успел взять с собою денег. И когда он прискакал к большой переправе через реку Тэй, ему нечем было заплатить лодочнику. Что ж, лодочник согласился взять круглый хлеб за переправу.

И с тех пор эта переправа так и зовется Хлебная.

Наконец Макдуф прибыл в свой замок Кенновой неподалеку от Файфа. Первым делом он обнял жену и своих детей, потом велел стражникам закрыть ворота замка, поднять разводной мост и не впускать к себе ни короля Макбета, ни кого другого из его свиты. Затем направился в небольшую гавань рядом с замком и велел побыстрее оснастить парусник. Попрощавшись с женой и дав ей строгие наказания, Макдуф готов был к бегству от Макбета.

Но Макбет и сам не медлил. Со своими воинами он был у ворот замка Кенновой раньше, чем Макдуф успел отплыть. Король призвал леди Макдуф открыть ему ворота и выдать мужа. Однако леди Макдуф, будучи женщиной не только храброй, но и мудрой, постаралась найти столько извинений и предлогов, что слугам-морякам хватило времени выйти в море.

Только тогда она поднялась на стену замка и смело заявила королю:

— Ты видишь в море белоснежный парус? То муж мой Макдуф плывет к королю Англии. Ты не увидишь его, пока он не вернется с принцем Малькольмом, чтобы свергнуть тебя с трона и предать смерти. Злись и беснуйся, но тебе так и не удастся накинуть воловье ярмо на шею благородного Макдуфа, тана файфского.

И в самом деле, Макдуф благополучно доплыл до английских берегов и явился ко двору короля, чтобы присоединиться к свите принца Малькольма, сына доброго Дункана. Он убедил принца, что шотландцы уже устали от жестокости Макбета и будут только рады примкнуть к рядам Малькольма, если он поспешит вернуться в родные места. Не мешкая, король английский дал армию отважных воинов, которых повел великий Сивард, граф Нортумберленский, чтобы помочь Малькольму, наследнику убитого Дункана, вернуть себе корону.

И все случилось так, как предсказал Макдуф. Таны Шотландии и прочие дворяне оставили Макбета и перешли к Малькольму и Макдуфу. Макбет остался лишь с небольшой свитой тех, кто поклялся не покидать его. И заперся в укрепленном замке Дунсинейн. Он не пал духом и не страшился ничего, веря в предсказание вещуний.

Наконец армия Малькольма и Макдуфа вступила в Бирнамский лес. Наутро по велению Макдуфа каждый воин отломил себе большую ветку дерева и под ее прикрытием двинулся на Дунсинейн. Ветки скрывали воинов, и враг не мог увидеть, какая армия, большая или маленькая, движется на замок.

Макбету сообщили, что противник расположился лагерем в лесу. Но и тогда сердце его не дрогнуло, он считал, что остается в безопасности. Однако ближе к полудню часовой, стоявший на крепостной стене, заметил, что на замок Дунсинейн плавно, не спеша идет сам Бирнамский лес. Он бросился с известием к королю. Грозный Макбет сначала не хотел этому верить и даже пригрозил повесить испуганного вестника.

Он сам поднялся на крепостной вал и, увидев то, что он увидел, понял, что пробил его час.

Но храбрость и отвага не покинули его. С горсткой таких же храбрецов он вышел за ворота замка и кинулся навстречу судьбе. Он погиб в сражении, скрестив мечи с самим Макдуфом.

На трон Шотландии взошел Малькольм. Он правил долго и успешно. Макдуфа он щедро наградил и повелел, что отныне Макдуф и все его потомки всегда будут идти во главе шотландской армии — большая честь. И будут возлагать корону на будущих шотландских королей — честь и доверие.

Томас-Рифмач (Легенда)

Знаете деревушку, что прячется в тени Эйлдонских холмов? Вот тут когда-то давным-давно, предавно жил один славный человек по имени Томас Лермонт. Ничем особенным он не отличался от своих соседей, разве только чудо как хорошо играл на лютне. Да умел сочинять стихи. Собственно, как все бродячие певцы-барды в ту пору.

В один прекрасный денек Томас захлопнул за собой дверь своей хижины и отправился с лютней под мышкой навестить одного фермера, жившего на склоне холма.

«Если взять хороший шаг, эта прогулка не отнимет у меня много времени», — подумал Томас. Но денек выдался такой ясный, такой жаркий, что когда он достиг берега ручья Хантли, сбегавшего с Эйлдонских холмов, он уже так умирился, что ему захотелось поскорее спрятаться от солнца в густой тени раскидистого дуба и отдохнуть.

Перед ним лежал небольшой лесок, по которому в разные стороны разбегались тропинки, скрытые зеленью. Он загляделся на прохладную сень, рассеянно перебирая струны лютни, как вдруг

помимо собственной музыки услышал отдаленные звуки, словно звон горного ручья.

Но что это? Он в великом изумлении вскочил на ноги — на одной из таинственных лесных тропинок появилась верхом на коне прекрасная леда. Прекраснее свет не видывал.

На ней было платье из зеленого, как трава, шелка и зеленый бархатный плащ. Светлые волосы ниспадали на плечи. Белоснежный конь под ней грациозно ступал меж деревьев, и Томас увидел, что каждая прядь его гривы заканчивается крошечным серебряным колокольчиком. Ну конечно, звон этих колокольчиков он и принял за журчание горного ручья.

Он сорвал с головы шапку и упал перед прекрасной всадницей на одно колено. Но она, натянув поводья белого коня, остановилась и повелела Томасу встать.

— Я королева эльфов, — молвила она, — и прискакала сюда, чтобы встретиться с тобой, Томас из Эрсилдурна.

Она ласково улыбнулась и протянула ему тонкую руку, чтобы он помог ей спешиться. Томас привязал коня к колючему кусту и повел даму в тень раскидистого дерева, зачарованный ее нежной, неземной красотой.

— Сыграй мне на лютне, Томас, — попросила она. — Хорошая музыка и лесная прохлада верные союзники, разве не так?

Томас послушно взялся за свой инструмент и начал играть. Никогда прежде не играл он так нежно и весело. Он кончил, и королева эльфов не стала скрывать своего восторга.

— Мне хотелось бы наградить тебя, Томас, — произнесла она. — Проси о любой милости, я тебя одарю ею.

Томас взял обе ее белые ручки в свои и осмелился произнести:

— Позволь мне поцеловать тебя, прекрасная королева.

Королева не отняла у него рук, а лишь улыбнулась и сказала:

— Запомни, Томас, если ты поцелуешь меня, тебе придется, на горе иль на радость, отслужить мне семь долгих лет. Согласен?

— Что значат семь лет! — воскликнул Томас. — Я с радостью расплачусь.

И он прикоснулся к устам королевы эльфов.

Королева быстро встала, и тут Томас вдруг почувствовал, что отныне он будет всюду послушно следовать за ней. Однако чары

любви были так сильны, что он ничуть не сожалел о своем дерзком поступке. Ну и пусть, он подарит королеве семь лет своей земной жизни.

Королева эльфов села верхом на белоснежного коня, а Томасу велела сесть позади нее, и под ласковый звон серебряных колокольчиков они полетели через зеленые ложбины и вересковые холмы быстрее всех ветров небесных. Наконец они прибыли в какое-то очень странное место. Королева соскочила с коня и сказала Томасу, что они отдохнут здесь недолго.

Томас с великим любопытством оглядывался по сторонам: он понял, что очутился на земле не для простых смертных. Позади остались непроходимые кущи вьющегося орляка. А вперед от этой бесплодной земли убегали три дороги.

Одна дорога, узкая и крутая, густо заросла по обеим сторонам колючим кустарником и диким шиповником. Над головой кусты встречались, образуя длинный темный тоннель.

Другая дорога была широкая и прямая, по ней плясали солнечные зайчики, перепрыгивая на лужайки зеленого бархата, расшитого, словно драгоценными камнями, пестрыми цветами. Третья же дорога вилась вверх, сквозь заросли папоротника. Ее устилал мягкий мох, а венчала, словно высоким куполом, зеленая листва, которая дарила путнику прохладу.

Проследив за удивленным взглядом Томаса, королева эльфов сказала:

— Узкая, тернистая тропа — это Дорога праведников. Редкий путник отважится идти этой дорогой. Широкая прямая дорога, ведущая мимо цветущих долин, зовется Дорогой порока, хоть и кажется такой светлой, такой нарядной. А третья прекрасная дорога, что вьется вдоль живой изгороди из вечнозеленого папоротника, — дорога в страну эльфов. По ней мы и поскачем этой ночью в Эльфландию.

Она подошла к коню, который прядал ушами и бил копытом в нетерпении скорей вступить на эту зеленую тропу. Но прежде чем отправиться в путь, королева сказала Томасу:

— Если ты послушаешься моего совета, Томас, и будешь нем все время, что проведешь в Эльфландии, что бы ты ни услышал и ни увидел там, то по истечении семи лет ты вернешься в страну людей.

Но если ты произнесешь хоть слово, ты упустишь свое счастье и будешь приговорен на вечное скитание по бесплодной пустыне, что лежит между прекрасной Эльфландией и землей людей.

Они поскакали по третьей тропе, и скакали очень долго, прежде чем достигли владений королевы. Через холмы, долины, болота и равнины. По ночам над ними чернело небо, а днем блестели золотом облака на солнце. Случалось им переходить вброд стремительные реки, наполненные красной кровью. Королева подбирала шлейф своей зеленой мантии, а на белоснежных боках ее коня оставались кроваво-красные пятна. Ибо вся кровь, пролитая когда-либо на земле, собиралась здесь в ручьи, которые орошали эти странные места.

Но вот наконец они достигли ворот Эльфландии. Тысячи волшебных труб возвестили об их прибытии. Под приветственные звуки и въехал Томас в зачарованную страну, залитую чудесным светом.

А где-то далеко, на земле простых смертных, жители Эрсилдурна шепотом передавали друг другу таинственную весть, что их сосед Томас Лермонт одним прекрасным летним днем взял да и пропал. И след его простыл.

Пока Томас оставался к Эльфландии, он не посмел ни словом ни с кем перемолвиться о тех чудесах, какие ему удалось увидеть или услышать. Семь лет пролетели, как три дня, и, когда вышел срок его службы у королевы эльфов, настал миг расставания. Королева сама проводила Томаса за ворота волшебной страны в залитый солнцем сад, который лежал по ту сторону ворот. Там росли изящные лилии и все самые прекрасные цветы земли, а под ними прогуливались изящные кроткие единороги.

Королева протянула руку, сорвала с дерева яблоко и дала его Томасу.

— Ну вот, наконец ты можешь заговорить, Томас, — молвила она. — А в награду за семь лет верной службы мне возьми себе это яблоко. Оно волшебное и наградит тебя даром говорить всегда только правду, истинную правду, одну только правду.

Но Томас был малый смысленый и сразу смекнул, что этот дар говорить только правду и ничего, кроме правды, не великое счастье в той стране, куда он возвращается. И он попытался объяснить это королеве эльфов.

— Когда живешь среди людей, — сказал он, — иногда приходится кое-что приукрасить, когда, например, ухаживаешь за девушкой. Или если хочешь заключить выгодную сделку с соседом. Без красноречия тут никак не обойдешься.

Но королева только улыбнулась (в который раз!) и сказала:

— Откинь все волнения, Томас! И береги мой дар — он дается не каждому. Он принесет тебе славу, о какой ты и не мечтал. Навеки запомнят имя Лермонта, пока есть на земле страна Шотландия. А теперь ты должен возвратиться, Томас. Только сперва внемли моим словам. Настанет день, я снова призову тебя к себе. Так поклянись послушаться моего приказа, где б он ни застал тебя. Я за тобой пришлю моих посланцев. Их будет двое. Ты сразу их узнаешь — они придут из другого мира, не из твоего...

Томас заглянул в глубокие глаза прекрасной королевы, словно в омут, и понял, что чары любви, лежавшие на нем семь долгих лет, так никогда его и не отпустят. Но он был только рад дать королеве клятву, что выполнит ее приказ.

Не успели слова клятвы слететь с его уст, как Томас вдруг погрузился в глубокий сон. Зеленый сад, цветы, кроткие единороги — все растворилось вмиг в молочной дымке, что опустилась из облаков на землю, припорошенную опавшим белым цветом яблонь.

Когда Томас проснулся, он увидел, что лежит под большим дубом, что рос на самом берегу ручья Хантли. Все еще в сомнении, он пристально взгляделся в пустынные тропинки леса, тщетно надеясь уловить звуки серебряных колокольчиков. Путешествие в Эльфландию, которое затянулось на семь долгих лет, показалось ему теперь коротким послеполуденным сном.

Томас крикнул:

— Я еще вернусь!

И, подхватив лютню, зашагал в свой Эрсилдурн. Очень захотелось ему узнать, что там произошло за эти семь лет. Но еще больше Томасу хотелось проверить, сбудется ли обещание, которое подарила ему королева эльфов: неужто и впрямь отныне он будет говорить только правду?

— Боюсь, я только рассержу своих соседей, — рассуждал сам с собою Томас, — если не сумею им сказать ничего, кроме правды. Ведь

они услышат не такой уж лестный отзыв, на какой рассчитывали. Да и не тот совет получат, какой ждали.

Не успел он появиться на улицах своей деревни, как услышал крик и вопли. Какой-то бедный старик решил, что Томас восстал из мертвых и вернулся в родную деревню с того света. Однако Томас быстро доказал всем, что он живой и здоровый, и добрые жители Эрсилдурна больше не удивлялись, что снова видят его. Но они не переставали удивляться, охать и ахать, когда он поведал им о своем путешествии в Эльфландию. Дети постоянно крутились у его ног, взбирались к нему на колени, чтобы еще и еще раз послушать его чудесную историю о том, как веселятся в той волшебной стране. А старики покачивали головой и тихо толковали меж собой про тех, кого вот так же увлекла за собой королева эльфов. Только они-то не пришли назад.

Но никому, никому не рассказал Томас о своем обещании вернуться к королеве, как только она пришлет за ним двух посланцев.

Со своей стороны, и Томас не мог не удивиться, что ничто не изменилось в Эрсилдурне, словно он отсутствовал не семь лет, а три дня. Конечно, надо было подправить свой дом, потому как от дождей кое-где прохудилась тростниковая крыша, а в стенах ветер пробил дырки и надо было вставить на их место камни покрепче. У соседей на лице прибавилось морщин, а в волосах — седины. Семь жарких лет, семь урожаев, семь морозных зим, семь полных солнцем весен пролетели, а все осталось на своих местах.

С того дня, как Томас вернулся, он все ждал: сбудется — не сбудется обещание королевы эльфов. Неужто он и впрямь будет теперь говорить одну только правду?

Однако он, как и прежде, спокойно любезничал с дочкой фермера. И мог без труда уговорить соседа купить у него корову или там овцу.

Но вот в один прекрасный день на деревенской сходке, когда обсуждали страшное бедствие — падеж скота во всех окрестных деревнях, Томас вдруг почувствовал, что должен встать и что-то сказать. И к своему собственному изумлению, взял да предсказал, что мор падет на все деревни, кроме Эрсилдурна. Очень удивились односельчане такому странному предсказанию, но в глубине души поверили. Что-то в его словах внушило им доверие еще до того, как

предсказание Томаса сбылось. Чудо, но и впрямь ни одна корова, ни лошадь, ни овца не заболели в Эрсилдурне.

После этого Томас часто делал верные предсказания. А так как он умел с легкостью рифмовать, он говорил их стихами. Поэтому они быстро запоминались и стали гулять по свету. Но самое важное — все они сбывались, и слава Томаса-Рифмача, Томаса-Прорицателя вскоре облетела всю Шотландию. А все-таки, хоть он и стал знаменит и его приглашали во все концы страны, свой родной Эрсилдурн он не покинул. Разбогатев, он построил замок рядом и принимал там и всех соседей, и знаменитых воинов, и именитых лордов и графов. Он очень огорчился, когда сбылось его предсказание:

Пока поют в терновнике дрозды,
У Эрсилдурна не отнять его казны.

И впрямь, в одну злую весну не пели, как всегда, дрозды в колючих кустах вокруг Эрсилдурна. Лето выдалось дождливое, холодное. Урожай собрали бедный, и почти все жители деревни разорились, и пришлось им заложить свои земли богатым лендлордам.

Но самое удивительное предсказание Томас сделал 18 марта 1285 года. На шотландском троне в ту пору сидел мудрый король Александр III. На другой день граф Марч собирался на охоту и послал за Томасом, чтобы тот предсказал ему погоду.

Назавтра в полдень буря взовьется.
Ведать не ведала ране Шотландия,
Что столько крови прольется, —

предсказал Томас.

И граф Марч не рискнул отправиться на охоту. Назавтра, ближе к полудню, он снова призвал к себе Томаса.

— Ну, где же твоя зловещая буря? — упрекнул он прорицателя.

— Полдень еще не пробило, — ответил спокойно Томас.

В этот миг в покои графа ворвался испуганный вестник. Он поведал, что великий король скончался. Он ненароком упал на крутой горной тропе с коня и более не встал.

— Увы, эта весть и означает бурю, которая нанесет жестокий урон нашей Шотландии, — произнес Томас.

На горе и печаль всех честных шотландцев, предсказание его сбылось.

Но людская молва повторяла и те его предсказания, каким еще только дано будет сбыться. Вот одно из них:

Когда Коровы Гаури выплывут на сушу,
Настанет судный день по наши души.

А надо вам сказать, что Коровами Гаури называют два гигантских валуна, стоящих за чертой полного прилива в заливе Тэй, что позади Ивергаури. И каждый год они на дюйм приближаются к земле, потому как море отступает.

Еще одному предсказанию Томаса только предстоит сбыться:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбургу быть —
Самым славным, самым главным из трех прослыть.

А вот какую легенду сложили про Томаса сами шотландцы.

Прошло дважды семь лет с тех пор, как Томас-Рифмач вернулся от королевы эльфов, когда Шотландию втянули в тяжкую войну. Английский король после победы над Джоном Бальолем при Данбаре одолел Шотландию. Но доблестный рыцарь Уильям Уоллес поднял шотландцев, чтобы отбиться.

Так случилось, что армия храбрых шотландцев стояла лагерем близ замка Томаса. И Томас решил устроить великий пир для славных воинов. Такого великого праздника еще не знал замок Эрсилдурн. Гости заполнили большой зал замка — благородные рыцари в тонких

кольчугах, прекрасные дамы в шелестящих шелках. Вино лилось рекой, деревянные кубки то и дело наполнялись веселым шотландским элем.

Музыканты услаждали слух важных гостей, сказители развлекали историями о подвигах войны и охоты. Но главное ждало гостей впереди. Когда пир был закончен, сам хозяин замка Томас велел принести его любимую лютню и запел. Затаив дыхание, не проронив ни слова, слушали гости его песни о славном прошлом британской земли.

Он пел о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Об отважном Говэйне и волшебнице Мерлине, о печальной любви Тристана и Изольды. И все, кто слушал его, думал и чувствовал, что такого барда им больше не услышать никогда.

Они оказались правы.

В эту ночь, когда гости разошлись и над рекой спустился туман, воин, дежуривший в палатке на склоне холма, проснулся от странного топота легких копыт по высохшей траве.

Он выглянул из палатки и увидел необычайное зрелище.

В свете яркой августовской луны по тропе к нему приближались белоснежные олень и олениха. Они ступали величественно и гордо. Воин позвал друзей, все окружили необыкновенную пару, но они продолжали идти вперед, не обращая ни на кого внимания.

— Надо разбудить Томаса Лермонта, — предложил кто-то. — Может быть, он нам скажет, что это значит.

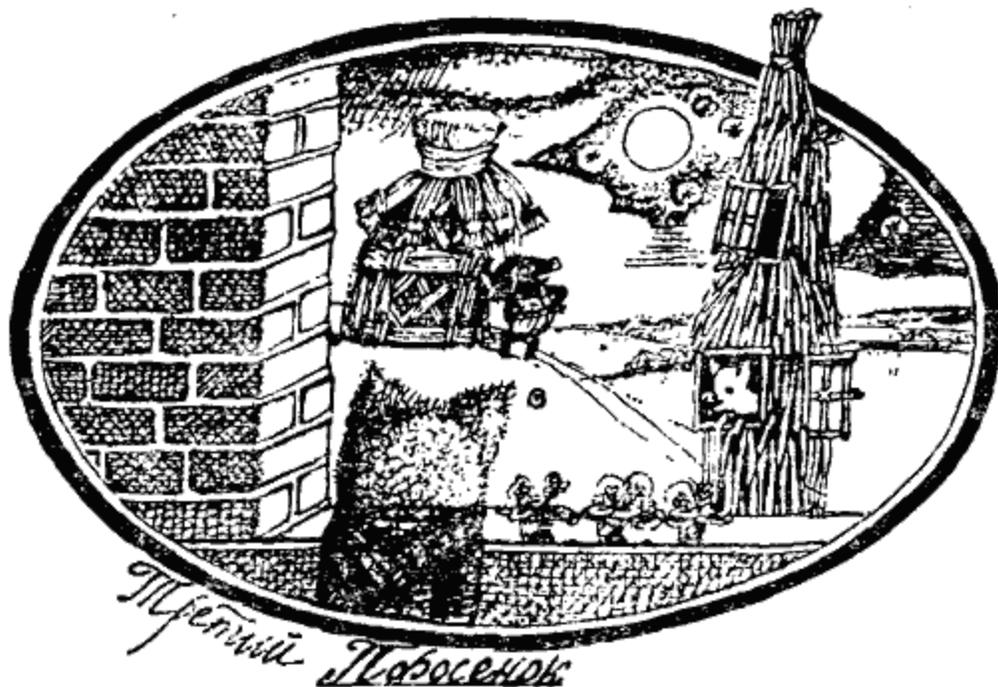
— Верно, надо послать за Томасом-Прорицателем! — закричали все и отправили в замок маленького пажа разбудить Томаса Лермонта.

Услышав весть, Томас тут же вскочил с постели быстро оделся. Он был бледен, даже руки у него дрожали. Ни один дикий зверь никогда прежде не покидал леса и не появлялся на улицах деревни. И потом, разве кто когда-нибудь слышал про белых оленей? Нет. Значит, это посланцы за ним, Томасом-Рифмачом, от королевы эльфов. Он и обрадовался: вскоре он снова увидит прекрасную королеву, но и загрустил — оборвалась нить его земной жизни.

Прихватив свою лютню, Томас вышел из замка и, с белым оленем по правую руку, с белой оленихой по левую, прошел по улицам деревни, освещенным серебристой луной, и скрылся в лесу, покинув родной Эрсилдурн навсегда.

Сказка про трех поросят

Давным-давно, предавно,
Когда свињи пили вино,
А маргышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крякали: кряк-кряк-кряк!^[1]

жила-была на свете старая свињья с тремя поросятами. Сама она уже не могла прокормить своих поросят и послала их искать по свету счастья.

Вот пошел первый поросенок и встретил на дороге человека с охапкой соломы.

— Человек, человек, дай мне соломы, — попросил поросенок. — Я построю себе дом.

Человек дал ему соломы, и поросенок построил себе дом.

Вскоре пришел к его дому волк, постучал в дверь и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

А поросенок ему:

— Не пуцу,клянусь моей бородой-бородищей!

Тогда волк говорит:

— Вот я как дуну,как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунул,как плюнул — сразу снес весь дом и проглотил поросенка.

А второй поросенок встретил человека с вязанкой хвороста и попросил его:

— Человек, человек, дай мне хворосту, я построю себе дом.

Человек дал ему хворосту, и поросенок построил себе дом.

Пришел к его дому волк и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня.

— Не пуцу,клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну,как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет,как плюнет,как плюнет да как дунет — снес весь дом и проглотил поросенка.

А третий поросенок встретил человека с возом кирпичей и попросил его:

— Человек, человек, дай мне кирпичей, я построю себе дом.

Человек дал ему кирпичей, и поросенок построил себе дом.

И к нему тоже пришел волк и сказал:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пуцу,клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну,как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет,как плюнет,как плюнет да как дунет,как дунет да как плюнет,а дом все стоит да стоит. Ну, видит волк: сколько ни дуй, сколько ни плюй — все равно дома не снесешь, и говорит:

— Послушай, поросенок, а я знаю, где растет сладкая репа!

— Где? — спрашивает поросенок.

— В огороде у мистера Смита. Завтра встань пораньше, я зайду за тобой, и мы вместе нарвем репы на обед.

— Ладно! — говорит поросенок. — Я тебя подожду. Ты когда придешь?

— В шесть.

Договорились. А поросенок встал в пять и нарвал себе репы до прихода волка. Ведь тот пришел к шести.

— Ты уже встал, поросенок? — спросил волк.

— Давно! — ответил поросенок. — Я уже и с огорода вернулся, и полный горшок репы на обед наварил.

Волк очень рассердился, но виду не показал, а старался придумать, как бы ему поросенка из дому выманить.

— Поросенок, а я знаю, где растет славная яблоня!

— Где? — спросил поросенок.

— Там внизу, в Веселом саду, — ответил волк. — Хочешь, завтра в пять утра я зайду за тобой, и мы нарвем яблок сколько душе угодно. Только смотри больше меня не обманывай.

На том и порешили.

А на другое утро поросенок вскочил в четыре часа и во всю прыть побежал за яблоками. Он хотел вернуться до волка. Но сад был далеко, а еще на дерево пришлось лезть.

И вот, только поросенок начал спускаться на землю — волк тут как тут. Ну и струхнул поросенок! А волк подошел к нему и говорит:

— Ах, это ты, поросенок! Опять раньше меня пришел. Ну, как яблоки, вкусные?

— Очень! — отвечает поросенок. — Держи, я тебе брошу одно!

И он бросил волку яблоко, но так далеко закинул, что, пока волк бегал за ним, поросенок спрыгнул на землю и убежал домой.

На другой день волк как ни в чем не бывало опять пришел к поросенку.

— Слушай, поросенок, — сказал он, — сегодня в Шэнклине ярмарка. Пойдешь?

— Ну конечно! — ответил поросенок. — Ты когда собираешься?

— В три.

А поросенок опять вышел из дома пораньше. Прибежал на ярмарку, купил маслобойку и направился уж было домой, как вдруг увидел волка.

С перепугу поросенок полез в маслобойку, да на беду опрокинул ее и вместе с ней покатился с холма прямо на волка. И до того напугал волка, что тот еле ноги унес, даже про ярмарку позабыл.

А когда опомнился, пошел к дому, где жил поросенок, и рассказал, что с ним случилось на ярмарке. Поросенок так и прыснул со смеху:

— Ха-ха-ха! Да ведь это я тебя напугал! Я ходил на ярмарку и купил там маслобойку. А как увидел тебя, залез в нее и скатился вниз с холма.

Тут уж волк просто расвирепел.

— Вот я тебя сейчас съем! — зарычал он и полез на крышу, а с крыши в трубу и по трубе вниз прямо в камин.

Смекнул поросенок, что дело его плохо, развел поскорее в камине огонь и поставил на него котел с водой. Только волчьи ноги показались в трубе, поросенок снял с котла крышку, и волк упал прямо в воду.

И так и этак вертелся волк в котле — все старался вылезти. Наконец поднатужился и выпрыгнул. Да от натуги лопнул! А из живота у него выскочили — вы уж поверьте мне! — два братца поросенка.

Поросята очень обрадовались, увидев снова друг друга, принялись танцевать и танцевали, танцевали до самого утра.

Мистер Майка

Томми Граймс бывал то хорошим мальчиком, то плохим, но уж если плохим, то из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

— Ах, Томми, Томми, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, а то тебя заберет мистер Майка!

Но все равно, когда Томми бывал плохим мальчиком, он обязательно убегал со своей улицы. И вот как-то раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понес к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Томми из мешка, поставил его на пол и ощупал ему руки и ноги.

— Да-а, жестковат, — покачал головой мистер Майка. — Ну, да все равно, на ужин у меня больше ничего нет, а если тебя проварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, Господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем невкусный. Салли! Ты слышишь? Поди сюда, Салли! — позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

— Что тебе, дорогой?

— Вот мальчишка — это нам на ужин, — сказал мистер Майка. — Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

— Не беспокойся, милый, — отвечала миссис Майка, и мистер Майка ушел.

Тут Томми Граймс и спрашивает миссис Майку:

— А что, мистер Майка всегда ест на ужин мальчиков?

— Частенько, малыш, — отвечает ему миссис Майка, — если мальчишки плохо себя ведут и попадают к нему на дороге.

— Скажите, а нет у вас еще чего-нибудь на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга? — спрашивает Томми.

— Ах, как я люблю пудинг! — вздохнула миссис Майка. — Только мне очень редко приходится его есть.

— А вы знаете, моя мама сегодня как раз готовит пудинг! — сказал Томми Граймс. — И она вам, конечно, даст кусочек, если я ее попрошу. Сбегать принести вам?

— Да ты неглупый мальчонка! — обрадовалась миссис Майка. — Только смотри не мешкай, обязательно возвращайся к ужину.

Томми бросился наутек и был рад-радешенек, что так дешево отделался.

И много-много дней после этого он был таким хорошим мальчиком, о каком только мечтать можно. И ни разу, ни разу не убежал со своей улицы.

Но не мог же он всегда оставаться хорошим! И вот в один прекрасный день он опять забежал за угол. И надо же было так случиться, что не успел он оказаться на другой улице, как мистер Майка заграбастал его, сунул в мешок и понес домой.

Притащил он Томми к себе, вытряхнул его из мешка и тут же узнал.

— Э-э, — говорит, — да ты, никак, тот самый мальчишка, что сыграл с нами скверную шутку! Больше тебе это не удастся! Я теперь сам тебя постерегу. Ну-ка лезь под диван!

Пришлось бедному Томми лезть куда велено, а мистер Майка уселся на диван и принялся ждать, пока вода в котле закипит. Ждал он, ждал, а вода все не закипала, так что наконец мистеру Майке это надоело, и он сказал:

— Эй ты, там, внизу! Высунь-ка сюда ногу, я ее привяжу, чтобы тебе не удалось улизнуть на этот раз.

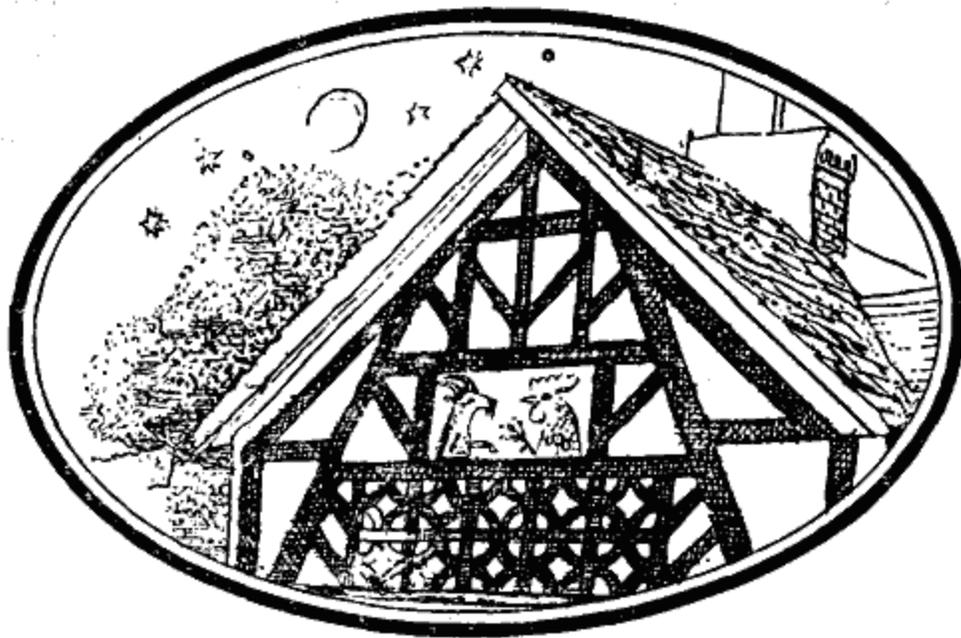
Томми высунул ногу, а мистер Майка распоясался и поясом привязал ее к дубовому столу крепко-накрепко. Потом позвал:

— Салли! Салли, дорогая!

Но никто не ответил. Тогда мистер Майка вышел в соседнюю комнату поискать миссис Майку, а пока искал, Томми выбрался из-под дивана и бросился к двери. Ведь высунул-то он из-под дивана не свою ножку, а диванную.

И вот вернулся Томми Граймс снова домой и больше никогда-никогда не забегал за угол до тех самых пор, пока не вырос большой и ему не разрешили ходить всюду одному.

Как Джек ходил счастья искать

Жил на свете мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать.

Не успел далеко отойти — навстречу ему кот.

— Куда идешь, Джек? — спросил кот.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им собака.

— Куда идешь, Джек? — спросила собака.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им коза.

— Куда идешь, Джек? — спросила коза.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им бык.

— Куда идешь, Джек? — спросил бык.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им петух.

— Куда идешь, Джек? — спросил петух.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Так и шли, пока не начало темнеть. Задумались они тогда, где же им ночь провести. А в это время у дороги показался дом.

Джек велел друзьям не шуметь, подкрался к дому и заглянул в окошко. А в доме-то сидели разбойники и пересчитывали награбленные деньги.

Вот вернулся Джек к своим друзьям и наказал им дожидаться его знака, а потом кричать что есть мочи. Приготовились все, Джек подал знак, и тут — кот замыкал, собака залаяла, коза заблеяла, бык замычал, петух закукарекал. Такой шум подняли, что разбойники перепугались и убежали. Тогда Джек с друзьями спокойно вошли в дом.

Но Джек все-таки опасался, как бы разбойники ночью не вернулись. И когда настало время ложиться спать, Джек устроил кота в качалке, собаку посадил под стол, козу отправил на чердак, быка спрятал в подвале, петуху велел взлететь на крышу. А сам улегся в постель.

Видят разбойники — свет в доме погас, и послали туда одного из своих людей за деньгами. Но он тут же прибежал назад и рассказал, какого страху только что натерпелся.

— Вот вхожу я в дом, — говорит, — хочу сесть в качалку, а там уж старуха какая-то сидит да вяжет. Как ткнет она в меня спицами!

А это был кот, вы же знаете.

— Подхожу я к столу, хочу взять наши денежки, а под столом сапожник. Как вонзит он в меня шило!

А это была собака, вы же знаете.

— Поднимаюсь на чердак, а там кто-то зерно молотит. Как трахнет он меня цепом — чуть с ног не сбил!

А это была коза, вы же знаете.

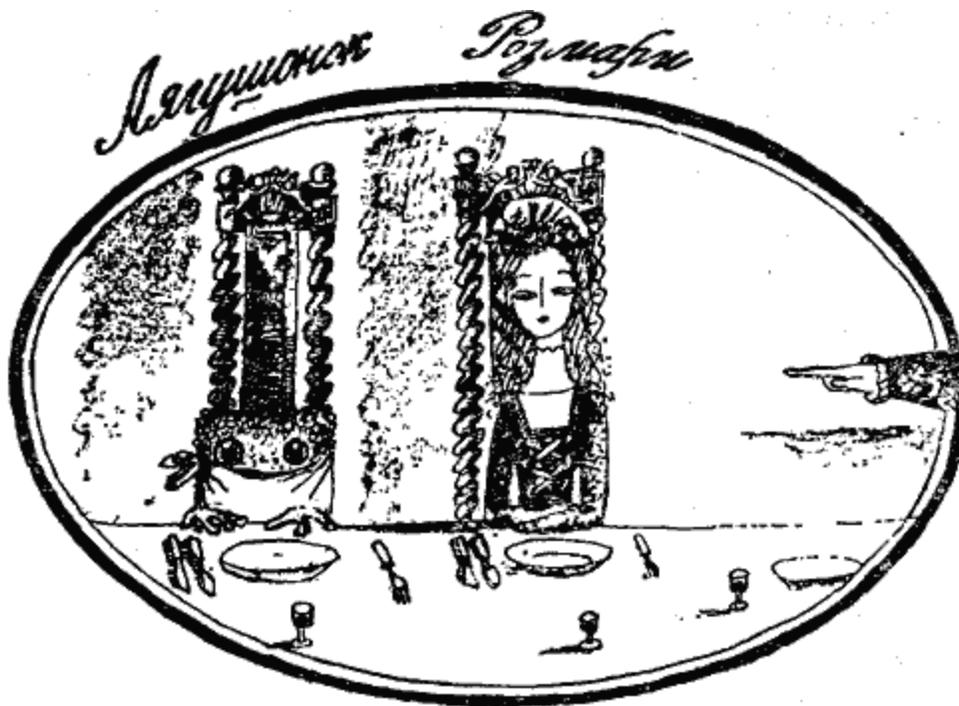
— Наконец спускаюсь в погреб, а там — дровосек. Как запустит он в меня топором! Еле ноги я унес.

А это был бык, вы же знаете.

— Но все бы ничего, кабы не карлик на крыше. Как завопит он: «А подать-ка его сюда! А подать-ка его сюда!..» Я и наутек.

А это петух кричал: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Источник-на-краю-света

В доброе старое время — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время, и не твое время, да и ничье то время, — жила на свете девушка. Звали ее Розмари. Девушка она была добрая, хотя не очень умная, и веселая, хотя и не очень хорошенькая. Но все бы ничего, да попалась ей злая-презлая мачеха.

И вот вместо того чтобы наряжаться в новые платья, есть сладкие пышки да болтать с подружками, как делают все девушки, Розмари приходилось с утра до ночи хлопотать по хозяйству. То мачеха заставляла ее мыть каменный пол, и Розмари ползала на коленках и терла его щеткой. То велела ей стирать, и Розмари засучивала рукава повыше и стояла весь день у корыта.

Но чем лучше Розмари работала, тем хуже обращалась с ней мачеха и только пуще ее ненавидела. Если девушка вставала рано, мачеха ворчала, что ей не дают спокойно поспать. Когда Розмари готовила обед, мачеха говорила, что его есть нельзя.

Бедняжка Розмари! Весь день она трудилась, и все было плохо.

А в один прекрасный день мачеха надумала и вовсе от нее избавиться. Подозвала она Розмари к себе и говорит:

— Возьми решето и ступай к Источнику на краю света. Набери в решето воды, да смотри принеси его сюда полнехоньким, не то тебе плохо придется!

Мачеха думала, что девушке ни за что не найти Источника на краю света. А если и найдет, то разве донесет она воду в решете?

Так-то вот. И девушка отправилась в путь и каждого встречного спрашивала, где найти Источник на краю света. Но никто не знал, и она думала да гадала, как же ей быть.

Наконец она увидела какую-то чудную, сгорбленную старушку с сучковатой палкой в руках. Согнувшись в три погибели, старушка что-то искала палкой в дорожной пыли.

— Что вы потеряли? — спросила ее Розмари.

— Два пенса!

— Дайте я помогу вам! — сказала Розмари и тоже принялась искать монетки.

Глаза у нее были молодые и зоркие, и она тут же нашла две монетки, по одному пенни каждая.

— Очень тебе благодарна, — сказала старушка. — Сама бы я никогда не нашла! А куда ты путь держишь? И зачем тебе это решето?

— Я ищу Источник на краю света, — ответила Розмари. — Да, наверное, такого и нет вовсе. Мачеха велела мне принести решето воды из Источника на краю света, а не принесу — мне плохо придется.

— Я знаю этот Источник, — молвила старушка, — и покажу тебе туда дорогу.

И старушка рассказала девушке, как найти Источник на краю света, а та поблагодарила ее и побежала скорей дальше.

Вот пришла она к Источнику на краю света, опустилась возле него на одно колено и зачерпнула решетом студеной воды. Но только подняла решето, а вода вся убежала. Пробовала набирать еще и еще, но каждый раз случалось то же самое, так что под конец бедняжка села на пенек и залилась горячими слезами.

Вдруг из-под папоротника выпрыгнула большая зеленая лягушка, села против Розмари, уставилась на нее большими выпученными глазами и спросила:

— Что случилось, милая?

— Ах я бедная, бедная! — ответила Розмари. — Моя мачеха велела мне принести решето воды из Источника на краю света, а я не могу!

— Что ж, — сказала лягушка, — обещаю исполнять все мои приказания целую ночь с вечера до утра, и я научу тебя, как набрать воды в решето.

Розмари с радостью согласилась, а лягушка сказала:

Глиной обмажь его, выложи мхом
И отнесешь в нем воды в свой дом.

А потом прыг-скок и плюхнулась прямо в Источник на краю света.

Розмари нашла мох, выстлала им дно решета, сверху обмазала глиной, а потом зачерпнула решетом воды из Источника на краю света. И на этот раз вода не убежала. Розмари собралась было уходить домой, но тут лягушка высунула голову из Источника на краю света и сказала:

— Так помни, что обещала!

— Помню, — ответила Розмари.

А про себя подумала: «Что плохого может мне сделать какая-то лягушка!»

И вот вернулась она домой с решетом, полным воды из Источника на краю света. Как увидела ее мачеха, так чуть не лопнула от злости, однако ни слова не сказала.

В тот же вечер Розмари услышала тихий стук в дверь — тук-тук-тук — и чей-то голос:

Открой мне дверь, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Что это значит? — вскричала мачеха.

И Розмари пришлось рассказать мачехе обо всем, а также и о своем обещании, которое она дала лягушке.

— Девушка должна выполнять свои обещания! — сказала мачеха. — Ступай сейчас же, открой дверь!

Она была рада-радешенька, что падчерице придется повиноваться какой-то мерзкой лягушке.

Розмари встала, открыла дверь и видит — на пороге сидит лягушка из Источника на краю света. Прыг-прыг, скок-скок — лягушка подскочила к ней и сказала:

На колени теперь, не боясь беды,
Возьми меня, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари не хотелось сажать к себе на колени лягушку, но мачеха приказала:

— Сейчас же возьми ее, дерзкая девчонка! Девушка должна выполнять свои обещания!

Ну, пришлось Розмари посадить лягушку к себе на колени. А та посидела-посидела и говорит:

Поддай мне обед, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Что ж, эту просьбу Розмари выполнила охотно — принесла хлеба, кувшин молока и накормила лягушку. А лягушка наелась и сказала:

Спать уложи, не боясь беды,
Меня в постель, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Ни за что! — воскликнула Розмари. — Ты такая холодная и скользкая, мне противно даже брать тебя в руки!

Но тут мачеха опять вмешалась:

— Выполний что обещала, милочка! Девушка должна держать свое слово! Делай, о чем тебя просят, или убирайся отсюда вместе со своей лягушонкой!

Розмари взяла лягушку в постель, но положила ее как можно дальше от себя. А когда занялся день, лягушка вот что сказала ей:

Бери топор, не боясь беды,
И голову мне руби, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари сначала не хотела исполнить эту просьбу — ведь она помнила, как лягушка помогла ей у Источника на краю света. Но лягушка повторила просьбу, и тогда Розмари взяла топор и отсекла лягушке голову.

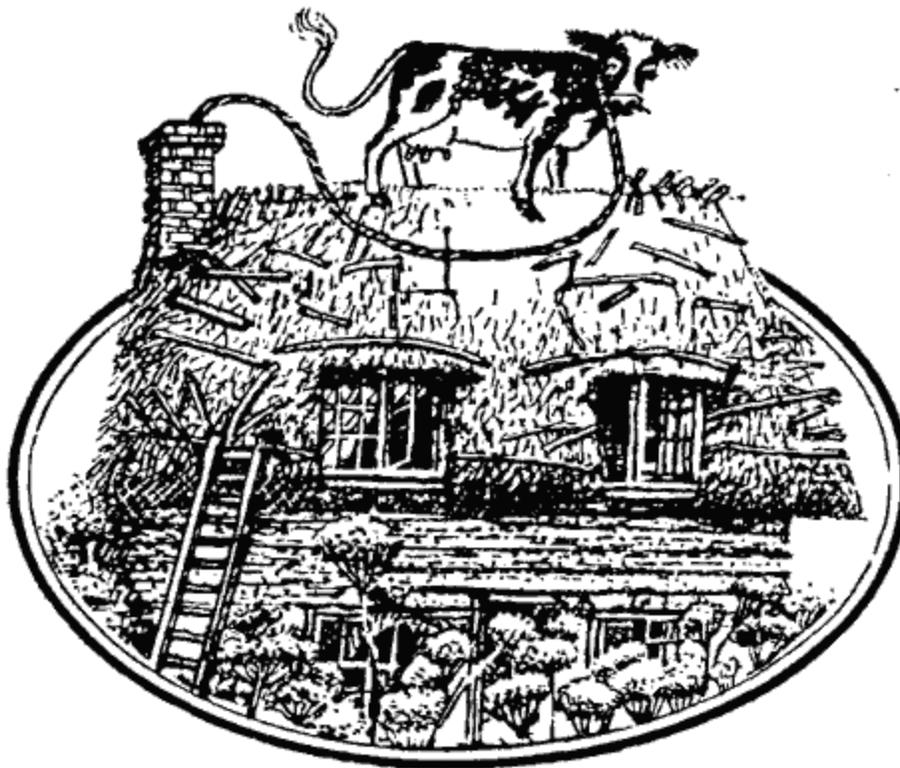
И вдруг — о чудо! — пред нею предстал прекрасный юноша. Он поведал Розмари о том, как злой волшебник заколдовал его, и добавил:

— Расколдовать меня могла только та девушка, что согласилась бы исполнять все мои приказания целую ночь, с вечера до утра, а утром отрубила бы мне голову.

Ну и удивилась мачеха, когда вместо мерзкой лягушки увидела красивого юношу! И уж поверьте мне, не по душе ей пришлось, когда юноша сказал, что хочет жениться на ее падчерице за то, что она

освободила его от злых чар. Но они все равно обвенчались и уехали от мачехи навсегда.

Три умные головы

Жил на свете фермер с женой, и была у них одна-единственная дочка, у которой был жених, некий джентльмен. Каждый вечер он приходил к ним в гости и оставался ужинать. А дочку посылали в погреб за пивом. Вот как-то раз спустилась она вниз, принялась цедить пиво в кувшин, а сама возьми да и взгляни на потолок. И что же видит — торчит в балке топор. Верно, воткнули его туда давным-давно, но так или иначе, а раньше она его не замечала. И принялась она думать да раздумывать: «Не к добру здесь топор торчит! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!»

Поставила девушка на пол свечу и кувшин, села сама на скамью и принялась плакать.

А наверху думают: что случилось, почему она так долго цедит пиво? Спустилась мать в погреб и видит: сидит дочка на скамье и плачет, а пиво уже по полу потекло.

— О чем ты? — спрашивает мать.

— Ах, матушка! — говорит дочка. — Только посмотри на этот страшный топор! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ах батюшки, горе-то какое! — И мать уселась рядом с дочкой и тоже в слезы ударилась.

Немного погодя и отец встревожился: чего это, думает, они не возвращаются. И отправился в погреб сам. Спустился и видит — сидят обе и плачут, а пиво уже по всему полу растеклось.

— Ну, что такое? — спрашивает он.

— Ах, ты только посмотри на этот страшный топор! — говорит мать. — Ну, как наша дочка выйдет замуж, и будет у нее сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ох-ох, вот дело-то... — говорит отец, усаживается рядом с ними и тоже в слезы.

Наконец джентльмену надоело одному сидеть в кухне, и он тоже спустился в погреб посмотреть, что случилось. Видит: сидят все трое рядышком и плачут-заливаются, а пиво по всему полу течет-растекается. Бросился он к крану, закрыл его, а потом и спрашивает:

— Что такое? Почему вы тут сидите все трое и плачете, а пиво по всему полу у вас растеклось?

— Ох-ох-ох, — говорит отец. — Только посмотрите на этот страшный топор! Что, если вы с нашей дочкой поженитесь, и будет у вас сынок, и вырастет он большой и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его.

Тут все трое расплакались пуще прежнего. А джентльмен рассмеялся, выдернул из балки топор и говорит:

— Немало я изъездил по свету, но таких умных голов, как вы, никогда не встречал! Теперь я снова отправлюсь путешествовать и, если встречу трех таких, что еще глупее вас, вернусь и женюсь на вашей дочери.

Он пожелал им всего хорошего и отправился путешествовать. А все трое заплакали навзрыд — ведь дочка-то жениха потеряла.

Ну, пустился он в дорогу и долго бродил, пока не пришел наконец к одному дому. И видит: крыша дома вся травой поросла, к крыше

приставлена лестница, и женщина заставляет подняться по лестнице корову! Бедная скотина упирается, а хозяйка знай себе подстегивает ее.

— Что вы делаете? — спросил джентльмен.

— Посмотрите! — воскликнула хозяйка. — Только посмотрите, какая на крыше сочная трава! Отчего бы корове не пастись там? Упасть она не упадет: ведь я завяжу ей вокруг шеи веревку и спущу веревку в трубу, а конец себе на руку намотаю, пока буду хлопотать по дому.

— Дура ты, дура! — сказал джентльмен. — Да ты бы скосила траву и бросила ее корове!

Но хозяйка полагала, что легче корову наверх загнать, чем траву вниз сбросить. Вот она и толкала ее, и уговаривала, и втащила корову наконец на крышу, и завязала ей вокруг шеи веревку, и спустила веревку в трубу, а конец себе на руку намотала. Джентльмену надоело смотреть на все эти глупости, и он пошел своею дорогой. Да, выходит, одну умную голову он уже встретил!

И так он шел и шел, пока не дошел до придорожной гостиницы, где решил провести ночь. Но в гостинице народу было полным-полно, и ему дали комнату на двоих. На вторую кровать лег другой путник. Он оказался славный парень, и они подружились.

А утром, когда стали они одеваться, джентльмен очень удивился: его сосед подошел к комоду, повесил на ручку комода свои штаны, разбежался и — прыг! — да мимо, не попал ногами в штаны. Опять разбежался — опять мимо. И так раз за разом. А джентльмен глядит на него и думает: что это он затеял? Наконец тот остановился и вытер лицо платком.

— Уф! — сказал он. — Ну что это за одежда — штаны? И кто ее выдумал? Каждое утро добрый час бьюсь, чтобы попасть в них. Даже в жар бросает! А как вы управляетесь со своими?

Джентльмен так и покатился со смеху, а потом показал бедняге, как надо штаны надевать. Тот долго благодарил его и уверял, что сам он никогда бы до этого не додумался.

Да, этот тоже был умная голова!

А джентльмен снова отправился в путь. Пришел он к деревне, за деревней был пруд, и у пруда собралась толпа народу. Все шарили в воде — кто граблями, кто метлами, а кто вилами. Джентльмен спрашивает, не случилось ли какого-нибудь несчастья.

— Ну да, ужасное несчастье! — отвечают ему. — Луна упала в пруд! Ловим, ловим ее, никак не выловим!

Джентльмен рассмеялся и посоветовал дуракам искать луну не в пруду, а на небе. Но они даже слушать его не захотели и так обругали, что он поспешил убраться подобру-поздорову.

Вот он и узнал, что на свете дураков немало, а есть и такие, что почище его невесты и ее родителей. И джентльмен вернулся домой и женился на дочке фермера.

И если они после этого не зажили счастливо, то кто-кто, а уж мы с вами тут ни при чем.

Малютка брауни

Малютка брауни жил в большом доме под названием Хилтон-Холл.

— Пойдите, а кто это — брауни? — спросите вы.

Брауни — так называют в Англии домовых. Похожи они скорее всего на малюсеньких смешных человечков и бывают довольно симпатичные, но ужасно капризные. Если им вздумается, они выполнят за вас всю домашнюю работу, а нет, так только напроказят.

Рассказывают, что был в Корнуэлле один брауни, который мог за ночь намолоть зерна больше, чем сам хозяин за целую неделю. Но брался за работу этот брауни, только если ему не забывали оставить на ночь большую миску свежих сливок.

А еще один брауни — весьма знаменитый, по имени Робин Гуд, — был отчаянный озорник и большой любитель всяких проделок. Например, он любил подкрасться к какой-нибудь почтенной леди за столом и незаметно выплеснуть весь эль, который она только

собиралась выпить. А то делал и похуже: отпирал конюшню и выпускал на волю всех лошадей.

Но брауни из Хилтон-Холла не был таким отчаянным проказником, как этот Робин Гуд, правда, он не был и таким добродетельным, как корнуэллский брауни. Все у него зависело от настроения.

Когда он бывал не в духе, то не успеют в доме все уснуть, он уж тут как тут и времени зря не теряет: в сахарницы насыплет перцу, в пиво — соли, золой забросает огонь в очаге, который нарочно оставили гореть на всю ночь, да еще расплескает чистую воду, приготовленную на утро.

Ну, а если он бывал в хорошем настроении — к счастью, это случалось чаще, — то пока служанки спали, он подметал за них все комнаты, чистил очаг, разводил яркий огонь, прибирал все в кухне: скреб горшки, перетирал тарелки, мыл, скоблил, пока все в кухне не засверкает и не заблестит.

Охотней всего брауни делал это, когда служанки оставляли ему на ночь миску со сливками или ломоть хлеба с медом.

И вот случилось однажды, что служанки засиделись допоздна, рассказывая друг другу страшные истории. И когда две самые молодые из них — помощница кухарки и горничная — отправились наконец спать, то, поднимаясь со свечой по лестнице, они вдруг услышали в кухне легкий шум.

«Что, если это брауни?» — подумали девушки.

А надо вам сказать, что брауни никто еще никогда не видел — они не очень-то любят людям на глаза показываться, — и девушкам страсть как захотелось на него взглянуть. Вот они спустились потихоньку с лестницы, подкрались к кухонной двери и, набравшись храбрости, приоткрыли ее.

Так и есть! В кухне оказался малютка брауни. И как вы думаете, что делал этот бесенок? Сидел верхом на крюке от длинной цепи, ввинченной в потолок, на которой подвешивают над очагом горшки, и качался как на качелях.

Качался и напевал:

О горе мне, горе!
Не упал еще в землю желудь,
Что поднимется в небо дубом,
Что пойдет на зыбкую люльку,
Что будет качать ребенка,
Что станет потом мужчиной,
Что меня отпустит на волю.
О горе мне, горе!

Девушки-служанки были добрые девушки. И пока они раздевались, чтобы лечь спать, они успели переговорить обо всем и сошлись во мнении, что это стыд и позор — держать бедного брауни в доме против его желания. Ведь он был таким милашкой! А если иногда и проказничал, то помогал гораздо чаще. И они решили отпустить его на волю.

На другой день они спрашивали всех, кого только встречали, как им отпустить на волю малютку брауни. Но никто не знал. Наконец они спросили старую птичницу.

— Ах ты Господи! — воскликнула птичница. — Да нет ничего проще!

И она рассказала им, что и как надо делать.

В соседнем городе была о ту пору ярмарка, и девушки отпросились туда пойти. Каждая прихватила часть денег, которые копила себе на свадьбу, и на эти деньги они купили на ярмарке лучшего зеленого линкольнского сукна.

Весь следующий день они кроили и шили и сшили для брауни очень миленькую зеленую накидку с капюшоном. И когда наступил вечер, положили ее в кухне возле очага, а сами спрятались и подглядывали в щелку.

Вскоре появился брауни, нахмуренный и насупленный. Было видно, что он пришел в плохом настроении.

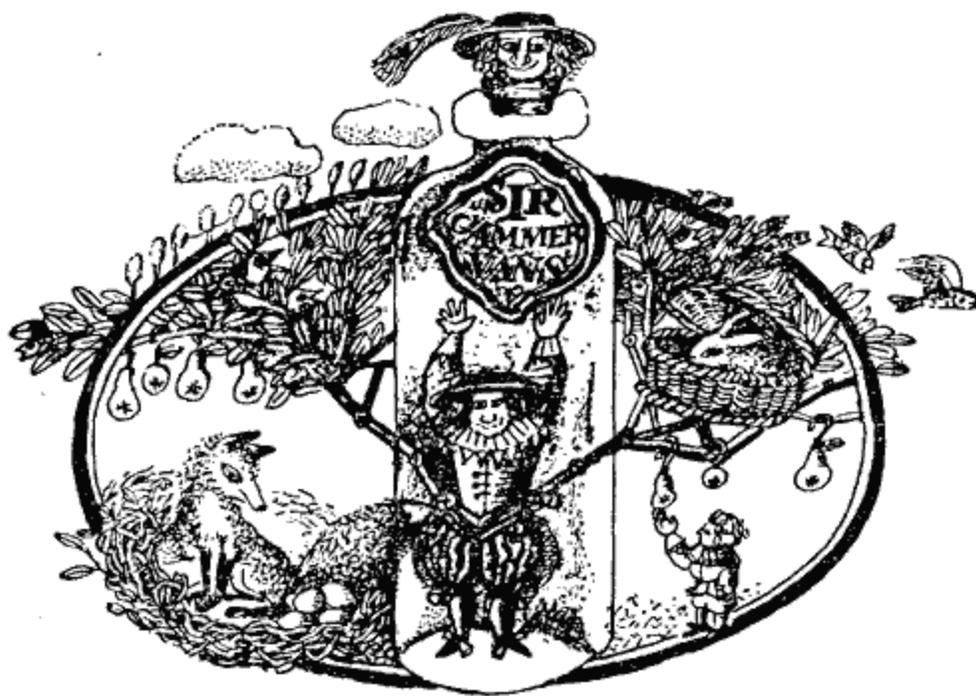
Но стоило ему заметить возле очага зеленую накидку с капюшоном — Боже ты мой, что тут началось! Он заулыбался, заухмылялся, взял в руки накидку, чтобы рассмотреть ее хорошенько,

потом надел на себя и стал глядеться в начищенную медную сковороду. А потом ну плясать и скакать по кухне, припевая:

Накидка моя, капюшон теперь мой,
И больше не служит вам домовой!

И так, припевая и пританцовывая, он исчез из кухни, и больше его никто никогда не видел.

Бабушкин дедушка

В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они точно, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви. Они ответили, что точно не знают, лучше мне спросить у бабушкиного дедушки.

— А где мне найти его? — спросил я.

— Проще простого, — ответили они. — Он живет в кирпичном доме из цельных бревен, который стоит сам по себе среди шестидесяти точно таких же.

— И в самом деле проще простого, — сказал я.

— Проще не бывает, — сказали они.

И я пошел.

Бабушкин дедушка был великаном, но не просто великаном, а великаном из бутылки. Чуть что, и он лез в бутылку. Когда я пришел, он, наверное, только что выскочил из бутылки.

— Как поживаешь? — спросил он меня.

— Спасибо, очень хорошо, — ответил я.

— Хочешь со мной позавтракать?

— С великим удовольствием, — ответил я.

Он угостил меня ломтиком пива и кружкой холодной телятины, а собака сидела под столом и подбирала осколки.

— Брысь! — сказал я ей.

— За что? — сказал великан. — Она вчера поймала мне на ужин зайца. Если не веришь, пойдём, я тебе покажу.

И он повел меня в сад. В одном конце сада сидела в гнезде лиса, высиживала орлиные яйца. Посреди сада росла железная яблоня, усыпанная спелыми грушами. А в другом конце в корзине сидел живой заяц, которого великан съел вчера за ужином.

Мимо пробежал олень, и я вдруг вспомнил, что в кармане у меня лежит лук. Я зарядил его порохом и пустил стрелу. Вверх взвилась стая перепелок. Говорят, я убил восемнадцать штук, но я точно знаю, что тридцать шесть, не считая копченого лосося, который пролетал в это время над мостом. И я приготовил из него лучший яблочный пирог, какой вам только доводилось пробовать.

Приходите, я угощу вас!

Дочка пекаря

Вы знаете, почему сова так сердито кричит по ночам: «Уух, уух!»? Если нет, мы вам расскажем об этом.

В былое время — то было не мое время, и не ваше время, да и ничье то время — в Англии водилось много всякой нечисти. Всякие там эльфы, паки, великаны, говорящие жабы и прочее. И конечно, феи, которые были всеильны и всемогущи. Они часто принимали образ людей и вызнавали все людские секреты. Но больше всего феи любили наказывать людей за дурные поступки и награждать за добрые.

Как-то вечером одна такая могущественная фея пришла в деревню, что в графстве Харфордшир, под видом простой нищенки и постучалась в дом пекаря. Дверь оказалась незаперта, и фея вошла в лавку. Там было довольно темно, пахло свежесвыпеченным хлебом, а в глубине полыхала жаром огромная печь. Перед печью хлопотала хорошенькая, опрятная девушка — дочка пекаря. Рядом с ней на большом низком столе грудой лежали свежие, хрустящие хлеба.

Фея залюбовалась на девушку, глядя, как она ловко вынимает из пылающей печи готовую партию хрустящих хлебов и отправляет в

огонь новую. По готовым хлебам девушка постучала костяшками пальцев, чтобы проверить, хорошо ли они пропеклись, и тогда уже выложила их на низкий стол.

— Подайте кусок хлеба бедной женщине! — попросила дрожащим голосом фея, переодетая старой нищенкой.

Дочка пекаря продолжала заниматься своими хлебами, едва удостоив старушку взглядом. Немного погодя, не сказав старушке доброго слова, девушка оторвала кусок сырого теста и бросила ей.

— Но у меня в хижине нет огня, чтобы испечь его, — сказала старушка, подняв с пола этот кусочек теста. — Разреши мне положить его вместе с твоими хлебами в печь.

Дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы отвечать какой-то там нищей старушонке. Однако когда пришла пора отправлять в печь новую партию хлебов, она разрешила старушке положить на деревянную лопату и ее кусочек теста.

Когда же хлебы подрумянились и девушка вытащила их из печи, оказалось, что из маленького кусочка получился самый большой и самый румяный хлеб. Нищенка протянула к нему руку, но девушка оттолкнула ее.

— Уходи, грязная попрошайка! — крикнула она. — Это не твой хлеб!

И сколько старушка ни просила, девушка ни за что не хотела отдать хлеб, а вместо этого бросила фее кусочек сырого теста, даже меньше первого. Но когда старушка сунула его в печь, он тоже превратился в большой и румяный хлеб, еще больше и румяней первого.

Да только девушка опять не позволила старушке взять этот хлеб и опять хотела прогнать ее, но старушка попросила дать ей последний, третий кусочек теста, чтобы попытать счастья. И девушка бросила ей совсем крохотный комочек, даже не взглянув на старушку. А напрасно...

Как мы уже говорили, дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы глядеть на какую-то там старушонку. А если бы она поглядела, когда в третий раз вынула из печи большущий, румяный хлеб, что получился из крохотного комочка теста, который она бросила нищей старушонке в третий раз, она бы не оттолкнула ее и не

крикнула, заикаясь от злобы «Уух... уух... уходи!», а заметила бы необычайную перемену, какая вдруг произошла в старой нищенке.

Из сторбленной старушки она превратилась в высокую молодую женщину, вместо рваного тряпья с ее плеч спускалась блестящая мантия, а кривая клюка превратилась в сверкающую волшебную палочку.

Но девушка вовремя не поглядела на нее, а, вынув из печи большой, румяный хлеб, грубо оттолкнула фею и крикнула, заикаясь от злобы:

— Уух... уух...

Но не успела закончить, как превратилась вдруг в серую сову и с громким «уух, уух!» вылетела в окно.

Вот, теперь вы знаете, отчего совы так сердито кричат: «Уух! Уух!»

Кто-всех-одолеет

Жил на свете старый король. Он был богатый король. У него даже была своя придворная колдунья, и король очень гордился чудесами, какие могла творить эта колдунья.

И вот однажды король велел отправить во все концы королевства послание с обещанием отдать свою младшую дочь и полкоролевства в придачу тому, кто одолеет королевскую колдунью. Но с условием, что, если кто за это возьмется, да не выполнит, тому голову с плеч.

А в этом королевстве жили три брата. Звали их Билл, Том и Джек. Родители их были бедные люди, и вся семья ютилась в убогой хижине, что стояла в самом глухом уголке королевства.

Когда до них долетела королевская весть, все трое братьев решили попытать счастья.

Первым собрался в дорогу старший брат, Билл. Путь был дальний, и мать приготовила ему с собой побольше еды.

И вот Билл покинул родительский дом и шел, пока не встретил седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Билл, — приветствовал его старичок.

— Утро как утро, — ответил Билл.

— Куда путь держишь? — спрашивает седой, сгорбленный старичок.

— А тебе что?

Вот так ответил Билл, и пошел дальше, и добрался наконец до королевского дома, и вызвал к себе короля.

— Ты зачем пришел? — спрашивает его король.

— Да вот хочу попытаться — может, сумею одолеть вашу колдунью, — отвечает Билл.

Тогда король говорит:

— Что ж, начнем испытание, — и зовет свою колдунью. — Посмотрим, кто кого одолеет!

— Да тут и смотреть не на что, — говорит Билл, окидывая взглядом сухонькую, маленькую старушонку.

Лучше б он подумал, прежде чем говорить такие дерзости. Тяжелей каменной башни навалилась на него злая колдунья, эта сухонькая, маленькая старушонка. А что тут удивительного? Она была много старше его, ей уж, наверное, стукнуло не одну тысячу лет. Ну и, само собой, колени у бедного Билла подкосились, и он рухнул на землю.

И вот второй брат, Том, собрался в дорогу к королевскому дому. И мать сказала ему:

— Не ходи, Том, вдруг ты тоже не вернешься.

— Нет уж, раз решил, то пойду, — сказал Том.

Мать приготовила ему еды, и он отправился в путь, и тоже повстречал седого, сгорбленного старичка, и дальше с ним случилось все то же самое, потому что он не захотел сказать старичку, куда держит путь. Король так же, как и в тот раз, позвал свою колдунью и сказал Тому: кто кого одолеет, тот и победитель. И еще, если Том хочет, то может выставить вместо себя кого-нибудь другого. Но Том окинул взглядом сухонькую, маленькую старушонку и дерзко выступил вперед. Ну и, само собой, с ним случилось то же, что и со старшим братом.

Настал черед Джеку идти к королевскому замку. И он попросил матушку приготовить ему в дорогу еды. Но матушка сказала:

— Не ходи, Джек, сыночек! Ты единственный у нас остался.

Но Джек сказал, что он должен пойти. Мать так горько плакала, что никакой еды ему в дорогу не приготовила. И он взял с собой лишь сухой хлеб и отправился в путь.

Вскоре он тоже повстречал седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Джек, — приветствовал его старичок.

— Доброе утро, бабушка, — говорит Джек, — доброе утро, дядюшка.

— Куда путь держишь, Джек?

— Да вот ищу корабль, который посуху пойдет, дядюшка. Не хочешь ли позавтракать со мной, бабушка?

— Сначала возьми вот эту палку, Джек, — говорит старичок, — и ступай по той самой дороге, какой я пришел сюда. Иди, пока не дойдешь до чистого источника. Опусть в источник эту палку и держи, пока вода в источнике не обратится в вино. На берегу ты найдешь серебряный кувшин и кубок. Дальше сам догадайся, что тебе делать. А к тому времени, как ты вернешься сюда, корабль будет готов.

Что ж, Джек пошел и без труда отыскал чистый источник, опустил в него волшебную палку и держал ее там, пока вода не обратилась в вино. Наполнил серебряный кувшин вином и вернулся к старичку. Они вместе позавтракали сухим хлебом и запили его вином. А корабль на колесах был уже готов, и старичок сказал:

— Садись на этот корабль, Джек, скажи: «Плыви, мой корабль, плыви!» — и корабль поплывет. Да не забудь, ты должен сажать на свой корабль всякого, кого повстречаешь по дороге к королевскому дому. И еще помни: каждого, кто сядет на твой корабль, ты должен спросить, как его зовут.

Вот Джек сел на корабль и сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл. Когда они проплывали через высокие горы, Джек увидел человека, который спиной валил толстенные деревья. Джек удивился и спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-одолеет!

— Кто всех одолеет? Конечно, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-одолеет сел на корабль, и дальше они поплыли вместе. Когда они проплывали через зеленый луг, Джек увидел большое стадо

и человека, который хватал и ел подряд без разбору и свиней, и овец, и коров.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-съест!

— Кто всех больше съест? Наверное, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-больше-съест сел на корабль, и дальше они поплыли втроем. Когда они спустились в лощину, Джек увидел человека, который опустошал подряд все источники и ручьи.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-выпьет!

— Кто всех больше выпьет? Пей себе на здоровье! Хочешь ехать с нами?

Кто-всех-больше-выпьет сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл дальше. Потом Джек увидел бегущего человека. Сначала человек бежал на одной ноге, потом на другой. Джек спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-перегонит!

— Кто всех перегонит? Ну, ясное дело, ты! Садись к нам на корабль.

Кто-всех-перегонит тоже сел на корабль, и они поплыли прямо, пока не доплыли до человека, который стоял с ружьем и целился вверх, словно хотел подстрелить зайца в небе.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-дальше-стреляет!

— Кто всех дальше стреляет? Надеюсь, ты! — говорит Джек. — Поедем с нами!

Меткий стрелок тоже сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И они поплыли дальше, пока не доплыли до человека, который смотрел вдаль, приложив руку ко лбу.

— Эгей, как тебя зовут? — спросил Джек.

— Кто-всех-дальше-видит!

— Кто всех дальше видит? Наверное, ты! Поедем с нами.

Кто-всех-дальше-видит сел на корабль, и они поплыли дальше, пока не приплыли к королевскому дому. И Джек крикнул:

— Эгей!

Из дома вышел король и спросил:

— Ты зачем пожаловал? Джек сказал:

— Хочу попытаться счастья — может, сумею одолеть вашу колдунью и завоевать сердце младшей леди принцессы.

— А ты помнишь условие: если ты или твои помощники не одолеют мою колдунью, голова твоя слетит с плеч? — спрашивает король.

— Как же, помню! — ответил Джек.

— Что ж, тогда начнем испытание, — говорит король и зовет свою старую колдунью.

А Джек позвал Кто-всех-одолеет, и первое испытание кончилось вничью, как вы, наверное, и сами догадались.

— Что ж, — говорит король, — а теперь: кто больше съест?

Джек недолго думая позвал своего друга Кто-всех-больше-съест.

Сначала им привели быка, и Кто-всех-больше-съест вмиг его проглотил. Потом двух коров, потом несколько свиней и наконец полдюжины овец.

Кто-всех-больше-съест мигом проглотил их, пока старая колдунья еще только с быком возилась.

— Молодец, — сказал король. — А вот выпить больше, чем моя колдунья, тебе не удастся!

— Попытаемся, — сказал Джек и позвал своего приятеля Кто-всех-больше-выпьет.

И тот выпил сначала ручей, потом озеро и добрался вскоре до реки. Но королю было жалко реку, и он сказал:

— Все ясно. А кто кого перегонит?

Джек позвал Кто-всех-перегонит, король дал ему и своей колдунье по яичной скорлупе и велел добежать до океана, зачерпнуть соленой воды и вернуться назад. Кто-всех-перегонит добежал, конечно, первым, зачерпнул соленой воды, побежал назад и на полдороге встретил старуху колдунью еще с пустой скорлупой.

— Ох, устала, — сказала колдунья.

— Я тоже, — сказал он.

— Давай посидим, отдохнем, — предложила она, — не стоит надрываться ради других.

Они выбрали уютную зеленую лужайку и сели отдохнуть.

— Ты положи голову вот сюда, — говорит старуха, — да поспи часок.

А надо вам сказать, что у старой колдуньи в кармане была такая волшебная косточка, которую стоило подложить спящему под голову, и он не проснулся бы, пока эту косточку опять не забрали бы. И вот колдунья дождалась, когда Кто-всех-перегонит крепко заснул, и сунула ему под голову эту косточку. Потом перелила морскую воду из его скорлупы в свою и побежала назад к королевскому дому.

А Джек уже начал беспокоиться и попросил своего друга Кто-всех-дальше-видит посмотреть, где же Кто-всех-перегонит. Кто-всех-дальше-видит поднес руку к глазам и сразу увидел его.

— Он спит на зеленой лужайке на полдороге отсюда, а под головой у него лежит волшебная косточка. Если ее не убрать, он не проснется.

— Кто-всех-дальше-стреляет! — позвал Джек. — Выстрели и вышиби эту косточку! — попросил он.

Кто-всех-дальше-стреляет выстрелил, вышиб косточку, и Кто-всех-перегонит тут же проснулся. Проснулся, вскочил на ноги, схватил пустую скорлупу, добежал до океана, набрал соленой воды и на полпути назад нагнал старуху колдунью. Он нарочно толкнул ее под руку, и злая колдунья разлила всю соленую морскую воду.

А какой конец у этой истории, вы, наверное, и сами догадались. Джек и младшая принцесса обручились скорей, чем успела вернуться в королевский замок старая колдунья. И когда я уходил от них, они были очень довольны и счастливы.

Воду заперли

Давным-давно на ферме возле Тавистока работали две девушки, Бет и Молли. А вы, наверное, знаете, что в давние времена во всем Девонширском графстве вряд ли нашелся бы хоть один дом без своего домового, или, как их еще звали, брауни.

Встречались еще разные паки, эльфы и водяные, но они не очень-то походили на домовых. А помните хилтонского брауни? Вот вроде него!

Бет и Молли были девушки прехорошенькие и обе очень любили потанцевать. Но вот что было странно: у других девушек, например, частенько не хватало денег даже на цветную тесьму или на новые ленты и гребешки для волос. Бывало, они из-за этого нет-нет да и всплакнут украдкой. А у Бет и у Молли всегда находился лишний пенни, и они что хотели, то и покупали у деревенского коробейника.

И никто не мог у них выпытать, откуда они берут на это денежки. Это был их секрет! А выдать секрет — значит вспугнуть удачу; уж кто-кто, а они хорошо это знали.

Каждый вечер, перед тем как идти наверх спать, они ставили перед каминной решеткой в кухне низкое деревянное ведро с водой. Наутро ведро оказывалось пустое, а вместо воды на дне его лежала серебряная монетка. Только, конечно, никто, кроме них, не знал про это.

Как-то раз девушки вернулись с танцев очень поздно и сразу легли спать. Вдруг Бет услышала шум, словно кто-то колотил маленькими кулачками в кухонную дверь. Она села на кровати и прислушалась. Стук раздался снова, и она различила громкие высокие голоса:

— Воду заперли! Воду заперли!

— Проснись, Молли! — зашептала Бет, тряся Молли за плечо. — Это, наверное, наши брауни. Мы забыли оставить им воду.

Но Молли в ответ только повыше натянула на голову одеяло и сказала, что ни за что на свете не вылезет из теплой постели даже ради всех брауни со всего Девоншира.

Бет посидела, послушала, как брауни стучат в дверь и кричат, и наконец сама встала с постели и спустилась вниз.

В кухне она никого не увидела, но по углам кто-то шуршал и шептался тоненькими голосками. Она сняла крышку с большой бочки и стала переливать из нее воду в низкое деревянное ведерко. А пока переливала, все время прислушивалась, о чем шепчутся по углам брауни. Оказывается, речь шла о том, как наказать Молли за то, что она не захотела вылезать из теплой постели «даже ради всех брауни со всего Девоншира».

Один сказал, что ее надо за это несколько раз ущипнуть побольней. Другой захотел, чтобы она ослепла на один глаз. Брауни долго спорили и наконец сошлись на том, что самое худшее для Молли наказание — чтобы она больше не могла танцевать!

И они решили сделать ее хромоножкой на семь лет. Через семь лет с нее можно будет снять это наказание, но для этого потребуются трава со странным названием «кискиласкибрысь».

Так все и сказали, громко и по слогам:

— Киски-ласки-брысь!

Услышав, какое ужасное наказание грозит Молли и какое длинное название у травы, которая поможет снять это наказание, Бет очень испугалась. Она испугалась, что тут же забудет это длинное и странное слово и тогда не сумеет помочь бедной Молли.

Поэтому она скорее побежала вверх, в спальню, все время повторяя про себя это слово, и стала будить Молли, чтобы сказать это слово ей. Но Молли не хотела просыпаться. И чем больше Бет трясла ее за плечо, тем выше Молли натягивала себе на нос одеяло.

А когда утром Бет проснулась, она не могла вспомнить ни одной буквы из этого слова.

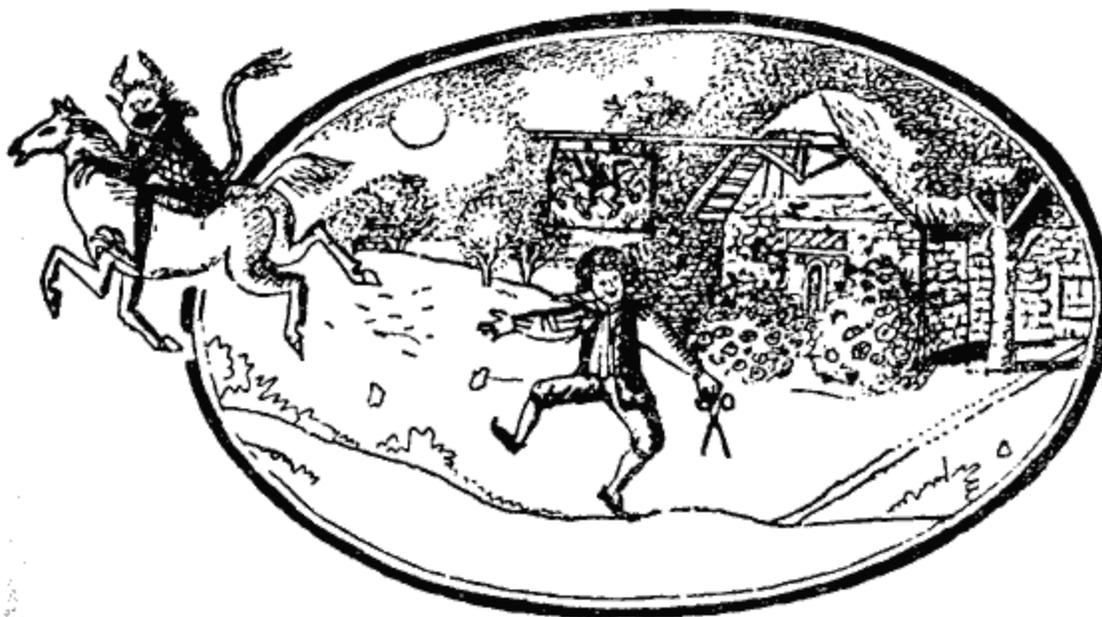
Так бедная Молли стала хромоножкой.

Прошли семь лет, и однажды Молли гуляла одна далеко от дома в поле. Вдруг она увидела посреди поля большой гриб. Она наклонилась, чтобы сорвать его, но гриб подпрыгнул и обернулся чудным маленьким человечком. Человечек выкрикнул какое-то чудное длинное слово, которое Молли никогда раньше не слыхала, и стегнул ее по больной ноге какой-то чудной длинной травой.

— Кискиласкибрысь! — выкрикнул человечек, и Молли тут же перестала хромать и побежала домой бегом.

С того дня они с Бет опять стали ходить на танцы.

Дьявол и портняжка

Жил некогда в Клитру, что в графстве Ланкашир бедный портняжка. Работал он на совесть, но, сколько ни старался, никак не мог вылезти из нужды.

Когда дела его пошли совсем худо, бедняга решил продать свою душу дьяволу. Кто мог его за это упрекнуть? Как всякому человеку, ему хотелось хоть немного денег и радости на этом свете, а что будет на том — это уж неважно.

Бедняга портной в точности разузнал, что и как надо делать. Написал письмо, в котором соглашался отдать дьяволу душу через пятнадцать лет, и, перед тем как лечь спать, положил письмо под подушку. На другое утро вместо письма он нашел там полкроны. Портной знал, что эти полкроны были задатком, и, если взять задаток, значит, он согласен на сделку.

Он взял эти деньги, и, хоть они были и невелики, он все же радовался, предвидя лучшие времена. Теперь-то он уж больше не будет голодать и холодать! Скоро он купит себе все, что только пожелает, поселится в большом доме, будет есть вволю. И даже попивать винцо!

Так думал бедняга портной.

Но увы! Время шло, и, хотя сделка состоялась, не было ему ни удачи, ни доходов — ничегошеньки, о чем он мечтал. Как был неудачником, так и остался. Ножницы его затупились, иглу он потерял, сукно все посекалось, а заказчики либо скупились, либо вовсе забывали платить ему за работу.

Словом, все обстояло по-прежнему.

«Эх, зря я продал дьяволу душу», — с досадой думал портняжка.

Но понемногу он начал забывать, что писал когда-то дьяволу письмо и брал задаток, чтобы скрепить сделку.

И вот однажды сидел он, как всегда скрестив ноги, на низком столе, как вдруг раздался громкий стук в дверь, и в дом вошел очень высокий черноволосый незнакомец. Портной вскочил, потирая руки, — он подумал, что перед ним богатый заказчик.

— Желаете пару новых бриджей, сэр? — спросил он.

— Нет, дело не в бриджах, — ответил незнакомец глухим низким голосом.

— Имеется миленький шелк в цветочек, сэр, коли желаете заказать новый жилет, — продолжал портной.

— Нет, я пришел не за жилетом, — сказал незнакомец.

Портного начал разбирать страх, и он кое-что припомнил:

— Есть еще з-з-зеленое с-с-сукно... б-б-бутылоч-ного цвета, ваша с-с-светлость... на пальто.

Тут незнакомец потерял всякое терпение, шагнул прямо к портному, схватил его за шейный платок и сказал:

— Не узнаешь меня? Настал срок расплаты! Я пришел за тобой!

И с этими словами дьявол — а это был не кто иной, как он, — потащил беднягу из дому. Портняжка взмолился о пощаде. Он рассказал дьяволу, какую жалкую жизнь он влачил, как и то у него было плохо, и это, и вообще все вразлад шло, и никакой радости от этой сделки за все эти долгие годы он не видел.

— Ах, ваше величество, неужели под конец вы не выполните хотя бы одно мое желание! — воскликнул бедный портной, когда они были уже на пороге. — Всего одно желание!

Что ж, про себя дьявол хорошо знал, что поступил не очень-то честно, и, когда портной повторил свою просьбу, он в конце концов уступил.

— Ладно, одно желание, — проворчал он, — но быстро!

Застигнутый врасплох портной озирался по сторонам, не зная, что придумать. Пробил его последний час. Что же ему пожелать?

Но единственное, что ему попало на глаза, была старая кляча, серая в яблоках, щипавшая траву на лугу перед домом. Он поднял взгляд на зловещего незнакомца и вдруг выпалил:

— Желая, чтобы ты вскочил на эту серую клячу и убрался восвояси и никогда больше не пугал бы бедных людей!

Не успел портной это выговорить, как дьявол, дико вскрикнув, выпустил из рук его шейный платок и через миг уже сидел на сером коне, который мчал его по дороге.

А самое главное — больше никто никогда дьявола и в глаза не видел, во всяком случае в Ланкашире.

Только это еще не конец истории. Как вы сами можете догадаться, про этот случай скоро стало всем известно. И со всех концов страны в Клитру начали стекаться любопытные, желавшие поглядеть на человека, перехитрившего самого дьявола, и услышать всю историю из его собственных уст.

Вскоре у портного появилось заказчиков хоть отбавляй. И он зажил богато и весело. А для своей новой мастерской он заказал вывеску, на которой была нарисована вся эта история — в общих чертах, конечно. И если вы поедете в Клитру, то, наверное, ее там увидите.

Волшебный рог

В давние времена жил в Англии один рыцарь. На щите у него был изображен страшный крылатый дракон, но, как вы сейчас сами увидите, это ему не помогло. Однажды этот рыцарь охотился вдали от Глостера и заехал в дремучий лес, где водилось много кабанов, оленей и других диких зверей. В лесу посреди поляны стоял невысокий холм. На нем всегда отдыхали усталые рыцари и охотники, когда их мучила жара или жажда.

Но место это было не простое, а волшебное. И уж так повелось, что путник мог подняться на этот холм только в одиночку. Свою свиту он должен был оставлять внизу.

Когда рыцарь с крылатым драконом на щите ехал по лесу, ему повстречался дровосек. И дровосек посоветовал рыцарю:

— Поднимись на холм и скажи, будто перед тобой стоит кто: «Хочу пить!» И тотчас пред тобой предстанет виночерпий со светлым челом, в богатой темно-красной одежде. Он протянет тебе большой рог, украшенный золотом и самоцветами — так в древности украшали рога наши предки. Рог будет до краев полон неведомым душистым напитком. Стоит лишь отведать его, как жажда и усталость покинут

тебя, и ты снова сможешь отправиться в путь. А когда ты осушишь рог, виночерпий протянет тебе полотенце, чтобы отереть рот, и, не дожидаясь ни вопросов, ни благодарности, исчезнет.

Рыцарь с крылатым драконом на щите только посмеялся рассказу дровосека.

«Найдется разве такой глупец, — подумал он, — что, завладев однажды столь прекрасным рогом, сам, по своей воле расстанется с ним!»

Но когда в тот же день он, усталый, возвращался с охоты домой и его мучили жара и жажда, он вспомнил про чудесный холм и волшебный рог. Он отослал своих спутников и один отправился на то место. Он сделал все, как научил его дровосек: поднялся на холм и громко сказал:

— Хочу пить!

И тотчас пред ним появился, как и предсказывал дровосек, виночерпий в темно-красной одежде. В руке он держал большой рог, усыпанный драгоценными камнями.

Так и разыграла в рыцаре алчность, как увидел он этот рог. Он схватил его и пригубил нежнейший напиток — тот будто зажег ему кровь. Но, не сделав и глотка, рыцарь решил: вот только осушит рог и похитит его.

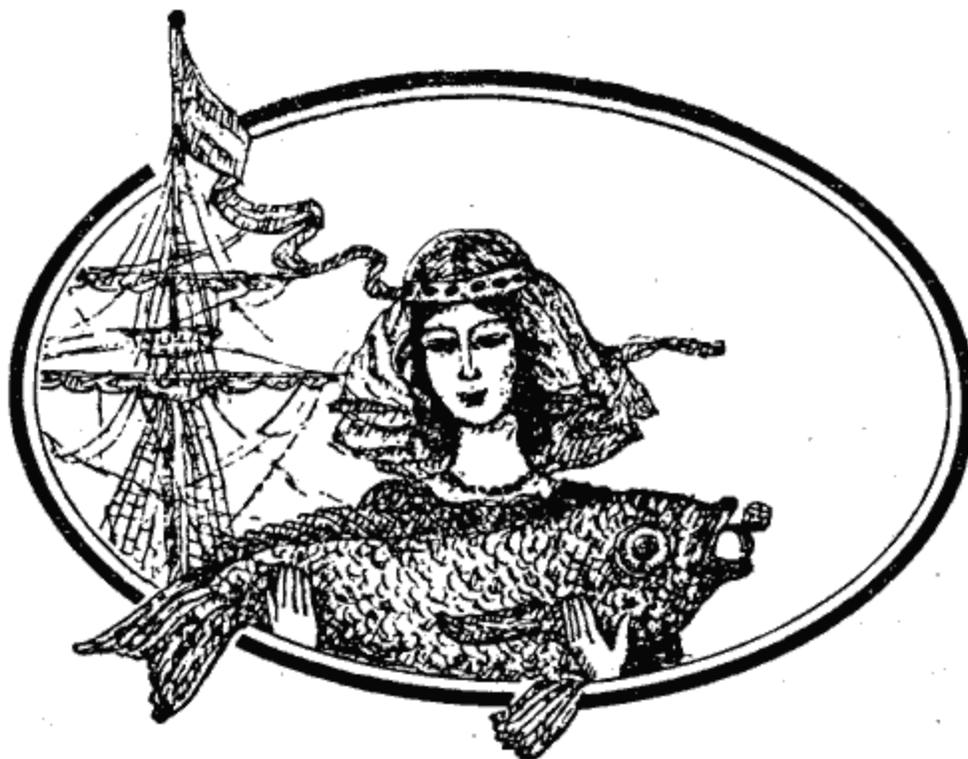
Он выпил весь напиток до капли и вместо того, чтобы вернуть рог виночерпию — так подобало бы поступить благородному рыцарю, — спустился с холма и бросился бежать.

Теперь слушайте, какая судьба постигла этого рыцаря, что носил на своем щите крылатого дракона, но потерял рыцарскую честь и украл чудесный рог!

В те времена у волшебного холма имел обычай останавливаться граф Глостерский, чтобы утолить жажду из волшебного рога и отдохнуть. И вот он узнал, что бесчестный рыцарь нарушил этот добрый обычай. Граф напал на нечестивца в его же замке и в честном бою убил его. А потом забрал чудесный рог. Но увы! Граф не вернул рог волшебному виночерпию, а отдал его своему государю и повелителю королю Генриху Старшему.

И с тех пор вы можете хоть весь день простоять на волшебном холме и повторять: «Хочу пить!» — вам уж не придется отведать из волшебного рога.

Рыба и перстень

В графстве Йоркшир, что лежит на севере страны, жил некогда могущественный барон. Он был великий волшебник и умел предсказывать будущее. Вот как-то раз, когда его сыну минуло всего четыре года, барон заглянул в Книгу Судеб и прочел в ней, что сын его женится на простой девушке, которая только что родилась в доме близ Йоркского собора. Барон узнал также, что отец этой девушки очень-очень беден, и что детей у него и так уже пятеро.

Он с гневом захлопнул черную книгу, велел подать себе коня и поскакал в Йорк. Там он проехался мимо дома бедняка. А тот в это время сидел у своего порога, грустный и печальный.

Барон соскочил с коня, подошел к этому человеку и спрашивает:

— Что у тебя случилось, любезный?

— Ах, ваша честь, — отвечает бедняк, — дело в том, что у меня уже пятеро детей, а только что родилась еще девочка. Откуда же мне взять столько хлеба, чтобы прокормить их всех? Ума не приложу!

— Не падай духом, приятель! — сказал барон. — Если только в этом твоя беда, я тебе помогу. Заберу твою последнюю малютку с собой, и тебе не придется больше о ней заботиться.

— Премного вам благодарен, сэр, — ответил человек.

Пошел в дом, вынес девочку и отдал ее барону, а тот вскочил на коня и поскакал с нею прочь. Когда же достиг он берега реки Уз, он бросил малютку в воду, а сам поскакал дальше к своему замку.

Но девочка не утонула — пеленки держали ее на воде, и она все плыла и плыла, пока ее не вынесло на берег перед хижинкой одного рыбака. Рыбак нашел малютку, сжалился над ней и отнес к себе в дом.

Так она и жила у него, не зная горя, пока не исполнилось ей пятнадцать лет и она не стала стройной и прекрасной девушкой.

И вот случилось однажды, что барон ехал со своими друзьями берегом реки Уз на охоту и остановился у хижины рыбака, чтобы утолить жажду. Девушка вышла к охотникам с водой, и они тут же увидели, что она очень хороша. А один из друзей барона сказал:

— Барон, вы умеете предсказывать судьбу, как вы думаете, за кого выйдет замуж эта девушка?

— Э-э, нетрудно догадаться, — ответил барон, — за какого-нибудь мужлана. Но я все же составлю ее гороскоп. Подойди-ка сюда, милая! Скажи мне, в какой день ты родилась?

— Не знаю, сэр, — ответила девушка. — Меня подобрали вот на этом самом месте лет пятнадцать назад. Река принесла меня сюда.

Тут барон понял, кто она такая. И когда все поехали дальше, он вернулся и сказал девушке:

— Послушай, милая, хочешь, я сделаю тебя счастливой? Отнеси вот это письмо моему брату в Скарборо, и ты на всю жизнь будешь устроена.

Девушка поблагодарила барона и взяла письмо. А в письме было написано вот что:

«Дорогой брат!

Схвати подательницу сего и немедленно предай ее смерти.

Любящий тебя твой ХЭМФРИ».

Вот вскоре девушка отправилась в Скарборо и остановилась переночевать на постоялом дворе. А как раз в эту ночь туда ворвались грабители. Они увидели девушку и обыскали ее, но денег при ней не нашли, а только письмо. Они его вскрыли, прочли и решили, что это предательство, — стыд и позор убивать беззащитную девушку! Вожак шайки взял перо и бумагу и написал так:

«Дорогой брат!

Прими подательницу сего и немедленно выдай ее замуж за моего сына.

Любящий тебя твой ХЭМФРИ».

Потом отдал это письмо девушке и пожелал ей счастливого пути. И она пошла в Скарборо к брату барона — благородному рыцарю. А у него в то время гостил сын барона. Девушка передала письмо брату барона, и тот распорядился немедленно готовить свадьбу. В тот же день свадьбу и сыграли.

А через несколько дней и сам барон приехал в замок брата. Ну и удивился он, когда узнал новости! Больше всего на свете он боялся этой свадьбы, — и вот она свершилась.

«Ну, ничего, я так просто не сдамся!» — решил барон и предложил девушке погулять с ним по скалистому берегу. А как только они остались одни, барон схватил девушку за руку и хотел было сбросить в море.

— Пощадите меня! — взмолилась девушка. — Я ни в чем не виновата. Отпустите меня, и я сделаю все, что вы пожелаете. Клянусь вам, я не увижусь больше ни с вашим сыном, ни с вами, пока вы сами этого не захотите.

Тогда барон снял с руки золотой перстень, бросил его в море и сказал:

— Без этого перстня не смей показываться мне на глаза!

И отпустил ее.

Бедная девушка все шла и шла, пока не добралась наконец до замка одного знатного вельможи. Тут она попросила дать ей хоть какую-нибудь работу, и ее оставили в замке судомойкой — ведь она привыкла к этой работе еще в хижине рыбака.

И надо же было так случиться, что в один прекрасный день в этот замок приехали — кто бы, вы думали? Да сам барон, его брат и сын барона — ее муж! Она просто не знала, что ей делать, и только надеялась, что в кухне замка они ее не увидят.

Со вздохом принялась она за свою работу и стала потрошить огромную рыбу, которую ей велено было приготовить к обеду. И вдруг в желудке у рыбы что-то сверкнуло. Перстень! Тот самый, что барон бросил в море со скалы в Скарборо. Ах, как девушка обрадовалась! Она постаралась приготовить рыбу повкуснее и подала ее на стол.

Слушайте же, что было дальше. Гости отведали рыбы, и она так понравилась им, что они спросили хозяина дома, кто ее готовил. Хозяин ответил, что не знает, и приказал слугам:

— Эй вы, пришлите-ка сюда повариху, которая готовила эту рыбу!

Слуги спустились в кухню и сказали девушке, что ее требуют в зал. Вот она принарядилась, надела на палец золотой перстень барона и поднялась в зал.

Гости так и ахнули, когда увидели юную и прекрасную повариху. Только барону пришлось это не по душе. Он вскочил из-за стола и готов уж был броситься на девушку, но она подошла к нему с протянутой рукой, сняла с руки перстень и положила перед ним.

Тут барон понял, что от судьбы не уйдешь. Он усадил девушку за стол и объявил всем собравшимся, что она его невестка и верная жена его сына. А потом увез ее и сына домой, в свой замок, и с тех пор все они жили не тужили и никогда не пили из пустой бутылки.

Джек Хэннефорд

Жил на свете старый солдат. Долго пришлось ему воевать — так долго, что под конец он совсем обносился и не знал, куда податься, чтобы раздобыть деньжонок. Взбирался он на вересковые холмы, спускался в долины, пока не пришел наконец к одной ферме. Хозяина в то время не случилось дома: он уехал на ярмарку. Оставалась только его жена, а была она дура душой. Правда, и сам фермер умом не отличался. Трудно даже сказать, кто из них был глупее. Ну, да когда вы услышите всю историю, вы сами это решите.

Так вот, уезжая на ярмарку, фермер сказал жене:

— Я, наверное, до ночи не вернусь. Кто его знает, что может случиться по дороге? Возьми-ка ты лучше наши десять гиней и схорони их в надежном месте!

Он вынул из кармана все свои сбережения — десять золотых — и отдал их жене.

Не будь человек этот набитым дураком, никогда бы он не оставил деньги жене! Но что сделано, то сделано. Покатил он в своей телеге на ярмарку, а жена и говорит себе:

— Уж я схороню эти денежки от воров!

Взяла носовой платок, завязала в него десять золотых гиней, достала мешковину, завернула в нее платок и спрятала узелок в щель над камином.

«Теперь пусть кто угодно приходит! — подумала она. — Уж сюда-то заглянуть не догадается!»

А в это самое время подходит к дому старый солдат Джек Хэннефорд и стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает фермерша.

— Джек Хэннефорд.

— Откуда идешь?

— Из рая.

— Господи помилуй! Так ты, верно, видел там моего покойного старика?

Она имела в виду своего первого мужа, — ведь фермер женился на ней, когда она овдовела.

— Как не видеть, видел, — отвечает солдат.

— Ах! Ну, как он там? — спрашивает фермерша, а сама уже расчувствовалась.

— Да так себе. Чинит старые башмаки святым да ангелам. А на обед — одна капуста.

— Ой, бедняжка! — говорит фермерша. — А не просил он мне что-нибудь передать?

— Как же! — говорит Джек Хэннефорд. — Сказал, что кожа у него вся вышла, а в карманах пусто. Значит, не мешало бы тебе послать ему несколько шиллингов — было бы на что кожей запастись.

— Пошлю, пошлю! Благослови, Господи, его грешную душу...

И вот фермерша подошла к камину, достала узелок с десятью золотыми и отдала его солдату.

— Передай моему старику, — говорит, — чтобы он взял из этих денег сколько надо, а остальные назад прислал.

Получив деньги, Джек не стал долго раздумывать и поспешил поскорей убраться с фермы.

Тем временем вернулся домой хозяин и спросил жену про деньги. Та рассказала ему, что отослала их с одним служивым на небо, в рай, своему покойному мужу, чтобы тот купил себе кожи — святым да ангелам башмаки чинить.

— В рай?! — воскликнул фермер. — В рай! Да где это ты видела, чтобы так вот запросто ходили в рай и обратно, будто на Ипсвичскую ярмарку? Ах, дура ты, дура! Да и я хорош — доверил тебе деньги!

Но препираться было некогда. Вскочил фермер на коня и пустился в погоню за Джеком Хэннефордом. Услышал старый солдат стук копыт на дороге и смекнул, что это фермер за ним гонится. Улегся он на землю, одной рукой глаза прикрыл и в небо уставился.

— Что ты тут делаешь, приятель? — спрашивает его фермер, придержав коня. — Почему ты на небо смотришь?

— Видишь? Видишь? — говорит Джек.

— Где? Ничего не вижу!

— Да смотри, вон человек на небо летит, словно по земле бежит! Ложись рядом со мной и тоже увидишь.

— А ты коня моего поддержишь?

Джек с радостью согласился.

Вот фермер улегся в пыли и стал глядеть в небо.

— Что-то ничего не вижу, — говорит.

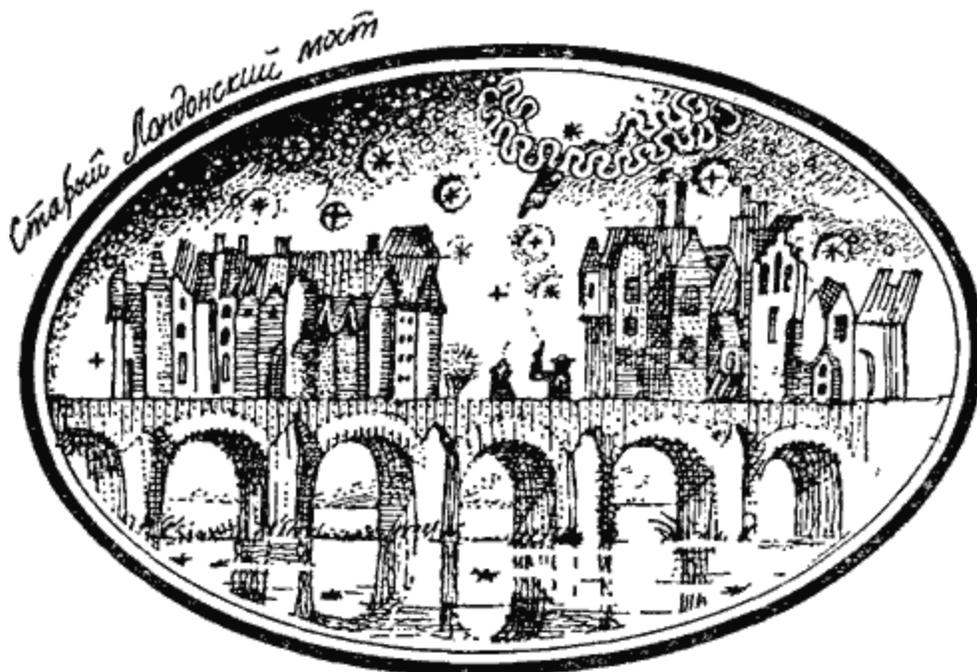
— А ты прикрой глаза ладонью и сразу увидишь, как человек во весь дух летит куда-то.

И в самом деле фермер увидел, как человек куда-то летит во весь дух. А был это Джек Хэннефорд! Он вскочил на коня — и наутек.

Вернулся фермер домой пешком, без коня.

— Вот видишь, — сказала ему жена, — выходит, ты еще глупее меня. Я одну глупость сделала, а ты две!

Сон коробейника

В деревне Софэм, что в графстве Норфолк, жил коробейник Джон. Семья его была невелика: он сам, его жена да трое детей.

Жили они бедно, в убогом домишке, и как ни старался Джон, а разбогатеть им все не удавалось. Не получилось из него настоящего торговца — слишком он прост был для этого дела, слишком честен, не умел выколачивать последние денежки из бедняков, которым продавал на ярмарках и базарах свои товары.

День за днем шагал Джон по дорогам со своим мешком за спиной. Продавал булавки и кружева, ленты и платки всем, кто хотел их купить, да распевал на деревенских ярмарках старинные песни и баллады.

Но вот в какой-то год весна выдалась поздняя, а когда она, наконец, пришла, задул такой ветер, полили такие дожди, что бедняга Джон почти совсем не мог бродить по дорогам с товаром.

Тяжелое времечко это было для Джона и его жены. Им едва удавалось прокормить и одеть своих троих детей. У сына не было башмаков, не в чем было на улицу выйти. А дочки выросли из своих платьев, — хочешь не хочешь, а доставай новые.

— Ума не приложу, как нам быть! — со вздохом сказала жена коробейника в одно дождливое утро. — И не придумаю... Придется, видно, тебе, Джон, наняться в работники на ферму. Торговлей много не заработаешь в нынешний год.

— В этакую погоду на ферме тоже делать нечего, — ответил коробейник. — Но вот что я тебе скажу, жена! Пойду-ка я в Лондон как только прояснеет.

— В Лондон? — воскликнула жена. — А что тебе там делать? Хочешь разбогатеть, что ли? Да эти лондонские жулики тебя дочиста ограбят! Что это тебе взбрело в голову — в Лондон идти?

— Так и быть, — ответил коробейник, — расскажу тебе все. Прошлой ночью, когда барабанил по крыше дождь, я не мог заснуть и все думал да ломал себе голову, как нам быть. Просто места себе не находил. А когда наконец заснул, приснился мне чудесный сон. Ей Богу, чудесный, жена!

— Ты, верно, видел во сне, что с неба в камин свалился шкаф, набитый новой одежей! А когда проснулся, увидел, что в камине не шкаф, а всего-навсего старое грачиное гнездо, которое целый год торчало у нас на крыше.

— Вот и нет! — сказал Джон. — Во сне я слышал голос, такой ласковый, только не знаю чей. И голос этот сказал мне: «Джон, пойдя в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

— Какую весть? — спросила жена Джона.

— Ну, этого он не сказал, вернее, я не успел дослушать, как раз тут я и проснулся. А до чего ласковый был голос, до чего сердечный!

— И ты собираешься тащиться в Лондон только потому, что видел ночью этот сон?! Да просто ты поел с вечера заплесневелого сыра, вот и приснилась тебе какая-то чушь!

— Э, нет, милочка, после твоих ужинов сны не снятся! — сказал коробейник.

— И немудрено! Из чего мне ужин-то готовить? Ну, а что это за удивительную весть ты должен услышать на Лондонском мосту? Может, надеешься узнать, что твой дядя оставил нам наследство?

— Да, что-нибудь в этом роде, хотя у старика нет состояния и оставлять ему нечего. А впрочем, глупости все это, и говорить об этом больше не стоит.

Но и в эту ночь коробейнику приснился тот же сон, а за ней и в третью. Три ночи подряд все тот же голос говорил ему во сне: «Джон, походи в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

Как ни прост был Джон, но уж если, бывало, вобьет себе что-нибудь в голову, ничем его не проймешь. И в конце концов жена согласилась отпустить его в Лондон. Благословила мужа на дорогу и сказала, что ей ничего не надо, лишь бы он живым назад вернулся. Заставила Джона одеться потеплее и отдала ему последние деньги. Джон расцеловал всю семью на прощание и отправился по дороге в Лондон.

До Лондона ходу было четыре дня. На Джоново счастье, распогодилось, и он мог ночевать на гумне или под стогом сена. Так добрался он до Лондона и без труда нашел знаменитый мост. В те далекие времена на этом мосту стояли дома и лавки, через него шла широкая проезжая дорога. Другого моста через Темзу в Лондоне тогда и не было.

Добравшись до моста, Джон остановился и стал ждать. Он смотрел на воду и видел, как проплывают мимо лодки; глядел на улицу и видел кареты, повозки, всадников и пеших прохожих. Но никто с ним не заговаривал, даже не замечал его.

Когда спустилась ночь, Джон устроился поудобнее у стены одного дома и заснул.

На другой день он решил попытать счастья на другом конце моста. Но опять никто не обратил на него никакого внимания. Когда Джон проголодался, он купил себе хлеба, немного сыра и кружку пива.

Так он и стоял на мосту день за днем, пока не вышли у него все деньги.

«Вот и конец моим приключениям, — подумал Джон. — Деньги все вышли и взять их неоткуда. Ни одна живая душа не перемолвилась со мной ни словечком. И никакой вести я здесь не услышал, ни простой, ни диковинной. И теперь я должен поворачивать домой и просить по дороге на хлеб, потому что у меня и двух пенсов, кажется, не осталось...»

И только хотел Джон в последний раз взглянуть на Темзу, а потом уж поворачивать домой, как к нему подошел хозяин лавки, что стояла напротив, и заговорил с ним.

— Мне очень любопытно узнать, кто ты такой и что тебе здесь надо? — сказал лавочник. — Я заметил, что ты каждый день стоишь здесь на мосту. Продавать тебе, видно, нечего, милостыню ты не просишь. Так что же ты тут делаешь? Успокой мое любопытство, если это не секрет!

Джон замялся. Не хотелось ему рассказывать первому встречному, почему он столько времени простоял без дела на Лондонском мосту. Но человек он был простодушный, не мастер выдумывать всякие небылицы да отговорки, ну и выложил все начистоту.

— Эх, соседushка, — начал он, — сказать по правде, я простой деревенский бедняк. Три ночи подряд мне снилось, что если я пойду и стану на этом вот мосту, то услышу удивительную вестъ. Но никаких вестей я не получал и теперь должен возвращаться домой, потому что все деньги у меня вышли.

Лавочник в изумлении уставился на Джона, потом как прыснет со смеху.

— Ну и умная ты голова! — наконец вымолвил он. — Ты что же, притащился из деревни в Лондон и простоял все это время на мосту только из-за своего глупого сна? Да такого другого простачка во всем Лондоне не сыщешь! Ха-ха-ха! Теперь у меня будет, о чем порассказать соседям да чем развеселить мою старуху, чтоб забыла она про свой ревматизм в ногах.

И он опять так и покатился со смеху.

— Послушай-ка ты, деревенщина! — продолжал лавочник; он был любитель поговорить. — Вчера вечером, когда я уже запер лавку и собрался было домой, подходит ко мне какой-то старик, весь в отрепьях, бродяжка, должно быть, — и говорит: «В деревне Софэм, что в графстве Норфолк...» Да, кажется, в Софэм, хотя точно не помню, никогда не слыхал про эту деревню. Так вот, значит: «...в деревне Софэм за домом коробейника под старым дубом зарыт клад». Сказал и пошел себе прочь. Слыхал, какие весты бывают? А ты мне про сон толкуешь! Так, может, теперь ты туда побежишь, в этот, как его, Соффолк или Сохэм?

Не успел лавочник вволю посмеяться над Джоном, как тот сказал «до свиданья» и был таков. А лавочник решил, что Джон немножко рехнулся, и перестал о нем больше думать.

Джон не шел, а прямо-таки летел к дому. Слова лавочника так и звенели у него в ушах. Всю дорогу он думал только об одном: о старом дубе, что рос за его домом. Он знал его как свои пять пальцев. Еще мальчишкой он каждый день лазил на него.

Наконец, усталый и голодный, он достиг дома. Жена несказанно обрадовалась, когда увидела его целым и невредимым, и не успела поздороваться с ним, как принялась готовить ему завтрак. Но хотя Джону до смерти хотелось есть, он не стал терять времени на еду.

— Неси-ка мне скорей лопату, женушка! — сказал он. — Ту, которой мы огород перекапываем.

— Да вот она, Джон! — ответила жена. — Скажи спасибо, что я ее на хлеб не обменяла. А на что тебе сейчас эта лопата? Лучше поешь! Хотя, по правде сказать, угощать мне тебя почти нечем. Как говорится: хлебай маленькой ложкой.

Но Джон ее и не слышал. Он кинулся вон из дома и стал копать землю под старым дубом.

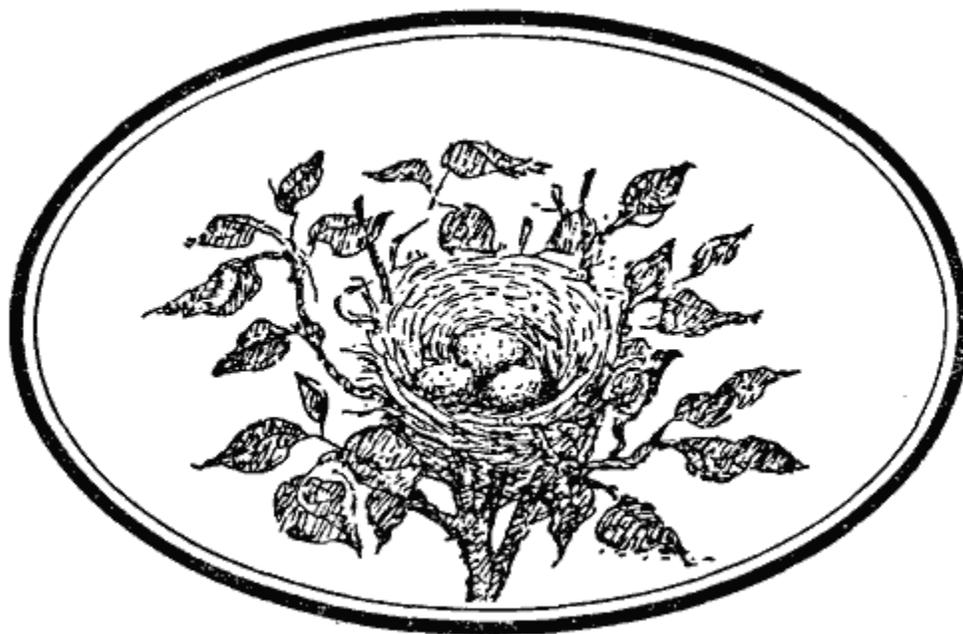
— Бедняга! — сказала жена своим двум дочкам (те как раз вошли в комнату поздороваться с отцом). — Бедняга... Этим лондонским жуликам нечего было взять с него, так они последний разум у него отняли. А много ли в нем корысти?

Но что она знала?

Не успел Джон немножко покопать, как тут же наткнулся на большой деревянный сундук, весь перепачканный землей и почти сгнивший. Джон внес его в дом и открыл. Все так и онемели от изумления, когда заглянули в него. В сундуке лежали серебряные слитки, груды золотых монет, драгоценные камни и богатые украшения из чистого золота.

Ну, Джон долго раздумывать не стал, купил себе большой дом и зажил с женой и детьми припеваючи.

Сорочье гнездо

Давным-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крикали: кряк-кряк-кряк...

Птицы со всего света слетелись к сороке и попросили ее научить их вить гнезда.

Ведь сорока искуснее всех вьет гнездо!

Вот собрала она птиц вокруг себя и начала показывать им, что да как надо делать. Прежде всего она взяла немного грязи и слепила круглую лепешку.

— Ах, вот как это делается... — сказал серый дрозд и полетел прочь.

С тех пор серые дрозды так и вьют свои гнезда.

Затем сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепешки.

— Теперь я все понял, — сказал черный дрозд и полетел прочь.

Так черные дрозды и поныне выют свои гнезда.

Потом сорока положила на веточки еще одну лепешку из грязи.

— Все ясно, — сказала мудрая сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить лучших гнезд.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Поэтому и до нынешнего дня воробьи выют свои гнезда вот так неряшливо.

Что ж, а госпожа сорока раздобыла перышек и тряпочек и уютно выложила ими все гнездышко.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле, у скворцов очень уютные гнезда.

Так все и шло: послушают-послушают птицы, до конца не дослушают и улетают одна за другой.

А между тем госпожа сорока все работала и работала, не глядя ни на кого.

Все птицы уже разлетелись. И вот осталась одна-единственная птичка горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и внимания не обращала на то, что делала сорока, и лишь без толку твердила:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

В конце концов сорока услышала это — как раз когда укладывала поперек гнезда веточку — и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица продолжала твердить:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

Сорока рассердилась и сказала:

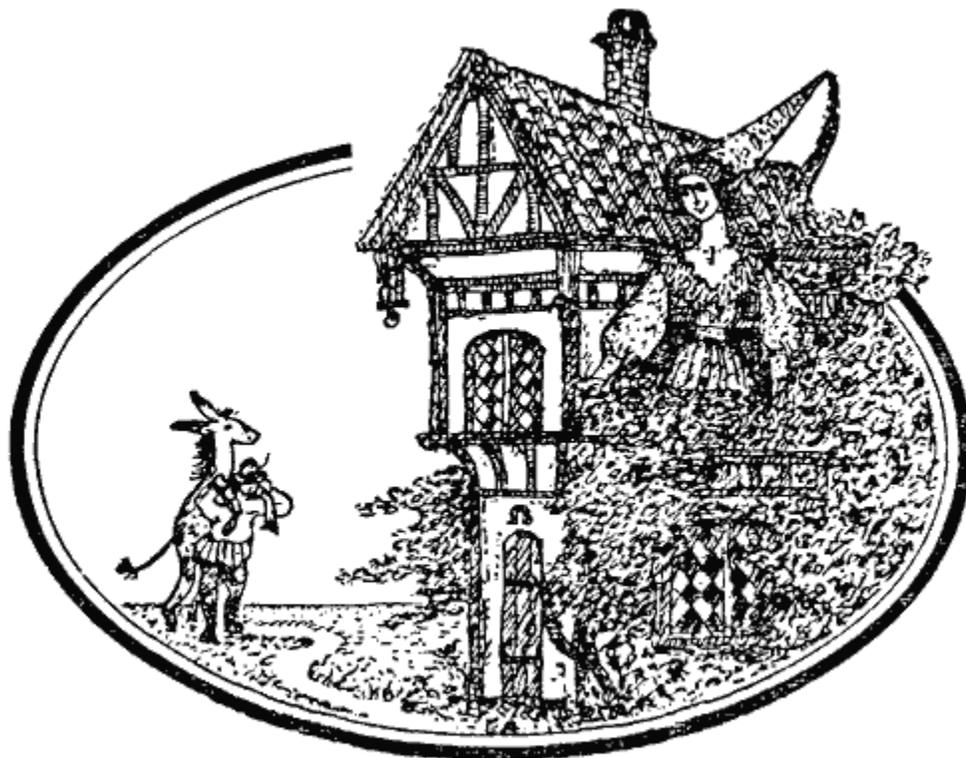
— Хватит и одной, говорю же тебе! А горлица опять свое:

— Мало двух, мало дву-у-ух!

Тут сорока огляделась по сторонам и видит — рядом никого, кроме глупой горлицы. Сильно разгневалась сорока и улетела прочь. И в другой раз уж не захотела учить птиц, как вить гнезда.

Потому-то разные птицы и выют свои гнезда по-разному.

Джек-Лентяй

Жил-был на свете парень, и звали его Джек. Жил он со старухой-матерью на пустыре. Старая женщина пряла пряжу и продавала ее на базаре. Но от этого ведь не разбогатеешь. А Джек был лентяй, каких мало. Он не делал ровнешенько ничего, только грелся на солнышке в жаркую погоду да отсиживался возле очага в зимнюю пору.

Потому все и прозвали его: Джек-Лентяй.

Наконец это надоело его матери, и она сказала ему:

— Пора тебе самому зарабатывать на пропитание, не то выгоню тебя на улицу, и тогда живи как знаешь!

А случилось это в понедельник. Слова матери как будто проняли Джека, и на другое утро он пошел и нанялся за пенни в день к фермеру. Проработал день, получил свой пенни и пошел домой. Но когда переходил через ручей, монетку потерял.

Ведь никогда прежде ему не случалось деньги в руках держать.

— Ах, глупый ты парень! — сказала ему мать. — Тебе следовало положить пенни в карман.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек. В среду Джек ушел и нанялся к пастуху. Пастух дал Джеку за работу кувшин молока. Джек засунул кувшин к себе в карман, но не прошел и полдороги, как молоко все расплескалось.

— О Господи! — ахнула мать. — Да ты бы нес его на голове!

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек. И вот в четверг Джек опять нанялся к фермеру.

За работу фермер обещал дать Джеку сливочный сыр. Вечером Джек положил сыр себе на голову и отправился в обратный путь. Но до дому опять ничего не донес: сыр расплылся и прилип к его волосам.

— Ну и дурень! — сказала мать. — Надо было осторожненько нести его в руках.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек. В пятницу Джек нанялся к булочнику, и тот дал ему за работу кота. Джек взял кота и осторожненько понес его в руках. Но кот принялся так царапаться, что пришлось его выпустить. И Джек опять вернулся домой ни с чем.

— Что ты за олух! — рассердилась мать. — Тебе следовало вести кота на веревочке.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

И вот в субботу Джек нанялся к мяснику. Тот щедро наградил его — целую баранью ногу отвалил. Джек обвязал баранью ногу веревочкой и поволок за собой по грязи. Можете себе представить, какой обед получился бы из такой баранины!

На этот раз мать из себя вышла. Ведь на воскресенье у нее к обеду, кроме капусты, не было ничего.

— Ах ты, дубина! — сказала она сыну. — Надо было на плече ее нести.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек. В понедельник Джек опять вышел из дома и нанялся к торговцу скотом. Тот дал ему за работу осла. Трудненько было взвалить осла на плечи, но в конце концов Джеку это удалось, и он медленно поплелся со своей наградой к дому.

А как раз на его пути стоял дом одного богача. У богача этого была единственная дочка, прехорошенькая, но глухая и немая, да к тому же несмеяна. И лекари сказали, что она не заговорит до тех пор, пока кто-нибудь не рассмешит ее.

И надо же было так случиться, что, когда Джек с ослом на плечах проходил мимо, девушка как раз выглянула в окно. Увидела большого дурня с ослом на плечах и рассмеялась. А как рассмеялась, так сразу и заговорила и стала все слышать.

Богач до того обрадовался, что на радостях выдал дочку за Джека, и Джек-Лентяй вдруг разбогател. Молодые поселились в большом доме, и мать Джека вместе с ними, и жили они все в полном довольстве и счастье до конца своих дней — так рассказывают, только поверить этому трудно.

Кэт-Щелкунчик

Жили-были когда-то король, королева и королевские дети. Дочку короля звали Энн, а дочку королевы — Кэт. И хотя Энн была много краше дочери королевы, девушки любили друг друга, как родные сестры. Но королева не могла успокоиться, что дочь короля красивее ее собственной дочери, и задумала превратить Энн в дурнушку. А за советом она пошла к птичнице, что жила в долине неподалеку от королевского замка: говорили, будто та знает с нечистой силой.

— Почтенная, — молвила королева, когда вошла к ней в хижину, — слыхала я, будто ты умеешь колдовать. Но я, конечно, этому не верю. И все же, если ты мне поможешь в одном деле, я дам тебе за каждое яйцо, что ты принесешь на королевскую кухню, золотую монету!

Старуха ни слова не сказала в ответ, только низко поклонилась королеве и ухмыльнулась.

— Моя падчерица, — продолжала королева, — слишком уж хорошеет день ото дня. И совсем загордилась! Так вот, нельзя ли сделать так, чтобы она подурнела, не совсем, а чуть-чуть. Это ей будет хорошим уроком!

— Ничего нет проще, — ответила птичница. — Пришлите ее ко мне завтра утром. Только помните: перед уходом она не должна ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка!

И вот на другое утро, раным-рано, королева говорит принцессе Энн:

— Какая ты бледненькая сегодня! Не пройтись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Сходи-ка, милочка, к птичнице, что живет в долине, попроси у нее яиц!

Энн пошла к птичнице, а когда пробежала мимо кухни, увидела на столе горбушку хлеба, взяла ее и съела по дороге. Ведь ушла она из дома до завтрака, и ей, конечно, очень хотелось есть.

Пришла она к птичнице и попросила у нее яиц, как было велено. Птичница ей и говорит:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Девушка так и сделала, но ничего с ней не случилось.

— Ну, ступай домой к своей мачехе, — молвила птичница, — да скажи ей, чтоб покрепче запирала кладовую!

Энн удивилась словам птичницы, но, когда вернулась домой, все в точности передала королеве, и та поняла, что девушка перед уходом что-то съела.

На другое утро королева опять решила попытать счастья.

— Какая ты худенькая! — сказала она принцессе Энн. — Не пройтись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Тогда у тебя будет хороший аппетит.

И опять послала Энн к птичнице, а перед уходом не дала ей ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка. Но принцесса повстречала по дороге крестьян, собиравших горох, и ласково заговорила с ними. Крестьяне дали ей горсточку гороха, и она съела его.

Когда она пришла к птичнице, та сказала ей:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Энн подняла крышку, но опять ничего с ней не случилось. Тогда птичница очень рассердилась и сказала:

— Передай своей мачехе, что горшок без огня не закипит!

Что ж, Энн вернулась домой и передала эти слова королеве.

И на третий день королева сама пошла с девушкой к птичнице. На этот раз, только Энн подняла крышку с горшка, как ее хорошенькая головка превратилась в овечью — с торчащими ушами, жесткой

шерстью и всем прочим: у птичницы было очень злое сердце, и она переколдовала. Даже королева-мачеха не хотела, чтобы все так получилось. Она была недовольна птичницей и, когда та на другое утро принесла в королевскую кухню свежие яйца, велела прогнать ее. И конечно, не дала ей ни одной золотой монеты!

Все очень горевали, что с принцессой Энн случилось такое несчастье, и особенно ее сестра Кэт.

И вот однажды утром, когда все спали, она разбудила Энн, закутала ей голову белой шалью и увела ее из замка.

Так две сестры, Кэт и Энн, пустились искать по свету врача, который вернул бы Энн ее красоту. Они долго бродили, пока не пришли к какому-то замку. Кэт постучала в дверь и сказала фрейлине, которая открыла им:

— Моя сестра очень больна, а на дворе ночь, и нам негде переночевать. Разрешите нам войти!

Фрейлина пошла спросить разрешения у короля — ведь это оказался королевский замок — и, когда вернулась, сказала Кэт:

— Король и королева разрешают вам войти, но только при одном условии.

— Я согласна на любые условия! — сказала Кэт: она была смелая девушка.

— Вы должны просидеть всю ночь у постели больного принца, старшего сына нашего короля. Никто не знает, чем он болен. Он не ест, не пьет и день ото дня чахнет. Если вы просидите с ним ночь, король даст вам целый кошель серебра! Но только знайте: все, кто до вас брались сидеть с ним, в ту же ночь исчезали навсегда.

Но Кэт не испугалась и согласилась посидеть у постели больного принца.

До полуночи все шло хорошо. Но только пробило двенадцать, больной принц встал, оделся и спустился по лестнице вниз. Кэт пошла за ним следом, но принц ее как будто не заметил. Он прошел в конюшню, оседлал коня, тихонько подозвал свою собаку и вскочил в седло, а Кэт незаметно уселась позади него.

И они поскакали — принц и Кэт — через зеленый лес. Собака бежала впереди и показывала дорогу. А Кэт рвала на скаку спелые орехи и прятала их в карманы.

Но вот они прискакали наконец к зеленому холму. Тут принц остановил коня и сказал:

— Растворись, зеленый холм, растворись, откройся! Впусти принца молодого, и собаку, и коня.

— ...И меня, — добавила тихонько Кэт.

И тотчас в зеленом холме растворились невидимые двери, и они въехали внутрь. Принц вошел в роскошный и светлый зал; толпа прекрасных фей окружила его и увела танцевать. А Кэт никто не заметил: она спряталась за дверь и оттуда смотрела на принца. Он танцевал, танцевал, танцевал, пока не упал без сил на мягкое ложе из цветов. Феи принялись обмахивать его своими веерами, и он снова поднялся и пошел танцевать.

Но тут вдруг пропел петух, и принц бросился к своему коню. Кэт вскочила в седло позади него, и они поехали домой.

Наутро, когда встало солнце, в комнату принца вошли король с королевой и придворные. И что же видят: Кэт сидит у огня и щелкает орешки, а принц спокойно спит в своей постели.

— Хорошо ли прошла ночь? — спросили их величества.

— О, конечно, — ответила Кэт. — Я и вторую ночь согласна просидеть у постели больного принца. Если хотите...

Король с королевой очень обрадовались и на этот раз пообещали Кэт целый кошель золота.

Вторая ночь прошла, как и первая. В полночь принц поднялся и поскакал к зеленому холму на бал к феям, а Кэт с ним и опять рвала по дороге орешки.

На этот раз Кэт не глядела на принца — она и так знала, что он будет танцевать, танцевать и танцевать. Зато она увидела малютку-эльфа с серебряной палочкой в руках и вдруг услышала, как одна фея сказала другой:

— Если этой палочкой три раза дотронуться до уродливой сестры Кэт, она снова станет такой же красивой, как была.

Тут Кэт пустила один орешек по полу, и он покатился прямо к маленькому эльфу. Так она пускала орешек за орешком. Малютка-эльф бросил серебряную палочку и стал собирать орешки. И ничего удивительного в этом нет: ведь не каждый день удастся малюткам-эльфам грызть орешки, а серебряных палочек у них сколько угодно! Кэт подхватила палочку и спрятала ее под плащом.

Но вот, как и в прошлый раз, прокричал петух, и они поехали домой.

Не успела Кэт вернуться, как тут же побежала к Энн и три раза дотронулась до нее серебряной палочкой. И — о, чудо! — овечья голова с торчащими ушами, жесткой шерстью и всем прочим снова превратилась в хорошенькую девичью головку. Энн стала даже еще красивее, чем была.

На третью ночь Кэт согласилась стеречь больного принца только при условии, что, если принц поправится, она выйдет за него замуж. Она уже полюбила принца и не хотела с ним расставаться.

Все шло как и в прошлые две ночи. На этот раз малютка-эльф играл птичкой, и Кэт слышала, как одна фея сказала другой:

— Если больной принц съест три кусочка этой птицы, он снова станет таким же здоровым, как был.

Кэт недолго думая пустила один за другим все свои орешки; они покатались к малютке-эльфу, и он бросил птичку. А Кэт взяла ее и спрятала под плащом. Тут и петух прокричал, и они с принцем отправились домой.

На этот раз, когда они вернулись, Кэт не стала щелкать орешки — ведь она отдала их все малютке-эльфу, да к тому же у нее нашлось дело поважнее. Она тотчас развела огонь, ощипала птицу и принялась ее жарить. И вскоре в комнате так вкусно запахло жареным, что больной принц проснулся и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось отведать кусочек этой птицы!

Кэт дала ему кусочек, он съел и тут же приподнялся на локте и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось съесть еще кусочек! Кэт дала ему второй кусок. Тогда принц сел на постели и снова попросил:

— Ах, вот бы мне и третий кусочек!

И Кэт дала ему третий кусок, и он встал — здоровый и сильный, сам оделся и сел возле огня. И когда наутро к принцу, как обычно, вошли король с королевой, они увидели: сидят принц и Кэт рядышком и весело болтают. Король и королева так обрадовались, что тут же попросили Кэт обвенчаться с принцем.

А тем временем младший принц встретил в саду Энн и влюбился в нее, впрочем, так случалось с каждым, кто видел ее милое, хорошенькое личико.

И вот больной принц женился на здоровой принцессе, а здоровый принц — на больной принцессе.

Правда, старший принц и принцесса Энн уже больше не болели, а потому Кэт и принцу больше не надо было ездить в зеленую страну эльфов. Но вы не думайте, что с тех пор феи перестали танцевать! Нет, они каждую ночь танцуют. Только вот с кем? И какого цвета у них платья? И так же ли сладко звучит их музыка? Этого я не могу вам сказать.

Господин всех господ

Одна девушка отправилась как-то на ярмарку. Она хотела наняться к кому-нибудь в прислуги. Наконец чудаковатый на вид пожилой господин нанял ее и повел к себе домой. Когда они пришли, он сказал, что прежде всего должен ее кой-чему научить, так как все вещи в его доме зовутся не как у всех, а по-особому. И он спросил девушку:

— Как ты будешь называть меня?

— Хозяин или господин, как вам будет угодно, сэр, — ответила девушка.

Но он сказал:

— Нет, ты должна звать меня «господин всех господ». А как ты это назовешь? — И он показал на постель.

— Постель или кровать, как вам будет угодно, сэр.

— Нет, это моя «белая лебедь». А как по-твоему называется это? — спросил он, указывая на свои панталоны.

— Штаны или брюки, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть их «хлопушки и шутихи». А это кто? — Показал он на кошку.

— Кошка или киса, как вам будет угодно, сэр.

— Отныне ты должна звать ее «усатая обезьянка». Ну, а это, — показал он на огонь, — что это такое?

— Огонь или пламя, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «красный петушок». А это? — продолжал он, указывая на воду.

— Вода или влага, как вам будет угодно, сэр.

— Нет, это «чистый прудок». А как ты назовешь все это? — спросил он, показывая на свой дом.

— Дом или коттедж, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «всем горам гора». В эту самую ночь перепутанная служанка разбудила своего хозяина криком:

— О господин всех господ! Слезайте скорей со своей белой лебеди и натягивайте живее хлопушки и шутихи! Усатой обезьянке попала на хвост искра от красного петушка! Хватайте скорее чистый прудок, а не то ваша всем горам гора достанется красному петушку.

Но пока хозяин понял, что случилось, его дом уже сгорел.

Три желания

Все это случилось давным-давно. Жил в дремучем лесу бедный дровосек. Каждый день он ходил в лес валить деревья. Вот как-то раз собрался он, как всегда, в лес. Жена наполнила его котомку едой и повесила ему через плечо полную бутылку, чтобы дровосек мог перекусить и выпить в лесу.

В этот день дровосек хотел свалить могучий старый дуб.

«Немало крепких досок получится из него», — думал он.

Вот подошел он к старому дубу, вытащил топор да так замахнулся, будто одним ударом надеялся повалить могучее дерево. Но не успел ударить, как вдруг послышался из самого дуба жалобный голосок и перед ним появилась фея. Она попросила дровосека пощадить старый дуб. Ну и удивился дровосек, даже испугался! И рта не смог открыть, чтобы вымолвить хоть словечко. Наконец очнулся и пробормотал:

— Ну что ж, я выполню твою просьбу.

— И для тебя так-то лучше будет, — сказала фея. — Я вас с женой отблагодарю за это: пусть исполнятся ваши первых три желания!

Тут фея исчезла, а дровосек отправился домой, с котомкой за плечами и с бутылкой на боку.

Путь у него был дальний, и всю дорогу он не переставал удивляться тому, что с ним случилось. Когда он добрался наконец до дому, на уме у него было лишь одно: посидеть бы сейчас да отдохнуть. Может, это были опять проделки феи, кто знает? Так или иначе, уселся он у огня и только сел, как почувствовал страшный голод, хотя до ужина было еще далеко.

— Нет ли у тебя поесть, моя хозяйюшка? — обратился он к жене.

— Часа через два будет, — ответила жена.

— Эх, — вздохнул дровосек, — вот бы мне сейчас кольцо кровяной колбасы, да потолще!

И не успел он это вымолвить, как вдруг — шлеп! — в камин упало целое кольцо кровяной колбасы, да такой, что пальчики оближешь.

Подивился дровосек, а жена его втрое больше удивилась.

— Это что такое? — говорит.

Тут дровосек вспомнил, что с ним приключилось утром, и выложил всю историю жене, с начала и до конца. Но чем дальше он рассказывал, тем мрачнее становилась жена, а как дошел до конца, так и совсем взорвалась:

— Ах ты, дурак этакий! Набитый дурак! Чтоб твоя кровяная колбаса к носу твоему приросла!

И не успели они оба глазом моргнуть, как кровяная колбаса выскочила из камина и приросла к носу дровосека.

Он дернул за колбасу, не отрывается; жена дернула, не отрывается. Дергали-дергали, а колбаса все не отрывается — приросла крепко-накрепко.

— Что же теперь делать? — спрашивает дровосек.

И тут он смекнул, что у него ведь осталось еще одно желание — третье и последнее! И он, не теряя ни секунды, пожелал, чтобы кровяная колбаса отскочила от его носа.

Шлеп! — и колбаса уже лежала перед ним на столе.

И если дровосеку и его жене так и не довелось кататься в золотой карете да одеваться в шелк и бархат — что ж, зато на ужин им досталась такая вкусная кровяная колбаса, что пальчики оближешь.

Джоан и хромой гусопас

В богатом замке возле самого моря жил когда-то старый лорд. Он жил очень одиноко, и замок его всегда оставался пустым. Не слышно было под его сводами ни молодых голосов, ни веселого смеха. Часами старый лорд ходил взад-вперед по стертым плитам каменного пола или же сидел у окна и глядел на хмурое море.

У него была маленькая внучка, но он никогда в жизни ее не видел. Он невзлюбил дитя с самого дня ее рождения, потому что в этот день умерла ее мать — любимая дочь лорда. Отец девочки уехал далеко за море, сражаться за своего короля, и она росла одна, без родителей. Совсем плохо пришлось бы бедняжке, если бы не ее старая няня. Она забрала Джоан — так звали девочку — к себе и кормила ее остатками от господского стола, а одевала в разные отрепья.

Приближенные старого лорда тоже плохо обращались с девочкой — ведь их господин не любил ее! Они обижали ее и называли оборвашкой.

Джоан целыми днями играла на заднем дворе замка или бродила одна по берегу моря. Единственным ее другом был хромой мальчик-гусопас. Она часто уходила к нему в поле и подолгу болтала там с ним.

Мальчик был чуть постарше ее, он жил на ферме по соседству с замком.

Каждое утро он выгонял гусей в поле и вел их к пруду, где они плавали, плескались и ловили рыбу. При этом он играл на свирели, и Джоан всегда прибежала его послушать. Она так любила слушать его странные напевы — то грустные, то веселые! Они рассказывали ей о прекрасных лесных феях или о далеких чужих странах, о неведомых горах и реках, и тогда она забывала свои горести и обиды.

А иногда музыка была такой веселой и легкой, что ей хотелось танцевать. И тогда даже сам хромой гусопас неуклюже пританцовывал вместе с ней.

Так проходили дни весною и летом. А зимой, в длинные темные вечера, Джоан придвигала скамеечку поближе к огню и просила свою старую нянюшку рассказывать ей сказки про смелых рыцарей и прекрасных дам, про великанов и людоедов или же о русалках и феях, которые невидимо летают в воздухе?

Шли год за годом, и Джоан из девочки превратилась наконец в прелестную девушку. Но она по-прежнему дружила с хромым гусопасом, а старый лорд по-прежнему не любил ее и не желал ее видеть.

И вот однажды разнеслась весть, что в соседний город приезжает король. Во все окрестные замки были посланы гонцы с приглашением на королевский бал. А приглашение короля, как известно, означает приказ! И старый лорд велел приготовить себе нарядные одежды, оседлать белого коня и тоже собрался на королевский бал.

В это время Джоан сидела со своей нянюшкой у окна, она увидела старого лорда в нарядных одеждах и спросила:

— Куда едет мой дедушка?

— В соседний город, к королю на бал! — ответила няня.

— Ах, как бы и мне хотелось поехать вместе с ним! — вздохнула Джоан. — Нянюшка, милая, пойди к нему и попроси, чтобы он взял меня с собой!

— Что ты, что ты! — испугалась старушка. — Он меня прогонит, да и все равно поздно. Смотри, вон он садится уже на коня!

И правда, пока они говорили, маленький грум вывел во двор белого коня, помог старому лорду сесть на него, и вот уже только пыль от копыт осталась во дворе перед замком.

А Джоан, как всегда, отправилась в поле. Она шла и мечтала, как хорошо было бы попасть на этот бал! Хоть одним глазком ей хотелось взглянуть на прекрасных, нарядных леди, на их величества — короля и королеву, а больше всего на молодого принца. Она так размечталась, что и не заметила своего друга-гусопаса, который вместе с гусиным стадом заковылял ей навстречу. Он перестал играть на свирели и спросил:

— О чем это ты задумалась, Джоан? Сыграть тебе веселую песенку, чтобы захотелось танцевать? Или грустную, чтобы поплакать?

— Я и без того хочу танцевать, — ответила Джоан, — но только не здесь. Знаешь, мне так хочется попасть в город на бал к королю! Но меня не пригласили...

— Раз ты хочешь попасть в город, — сказал юноша, — ты туда попадешь! И я вместе с тобой, и мои серые гуси. Не так уж трудно туда добраться, даже такому хромоножке, как я.

И они тронулись в путь. А длинная дорога показалась Джоан короткой, потому что гусопас все время играл на свирели.

Он играл так весело и задорно, что и Джоан совсем развеселилась, и сама подпевала ему, и кружилась, и танцевала.

А когда они были почти у самого города, они вдруг услышали позади себя цокот лошадиных копыт, и вскоре с ними поравнялся высокий красивый юноша на черном коне.

— Вы идете в город? — спросил он. — Можно, и мне с вами?

— Отчего же, конечно, сэръ! — ответил гусопас. — Мы идем в город посмотреть на знатных гостей, которые съезжаются на королевский бал. Если хотите, пойдёмте вместе, так даже веселей будет.

Тут юноша спрыгнул с коня и пошел рядом с Джоан, а хромой гусопас следом за ними и заиграл новую, нежную песню.

Вдруг юноша остановился, посмотрел на Джоан и спросил:

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно нет, — ответила Джоан. — А кто?

— Я принц и еду сейчас к моему отцу на бал. Сегодня я должен выбрать там себе невесту — так решил мой отец.

Джоан вдруг стало отчего-то грустно. Она ничего не ответила принцу, и они шли молча, а гусопас ковылял за ними и все играл на

своей свирели.

«Какое у нее нежное и красивое лицо, — подумал принц. — Никогда еще я не встречал девушки милее, чем она».

Он не замечал ни рваного платья Джоан, ни того, что она босая, а все любовался ее лицом, и тонким станом, и легкой походкой.

— А как тебя зовут? — спросил он наконец.

— Джоан.

— Послушай, Джоан, — сказал принц, — ни разу еще ни одна девушка не тронула так моего сердца, как ты! Будь моей невестой и выходи за меня замуж!

Но Джоан все молчала.

— Ну, ответь мне, согласна ты стать моей невестой и принцессой?

Тут Джоан улыбнулась и сказала:

— О, нет! Ты просто надо мной смеешься. Разве я гожусь в принцессы? Лучше скачи скорее на бал и выбирай себе невесту среди знатных красавиц!

— Я говорю совершенно серьезно, — продолжал принц, — поверь мне! Но если ты не хочешь стать моей невестой, то, может, придешь ко мне на бал? Знаешь что: ровно в полночь я буду тебя ждать вместе с твоим другом-гусопасом, с его свирелью и с этими серыми гусями. Придешь?

Джоан взглянула на принца и сказала:

— Пожалуй! А может, не приду. Не знаю!

Больше принц ничего не сказал, вскочил на коня и поскакал в город.

Настал вечер, и все новые и новые кареты останавливались у замка, где в большом зале король и королева встречали знатных гостей. Приезжали даже из самых отдаленных графств и владений, никому не хотелось пропустить такого важного события: наследный принц, единственный сын короля, должен был в этот вечер выбрать себе невесту.

Немало гордых леди скрывало свои тайные надежды и страхи под легкой болтовней и беспечными улыбками.

Но бал уже давно начался, один танец сменялся другим, а принц как будто еще ни на ком не остановил свой выбор.

И вот наконец пробило полночь. При последнем ударе часов в конце зала началось какое-то движение, раздалось удивленные

возгласы, танцующие расступились, и перед королем и королевой предстала странная процессия: впереди шла босая девушка в обтрепанном старом платье, за нею хромой гусопас, а позади него девять гогочущих гусей.

Вот так гости на королевском балу!

Сначала все придворные замолкли от изумления, но вскоре они начали перешептываться и громко смеяться. Однако они тут же опять замолчали, когда увидели, как принц вышел вперед, взял босую девушку за руку и подвел ее к своим родителям, которые сидели на троне.

— Отец, — молвил принц, — это Джоан! Если она согласится, я выбираю ее себе в жены. Что ты на это скажешь?

Король внимательно посмотрел на Джоан и сказал:

— Что ж, мой сын, твой выбор неплох. Если девушка так же добра и умна, как хороша, она будет достойной принцессой!

— Молодая леди очень красива, это верно, — сказала королева, — но что это за платье?

— А почему молодая леди молчит? — спросил король. — Что она думает?

— Ну, если вы все согласны, — сказала Джоан, — я тоже. Я согласна быть невестой принца!

И тут среди полной тишины раздались вдруг нежные звуки пастушьей свирели. Никто в своей жизни не слышал такой удивительной и прекрасной музыки. Хромой гусопас наигрывал какие-то странные и дивные мелодии, и — о чудо! — обтрепанное платье Джоан превратилось у всех на глазах в роскошные белые одежды, усыпанные сверкающими бриллиантами, а девять гусей — в маленьких пажей, одетых во все голубое. Они подняли шлейф Джоан и так следовали за ней, пока принц вел свою невесту в другой конец зала, чтобы начинать танец. И звуки пастушьей свирели потонули в веселой музыке, которая грянула с галереи.

Принц и Джоан, радостные и счастливые, начали танцевать.

И еще одно сердце радостно забилося под эту веселую музыку — то было сердце старого лорда. Он впервые увидел свою внучку Джоан. В богатых белых одеждах она была так похожа на свою покойную мать, что старый лорд не мог отвести от нее глаз. Он больше не думал

о ней со злобой и ненавистью, а чувствовал, как любовь проникает в его сердце, и радовался этому.

После танцев Джоан хотела найти своего верного друга-гусопаса, но он куда-то исчез. Она разослала слуг во все концы страны, но никто о нем больше так и не слышал. Правда, деревенские жители рассказывали, что, когда им случается возвращаться домой очень поздно, они иногда слышат, в поле и в лесу, нежные звуки свирели. Но другие уверяли, что это феи заигрывают с запоздалым путником или им просто мерещится.

Вспоминала Джоан после своей свадьбы хромого гусопаса или нет — этого мы сказать не можем, но вот про старую няню она не забыла и в первый же день после свадьбы взяла ее к себе. Так до конца своих дней старушка и прожила в королевском замке.

Мистер Виноградина

Мистер и миссис Виноградина жили в винной бутылке. Вот однажды, когда мистера Виноградины не было дома, миссис Виноградина принялась за уборку. Она была очень хорошая хозяйка и всегда сама чистила и мыла свой Дом. Но на этот раз она так увлеклась, что и не заметила, как неловким движением стукнула щеткой по стене, и весь дом — дзынь-дзынь! — разбился вдребезги.

Миссис Виноградина сама не своя бросилась навстречу мужу.

— Мистер Виноградина, мистер Виноградина! — закричала она, как только увидела его. — Мы разорены, совсем разорены! Я разбила наш дом, и он разлетелся на мелкие кусочки!

— Ну, ну, дорогая, — сказал мистер Виноградина, — успокойся, давай лучше подумаем, что нам теперь делать. Смотри-ка, дверь цела! И это уже хорошо. Недаром говорят: «У кого дверь, у того и дом». Вот я взвалю ее себе на спину, и мы с тобой пойдем искать по свету счастья.

И они пошли. Шли-шли целый день, а к ночи пришли в дремучий лес. Оба очень устали, и мистер Виноградина сказал:

— Сейчас я влезу на дерево, милая, и привяжу там нашу дверь, а ты лезь за мной.

Так они и сделали. Влезли на дерево, улеглись на двери и тут же крепко заснули.

Среди ночи мистера Виноградина разбудили чьи-то голоса. Глянул он вниз, и душа у него в пятки ушла от страха. Под деревом собралась целая шайка воров. Они делили свою добычу.

— Смотри, Джек! — сказал один. — Вот тебе пять фунтов одними золотыми. А тебе, Билл, вот здесь десять. Ну, а тебе, Боб, три фунта.

Дальше мистер Виноградина слушать не мог — так жутко ему стало. Его даже затрясло от страха, да так, что дверь тоже затряслась, не выдержала и свалилась прямо на головы ворам. Те испугались и бросились наутек. Но мистер Виноградина этого не знал, потому что пока совсем не рассвело, он не смел и пошевелинуться.

Утром наконец он поднялся — и что же увидел под деревом? Да целую кучу золотых гиней!

— Иди скорее сюда, миссис Виноградина! — закричал он. — Иди скорее! Мы разбогатели! Мы разбогатели! Ах, да скорей же!

Миссис Виноградина поспешила слезть с дерева и как увидела деньги, так и запрыгала от радости.

— Теперь, мой дорогой, — сказала она, — я научу тебя, что делать. В соседнем городе ярмарка. Возьми эти деньги и купи на них корову. Я умею делать сыр и взбивать масло. Ты будешь продавать их на базаре, и мы заживем с тобой на славу!

Мистер Виноградина с радостью согласился, взял деньги — целых сорок гиней! — и отправился на ярмарку. Он долго ходил взад и вперед по ярмарке, пока наконец не приметил отменную рыжую корову.

«Эх, вот бы мне эту корову, — подумал мистер Виноградина. — Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

И он предложил за корову сорок гиней. Хозяин коровы ответил, что сорок гиней — невелики деньги, но как другу он, так и быть, уступает ему. И сделка состоялась. Мистер Виноградина получил корову и стал водить ее туда-сюда, чтоб похвастать.

Вскоре он увидел волынщика.

«Туидл-дам, туидл-дам», — играл волынщик.

За ним по пятам бежали ребяташки, а деньги, казалось, так и сыпались в его карманы.

«Эх, — подумал мистер Виноградина, — вот бы мне такую волынку! Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете. Ну и разбогател бы я».

И он подошел к волынщику.

— Чудо что за волынка у тебя, дружище! — сказал он ему. — Должно быть, она тебе уйму денег приносит!

— Да уж будь уверен, — отвечал волынщик, — кучу денег загребаю. Волынка что надо!

— Вот бы мне такую! — воскликнул мистер Виноградина.

— Что ж, — сказал волынщик, — для друга мне ничего не жалко. Получай волынку вот за эту рыжую корову!

— По рукам! — с восторгом согласился мистер Виноградина.

Так отменная рыжая корова пошла за волынку. Мистер Виноградина начал прохаживаться взад-вперед со своей покупкой. Но тщетно старался он сыграть на волынке хоть какую-нибудь мелодию. Мальчишки награждали его улюлюканьем, насмешками и пинками, а карманы его так и оставались пустыми.

Бедный мистер Виноградина решил, что пора домой, да и пальцы у него совсем закоченели. И вот, когда он уже выходил из города, ему повстречался человек в теплых шерстяных перчатках.

«Ох, до чего у меня руки замерзли, — подумал мистер Виноградина. — Вот бы мне такие перчатки! Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

Он подошел к человеку и заговорил с ним:

— Ну и перчатки у тебя, дружище! Хороши!

— Еще бы! Ноябрь на дворе, а мне в них совсем тепло.

— Эх, — вздохнул мистер Виноградина, — вот бы мне такие!

— А что ты за них дашь? — спросил человек. И тут же добавил:

— Пожалуй, ради друга я не прочь обменять их вот на эту волынку.

— Идет! — воскликнул мистер Виноградина.

Надел перчатки и поплелся домой, рад-радешенек.

Шел-шел, совсем из сил выбился и тут повстречал человека с толстой палкой в руках.

«Вот бы мне эту палку! — сказал сам себе мистер Виноградина. — Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

И он сказал человеку:

— Что за палка у тебя, дружище! Вот бы мне такую!

— Палка хороша, — согласился человек. — Немало миль я исходил с нею как с верным спутником. Но раз она тебе так уж приглянулась, я, пожалуй, готов отдать ее вот за эти перчатки! Как другу, конечно.

Руки мистера Виноградины совсем согрелись, а ноги до того устали, что он с радостью согласился на обмен.

И вот наконец мистер Виноградина дотащился до леса, отыскал свою жену и все рассказал ей.

— Ах ты, глупец, пустая ты голова! — набросилась на него миссис Виноградина. — Нет, вы только посмотрите на этого простака! Отправился на ярмарку и выложил все свои денежки за одну корову. Целых сорок гиней! Но мало того — корову променял на волынку. А волынка и десяти гиней не стоит! Да и играть-то на ней ты не умеешь. Ну и простофиля! Не успел заполучить волынку, как обменял ее на перчатки. А за них и двух гиней не дадут! Но тебе и этого было мало, ты обменял их на какую-то палку. И теперь за сорок гиней у тебя нет ничего, кроме этой разнесчастной палки. Вот мы и потеряли все наши деньги, и все из-за тебя, глупый человек!

— Постой, постой, жена! — не вытерпел мистер Виноградина. — Чего ты, в самом деле, так раскричалась? Мне кажется, сейчас мы не беднее, чем в тот день, когда ты разбила наш дом?

На это миссис Виноградине нечего было ответить своему мужу, и они снова отправились искать по свету счастья.

Джек и бобовый стебель

Жила когда-то на свете бедная вдова. У нее был единственный сын по имени Джек да корова по прозвищу Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре — этим и жили. Но вот вдруг Белянка перестала доиться, и они просто не знали, что и делать.

— Как же нам быть? Что же делать? — в отчаянии повторяла мать.

— Не унывай, мама! — сказал Джек. — Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ты ведь уже пробовал наниматься, но никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на эти деньги открыть лавку.

— Что ж, хорошо, мама, — согласился Джек. — Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

И Джек повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался со смешным-пресмешным старичком, и тот сказал ему:

— Доброе утро, Джек!

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а про себя удивился: откуда старичок знает, как его зовут.

— Ну, Джек, куда ты идешь? — спросил старичок.

— На базар, продавать корову.

— Так, так! Кому и торговать коровами, как не тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько у меня бобов?

— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек, видно, мальй не промах.

— Верно! — сказал старичок. — Смотри, а вот и эти бобы! — И старичок показал Джеку какие-то диковинные бобы. — Раз уж ты такой смысленый, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — даю эти бобы за твою корову!

— Иди-ка своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то оно лучше будет!

— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.

— Да ну? Правда? — удивился Джек.

— Истинная правда! А если нет — заберешь свою корову обратно.

— Идет! — согласился Джек, отдал старичку Белянку, а бобы положил к себе в карман.

Повернул Джек обратно домой, и так как далеко от дома он отойти не успел, то еще не стемнело, а он уж был у своих дверей.

— Как, ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу, Белянки с тобой нет, значит, ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Никогда не угадаешь, мама! — отвечал Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну уж двадцать-то не дадут!

— Я говорил — не угадаешь! А что ты скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что?! — вскричала мать Джека. — Да неужто ты оказался таким простофилей, что отдал мою Белянку, самую удоиную корову во всей округе, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы полетят за окно. Так-то! Теперь живо спать! И есть не проси, все равно не получишь — ни кусочка, ни глотка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатку, грустный-прегрустный: и мать рассердил, и сам без ужина остался. Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, комната показалась ему очень странной. Солнце освещало только один угол, а вокруг все оставалось темным-темно. Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Какое-то диковинное дерево! А это его бобы, что мать накануне выбросила из окна в сад, проросли и превратились в огромное бобовое дерево. Оно тянулось все вверх, вверх и вверх до самого неба. Выходит, старичок-то говорил правду!

Бобовый стебель вырос как раз за окном Джека и поднимался вверх, будто настоящая лестница. Вот Джеку и оставалось лишь открыть окно да вспрыгнуть на дерево. Так он и сделал. Полез Джек по бобовому стеблю и все лез, лез и лез, лез, лез и лез, пока наконец не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге и все шел, шел и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, позавтракать!

Ведь накануне Джек остался без ужина, вы же знаете, и был теперь голоден как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж великан и людоед, и ничего на свете он так не любит, как мальчиков, зажаренных в сухарях.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. И не все ли равно: зажарят меня или я с голоду умру.

Что ж, жена людоеда была в конце концов совсем неплохая женщина. Вот отвела она Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин парного молока. Но не успел Джек покончить и с половиной всего этого, как вдруг — топ! Топ! Топ! — весь дом даже затрясся от чьих-то шагов.

— О Господи! Да это мой старик! — ахнула великанша. — Что делать? Скорей, скорей, прыгай вот сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как в дом вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был на самом деле! На поясе у него болтались три теленка. Он отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это пахнет?

Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут.
Мертвый он или живой,
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек! — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это пахнет тем барашком, что так пришелся по вкусу тебе вчера за обедом. Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, и Джек уже хотел было вылезти из печи и броситься наутек, но женщина непустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — Он всегда любит вздремнуть после завтрака.

И вот великан позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся пересчитывать монеты. Считал-считал, наконец стал клевать носом и захрапел так, что весь дом опять затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо спящего людоеда, схватил один мешок с золотом и давай Бог ноги! — прямо к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, к себе в сад, а сам начал спускаться по стеблю, все ниже и ниже, пока наконец не очутился дома.

Рассказал Джек обо всем матери, показал ей мешок с золотом и говорит:

— Ну что, мама, правду я сказал насчет этих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

— Не знаю, каковы эти бобы, — отвечала мать, — но что до людоеда, думаю, это тот самый, что убил твоего отца и разорил нас!

А надо вам сказать, что когда Джеку было всего три месяца, в их краях появился страшный великан-людоед. Он хватал кого попало, но особенно не щадил людей добрых и щедрых. А отец Джека, хотя и был сам небогат, всегда помогал беднякам и неудачникам.

— Ах, Джек, — закончила мать, — подумать только, что людоед и тебя мог съесть! Не смей никогда больше лазить по этому стеблю!

Джек пообещал, и они зажили с матерью в полном довольстве на те деньги, что были в мешке.

Но в конце концов мешок опустел, и Джек, забыв про свое обещание, решил еще разок попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока не очутился наконец на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, уж не тот ли ты юнец, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день муж мой не досчитался одного мешка с золотом.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Правда, кое-что я бы мог насчет этого рассказать, но мне так хочется есть, что пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу выговорить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека в дом и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать медленно-медленно. Но вдруг — топ! Топ! Топ! — услышали они шаги великана, и добрая женщина опять спрятала Джека в печь.

Все случилось, как и в прошлый раз. Людоед вошел и сказал: «Фи-фай-фо-фут...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, и он сказал курице: «Несись!» — и курица снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел

так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и в два счета оказался за дверью. Но тут курица закудахтала и разбудила людоеда. И как раз когда Джек выбегал из дома, он услышал за собой голос великана:

— Жена, оставь в покое золотую курочку! А жена в ответ:

— Да что это ты, голубчик!

Вот и все, что Джек успел расслышать. Он со всех ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул: «Несись!» — и курица снесла золотое яичко.

С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей: «Несись!» — курица несла по золотому яичку.

Мать пожурила Джека за то, что он ослушался ее и опять ходил к людоеду, но курочка все же пришлась ей по душе.

А Джек, неугомонный парень, через некоторое время решил опять попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель.

Лез, и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он поступил осторожней и не пошел прямо в дом к людоеду, а подкрался потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша вышла с ведром за водой, и шмыг в дом! Залез в медный котел и стал ждать. Недолго ждал, вдруг слышит знакомое «топ! Топ! Топ!», и вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фо-фут, дух британца чую тут! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, стало быть, это тот сорванец, что украл твое золото и курицу с золотыми яйцами. Наверное, он в печке сидит.

И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не там спрятался!

— Вечно ты со своим фи-фай-фо-фут! — проворчала жена людоеда и принялась готовить мужу завтрак.

Людоед уселся за стол, но успокоиться все не мог и то и дело бормотал:

— А все-таки могу поклясться, что... — Он вскакивал из-за стола, обшаривал кладовую, и сундуки, и буфеты...

Все уголки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался. Наконец кончил завтракать и крикнул:

— Эй, жена, принеси-ка мне золотую арфу! Жена принесла арфу и поставила ее на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела и пела, пока людоед не заснул и не захрапел так, будто гром загремел.

Вот тут-то Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и дополз на четвереньках до самого стола. Вскарabкался на стол, схватил арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и тут же увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек помчался сломя голову, а великан за ним. Ему ничего не стоило поймать Джека, но Джек первым кинулся бежать, и потому ему удалось увильнуть от великана. Да к тому же он хорошо знал дорогу. Когда он достиг бобового дерева, людоед был от него всего в двадцати шагах. И вдруг Джек пропал. Людоед туда, сюда — нет Джека! Наконец догадался взглянуть на бобовый стебель и видит: Джек из последних своих силенок старается, ползет вниз. Боязно стало великану спускаться по шаткому стеблю, но тут арфа опять позвала:

— Хозяин! Хозяин!

И великан прямо-таки повис на бобовом стебле, а тот весь затрясся под его тяжестью.

Спускается Джек все ниже и ниже, а великан за ним. Но вот Джек уж над самым домом. Тут он как закричит:

— Мама! Мама! Неси топор! Неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю да так и застыла от ужаса: из облаков торчали огромные ножищи великана.

Но вот Джек спрыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель качается и трясется, и остановился поглядеть, что случилось. Тут Джек как ударит топором еще раз и совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею.

Джек отдал матери золотую арфу, и они стали жить не тужить. А про великана и не вспоминали.

Джонни-Пончик

Жили-были на свете старик со старухой, и был у них сынок. Как-то утром старуха замесила тесто, скатала пончик и посадила его в печку, чтобы он испекся.

— Ты смотри за Джонни-Пончиком, пока мы с отцом будем на огороде работать, — сказала она сыну.

И отец с матерью ушли окучивать картошку, а сынка оставили смотреть за печкой. Но ему это вскоре надоело. Вдруг слышит он какой-то шум, взглянул на печку и видит — дверца печки сама собой открывается, и выскакивает оттуда Джонни-Пончик.

Как покатится Джонни-Пончик прямо к открытой двери! Мальчик бросился закрывать ее, но Джонни-Пончик оказался проворнее — выкатился за дверь, перекатился через порог, скатился со ступенек и покатился по дороге. Со всех ног погнался за ним мальчик, клича родителей. Те услышали крик, бросили свои мотыги и тоже пустились в погоню. Но Джонни-Пончик уже был далеко и вскоре скрылся из виду. А старик со старухой и мальчик так запыхались, что уселись на скамью дух перевести.

Вот покатился Джонни-Пончик дальше и вскоре прикатился к двум рабочим, что рыли колодец. Рабочие перестали работать и

спрашивают:

— Куда спешишь, Джонни-Пончик?

А Джонни-Пончик им в ответ:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, и от вас я убегу!

— От нас? Ну это мы еще посмотрим! — сказали рабочие.

Бросили кирки и погнались за Джонни-Пончиком.

Но куда там! Разве его догонишь? Пришлось рабочим сесть у дороги передохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к двум землекопам, что канаву рыли.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросили они.

А Джонни-Пончик им опять свое:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от вас тоже убегу!

— От нас? Ну это мы еще посмотрим! — сказали землекопы.

Бросили заступы и тоже погнались за Джонни-Пончиком. Но Джонни-Пончик катился быстрее. Увидели землекопы — не поймать им Джонни-Пончика, оставили погоню и присели отдохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к медведю.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросил медведь.

А Джонни-Пончик отвечает:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, и от тебя я убегу!

— От меня? — проворчал медведь. — Ну это мы еще посмотрим!

И медведь как задаст работки своим ногам, как припустит за Джонни-Пончиком! Но тот бежал себе без оглядки, и вскоре медведь так отстал, что и сам увидел — не угнаться ему за беглецом. Ну, он и растянулся у дороги, передохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к волку.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросил волк.

А Джонни-Пончик ему свое:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал, и от тебя я убегу-у-у!

— От меня? — огрызнулся волк. — Ну это мы еще посмотрим!

И волк пустился во всю прыть за Джонни-Пончиком. Но тот катился все быстрее и быстрее, так что волк тоже отчаялся догнать его и улегся отдохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше. И вскоре прикатился к лисе, что тихонько лежала возле изгороди.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросила лиса ласковым голосом.

А Джонни-Пончик опять:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

Тут лиса наклонила голову набок и говорит:

— Не расслышу я что-то, Джонни-Пончик. Подойди-ка поближе!

Джонни-Пончик подкатился к лисе и громко прокричал:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

— Никак не расслышу. Подойди еще чуточку ближе! — попросила лиса слабым голосом.

А сама вытянула в сторону Джонни-Пончика шею и приложила лапу к уху.

Джонни-Пончик подкатился еще ближе, наклонился к самому уху лисы и прокричал что было силы:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

— От меня? Ну нет! — твкнула лиса и мигом схватила Джонни-Пончика своими острыми зубами.

Том — мальчик с пальчик

Во времена великого короля Артура жил могущественный волшебник по имени Мерлин — самый искусный и всесильный чародей, какого только видел свет.

Этот знаменитый волшебник умел принимать чей угодно образ, даже зверя или птицы. И вот однажды он отправился путешествовать под видом простого нищего. А когда сильно устал, остановился в доме одного пахаря и попросил у него поесть.

Крестьянин радушно принял волшебника, а жена его, очень добрая женщина, тут же принесла деревянный кувшин с молоком и тарелку грубого темного хлеба.

Мерлина порадовала доброта пахаря и его жены. Но он заметил, что, хотя все в их доме выглядит приветливо и уютно, да и еды, судя по всему, вдоволь, нет в нем счастья. И он спросил их, отчего бы это, и хозяева ответили:

— Нет у нас детей, вот мы и горюем.

А женщина со слезами на глазах добавила:

— Я была бы самой счастливой на свете, если бы только был у меня сын. Будь он даже ростом с палец своего отца, не больше, я бы и

то была довольна!

Мерлин представил себе мальчика ростом с пальчик, и это так развеселило его, что он решил исполнить желание доброй женщины. И в самом деле, вскоре у жены пахаря появился сынок, только ростом он был с палец своего отца, не больше!

Сама королева фей пожелала взглянуть на крошечного мальчика. Она влетела в окно, когда мать сидела на постели и любовалась малюткой. Фея поцеловала его и дала ему имя Том — мальчик с пальчик. Потом она позвала других фей и приказала им нарядить ее крестного сына. Рубашку ему сшили из тонкой паутины, камзол — из листьев чертополоха. Штанишки смастерили из перышек певчих птиц. На красные чулки пошла кожа спелых яблок. На башмачки — мягкая мышьяная кожа, а бантики на них завязали из длинных ресниц. Вместо шляпы на голову Тому надели дубовый лист, разве плохо? Зимой и летом, в праздник и в будни — вот как славно был Том одет! И мать, и все соседки просто налюбоваться на него не могли.

Том так и остался ростом с большой палец своего отца, а у того пальцы были самые обыкновенные. Зато с годами он превратился в хитрющего мальчишку и выучился всяким проказам. Он очень любил играть с другими мальчиками, особенно в кости. И когда, случалось, проигрывал им все вишневые косточки, то потихоньку забирался к своим соперникам в сумку, набивал косточками свои карманы, а потом незаметно вылезал оттуда и продолжал играть как ни в чем не бывало.

Но вот как-то раз вылезает он, как обычно, с краденными косточками из чужой сумки, и тут его — хватать! — поймали с поличным.

— Ага, крошка Томми! — закричал владелец сумки. — Теперь я знаю, кто таскает мои вишневые косточки. Ну, погоди, поплатишься ты за свои воровские проделки!

И с этим словами он посадил Тома в сумку с вишневыми косточками и так встряхнул ее, что косточкам бедного Тома не поздоровилось.

— Выпусти меня! — завопил Том. — Я больше не буду воровать, только выпусти меня!

Мальчишка открыл сумку, и Том очутился на свободе.

И правда, какое-то время после этого он совсем не таскал чужих вишневых косточек.

Том был так мал, что мать часто теряла его из виду, особенно когда была чем-нибудь занята. И вот как-то раз принялась она готовить пудинг. А Тому захотелось посмотреть, как она это делает. Он вскарабкался на край деревянной миски, но поскользнулся и полетел кубарем прямо в тесто. Мать ничего не заметила и выложила Тома вместе с пудингом в салфетку, а потом опустила в чугунок с водой.

Тесто забилося Тому в рот, и он не мог закричать. Но вода была горячая, и он стал так брыкаться и вертеться, что мать подумала: «Не иначе как заколдовал кто-то мой пудинг. Наверное, бес вселился в него!»

И она вытряхнула недопеченный пудинг из чугунка прямо за дверь.

А в это время мимо дома проходил бедный лудильщик. Он подобрал пудинг, сунул его в сумку и зашагал дальше. Но тут наконец Том выплюнул все тесто и принялся так громко кричать, что лудильщик до смерти перепугался, бросил пудинг и убежал прочь. Пудинг упал и разломился на куски, а Том выкарабкался из него и, весь в тесте, побежал домой.

Мать очень огорчилась, увидев свое сокровище в столь плачевном виде. Она посадила Тома в чайную чашку и отмыла тесто, потом поцеловала сына и уложила в постель.

Как-то вскоре после приключения с пудингом мать Тома отправилась на луг доить корову и взяла Тома с собой. Дул сильный ветер, она испугалась, как бы Тома не унесло, и привязала его тонким шнурком к чертополоху. А корова увидела на голове у мальчика с пальчик шляпу из дубового листка, захотела им полакомиться и отправила его в рот, вместе с Томом и чертополохом. Том увидел страшные зубы коровы и закричал что было силы:

— Мама, мама!

— Где ты, Томми, мой маленький Томми? — отозвалась мать.

— Здесь, мама! — отвечал он. — Во рту у коровы! А корова очень удивилась: кто это шумит у нее во рту? Она открыла от удивления рот и выронила Тома. К счастью, мать на лету подхватила Тома в передник, не то он сильно расшибся бы.

А несколько дней спустя отец сделал Тому из ячменной соломинки кнут — скотину погонять. Том побежал с этим кнутом в поле, да поскользнулся и скатился в борозду. Мимо пролетал ворон,

подхватил Тома и полетел с ним через море, а над морем вдруг выпустил его из клюва.

И в тот же миг Тома проглотила большущая рыба. Но вскоре эту рыбу поймали и продали на кухню короля Артура. Когда же ее распотрошили, то увидели крошечного мальчика. Все очень удивились, а Том обрадовался, что опять вышел на свободу.

И вот мальчика с пальчик отнесли к самому королю и поставили перед ним на стол. Но он и тут нашелся: снял свою шляпу из дубового листка и низко поклонился королю, королеве, придворным дамам и Рыцарям Круглого Стола. Королю это так понравилось, что он тут же назначил мальчика с пальчик придворным карликом. Говорят, что, когда король выезжал куда-нибудь верхом, он часто брал Тома с собой. А если начинался ливень, мальчик с пальчик прятался в жилетном кармане его величества и спал там, пока дождь не прекращался.

Однажды король спросил Тома:

— А кто твои родители? Они что ж, такие же малютки, как ты?

— Ой нет, ваше величество! — ответил Том. — Отец и мать у меня самые обыкновенные люди, вроде ваших крестьян. Они не ниже ростом, чем любой из ваших придворных. Только живется им куда хуже!

— Ну что же, — сказал король (он был щедрый господин и очень любил своего малютку-придворного), — можешь пойти в мою сокровищницу — там хранятся все мои деньги — и взять столько монет, сколько ты в силах донести до отчего дома.

Глупышка Том даже запрыгал от радости. Притащил кошелек из мыльного пузыря, и король опустил в него серебряный трёхпенсовик!

Нелегко было нашему герою взвалить себе на спину такую ношу! Наконец ему удалось это, и он тронулся в путь. И вот, не встретив никаких препятствий и отдыхая в дороге не более ста раз, он через два дня и две ночи благополучно достиг отцовского дома. Тут мать выбежала ему навстречу и унесла его в дом.

Но вскоре Том опять вернулся ко двору.

Надо сказать, что одежда Тома сильно пострадала и от теста, когда он упал в пудинг, да и в желудке у рыбы. И вот его величество приказал сшить Тому новый костюм, а вместо коня дать ему мышь, чтобы он восседал на ней верхом, как положено рыцарю.

Придворные портные из зеленых стрекозиных крыльев сшили ему камзол. Придворные сапожники обули его в сапожки из цыплячьей кожи. А мечом славному рыцарю Тому послужила золотая булава. Конем — белая мышь.

Конечно, было очень забавно видеть Тома в таком наряде да еще верхом на мыши, когда он вместе с королем и всей знатью выезжал на охоту.

Все так и покатывались со смеху, как только он появлялся на своем лихом скакуне.

Том умел прекрасно держать себя, и это очень нравилось королю. Король приказал сделать для мальчика с пальчик маленькое кресло, и Тому разрешалось сидеть в нем на столе его величества. Король заказал также Тому золотой дворец высотой с ладонь, с дверью шириною в два пальца и подарил ему карету, запряженную шестеркой маленьких мышек. Он возвел мальчика с пальчик в рыцари и приказал величать его сэром Томасом.

Но тут королева вознегодовала, что мальчику с пальчик оказывают такие почести, и решила его погубить. Она сказала королю, что маленький рыцарь замышляет против него заговор.

Король тотчас послал за Томом, и бедного мальчика с пальчик заточили в мышеловку. Да на счастье, кошка заметила, что в мышеловке кто-то шевелится, и стала терзать ее лапкой, сломала задвижку и выпустила Тома на свободу. Тут он увидел на земле красивую большую бабочку, подкрался потихоньку и вскочил на нее верхом. Бабочка подняла его в воздух и перелетала с ним от куста к кусту, с дерева на дерево, с одного поля на другое, пока в конце концов не принесла его к дому родителей.

Как же обрадовались отец и мать, когда снова увидели своего мальчика с пальчик! Они стали его уговаривать никуда больше не уезжать от них. Но Тому, как мы знаем, и не хотелось возвращаться ко двору короля Артура, и он с радостью согласился навсегда остаться в родном доме.

Джек — Победитель Великанов

В царствование доброго короля Артура в графстве Корнуэлл, на мысу Лэндс-энд жил крестьянин, и был у этого крестьянина единственный сын по имени Джек. Джек был ловкий парень с таким быстрым и живым умом, что никто и ни в чем не мог с ним потягаться.

В те дни на острове, именуемом Корнуэллская гора, обитал страшный великан — Корморен. Ростом он был с хороший дом, или замок, в обхват толще самого толстого дерева, а лицом — страшилище да и только. Был он так свиреп и грозен, что все окрестные города и села дрожали перед ним. Жил Корморен в пещере, в самом сердце горы, а когда ему хотелось есть, он брел по воде на большую землю и хватал все, что попадалось под руку. Завидев его, люди покидали свои дома и разбегались кто куда. Великан ловил их скот — ему было нипочем утащить на спине полдюжины быков за раз, а овец и свиней он просто нанизывал себе на пояс, как связку сальных свечей. Многие годы он был грозой всего Корнуэлла.

Но вот в городской ратуше созвали совет, чтобы решить, как бороться с великаном. И туда зашел Джек. И Джек спросил:

— А какую награду получит тот, кто убьет Корморена?

— Все сокровища великана! — ответили Джеку.

— Тогда поручите это дело мне! — сказал он. Раздобыл он себе рожок, кирку и заступ и, как только спустился темный зимний вечер, добрался до Корнуэллской горы и принялся за работу.

Не успело настать утро, а Джек уже вырыл яму, в которой мог поместиться целый дом с курятником. Потом покрыл ее длинными ветками и соломой, а сверху еще землей присыпал, чтобы казалось, будто это ровное место. Уселся Джек на край ямы, подальше от жилища великана, и, когда занялся день, приложил к губам свой рожок, и заиграл веселый галоп. Великан проснулся и с криком выбежал из пещеры:

— Ах ты негодяй! Как посмел ты нарушить мой покой? Я этого не потерплю! Вот погоди, поймаю тебя да изжарю себе на завтрак!

Но не успел великан выкрикнуть эти угрозы, как бухнулся в яму, от чего Корнуэллская гора даже вздрогнула.

— Что, великан, попался? — крикнул ему Джек. — Ну, а как же теперь насчет того, чтобы изжарить меня на завтрак? Может, лучше что другое съешь? Зачем тебе бедный Джек?

Поиздевавшись над великаном, Джек ударил его со всего размаха тяжелой киркой по макушке и убил наповал. Потом засыпал яму землей и отправился искать пещеру Корморена. Нашел пещеру, а в ней — груды сокровищ!

Городской магистрат узнал о подвиге Джека и объявил всем, что отныне Джека следует величать:

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ.

И пожаловал Джеку меч и пояс, на котором были золотом вышиты слова:

**СЕЙ КОРНУЭЛЛСКИЙ ОТРОК СМЕЛ —
ОН КОРМОРЕНА ОДОЛЕЛ.**

Весть о победе Джека вскоре разнеслась по всей Западной Англии. Дошла она и до другого великана, Бландебора, и тот поклялся при первой же встрече отомстить Джеку. Бландебор владел заколдованным замком, что стоял посреди дремучего леса.

И вот месяца четыре спустя Джек отправился в Уэльс и проходил по опушке этого леса. Он очень устал и присел отдохнуть возле веселого ручейка, да и заснул крепко. А пока он спал, к ручью пришел за водой сам Бландебор, увидел Джека, прочитал надпись на его поясе и сразу узнал, что это Джек — Победитель Великанов. Недолго думая, великан взвалил Джека на плечи и потащил в свой замок.

Дорогой пришлось ему пробираться через чащу, и шум ветвей разбудил Джека. С ужасом Джек понял, что попал в лапы великана. Но самое страшное было впереди!

Бландебор дошел до своего замка, отнес бедного Джека в огромную комнату и запер там, а сам пошел за другим великаном — своим братом, который жил в том же лесу, — чтобы вместе с ним полакомиться юношей.

Джек подождал-подождал, потом подошел к окну и увидел вдали двух великанов.

«Ну, — подумал Джек, — сейчас я либо умру, либо спасусь!» Тут он заметил, что в углу комнаты лежат крепкие веревки. Вот Джек взял две веревки, завязал на конце каждой надежную петлю и, пока великаны отпирали железную дверь замка, накинул им петли на шею, а концы веревок перебросил через балку и что было силы потянул вниз. Великаны и задохнулись. Джек отпустил веревки, выхватил свой меч и пронзил обоих братьев. Потом взял ключи Бландебора и отпер все комнаты замка. В комнатах он нашел трех девушек.

— Прекрасные леди! — сказал им Джек. — Я умертвил чудовище и его жестокого брата. Вы свободны!

Тут Джек вручил девушкам все ключи и пошел своей дорогой в Уэльс.

Джек спешил и шагал очень быстро, но заблудился. Ночь застала его в дороге, а жилья поблизости не было. Наконец он забрел в какую-то ложбину и увидел большой дом. Собрался с духом и постучал в ворота. И тут, к его изумлению, из дома вышел громадный великан о двух головах.

Однако он казался не таким свирепым, как другие великаны. Это был уэльский великан, и людям он причинял зло исподтишка, прикидываясь их другом. Джек попросился переночевать, и великан отвел его в спальню. А посреди ночи Джек услышал, как его хозяин бормочет в соседней комнате:

Хоть ты и лег на мою кровать,
С нее тебе уже не встать —
По ней дубинка пойдет плясать.

— Так вот что ты задумал! — прошептал Джек. — Узнаю твои уэльские шуточки! Но я тебя перехитрю!

Тут Джек вскочил с кровати, положил вместо себя бревно, а сам спрятался в углу. Глухой ночью уэльский великан вошел в комнату и принялся молотить тяжелой дубиной по кровати. Он был уверен, что перемолол Джеку все кости, но Джек наутро вышел из своего угла и, усмехаясь, поблагодарил хозяина за ночлег.

— Хорошо ли отдохнул? — спросил его великан. — Может, тебя что-нибудь беспокоило ночью?

— Да нет! — ответил Джек. — Вот только крыса какая-то раза два задела меня хвостом.

Подивился великан. Потом повел Джека завтракать и поставил перед ним пудовую миску мучного пудинга. Джеку не хотелось признаться, что ему столько не съесть. Вот он сунул себе под куртку большой кожаный мешок и, пока ел, незаметно перекладывал туда пудинг, а после завтрака сказал великану, что сейчас покажет ему чудо. Взял нож и распорол мешок — пудинг-то весь и вывалился.

— Погоди, погоди! — вскричал великан. — Такое чудо и мы можем тебе показать!

Схватил нож, вспорол себе брюхо и тут же упал замертво.

А случилось это как раз в те дни, когда единственный сын короля Артура попросил у отца кучу денег: он хотел попытать счастья в княжестве Уэльском, где жила красавица, одержимая семью злыми духами. Король всячески отговаривал сына, но тщетно. Наконец пришлось ему уступить, и принц тронулся в путь с двумя конями — на одном сам ехал, а на другом мешок с деньгами вез.

Через несколько дней принц въехал в один уэльский город и увидел на площади большую толпу. Он спросил людей, зачем они собрались, и те ответили, что стерегут покойника — не дают его

хоронить, потому что он при жизни задолжал им большие деньги. Подивился принц жестокосердию этих людей и сказал:

— Ступайте похороните его, а потом приходите ко мне — я выплачу все его долги сполна.

Тут принца осадил столько людей, что к вечеру у него осталось всего два пенса.

А в это время через город проходил Джек — Победитель Великанов. Щедрость принца пришлась ему по душе, и Джек попросился к нему на службу. Принц согласился взять Джека, и наутро они тронулись в путь вместе. Когда они выезжали из города, принца окликнула какая-то старуха. Она сказала:

— Вот уже семь лет, как покойник взял у меня в долг два пенса. Прошу вас, заплатите мне, как платили другим!

Принц сунул руку в карман, вытащил последние свои деньги и отдал их женщине. У Джека еще оставалось несколько монет, но путники в тот же день истратили их на обед, и оба оказались без гроша.

Перед самым заходом солнца королевский сын сказал:

— Где же нам ночевать, Джек? Ведь денег-то у нас нет.

На это Джек ответил:

— Ночлег найдется, господин мой! В двух милях отсюда живет огромный, страшный великан о трех головах. Ему нипочем сразиться одному с пятьюстами воинами сразу и разогнать их, как мух!

— Ну, — сказал принц, — тогда нам у него делать нечего! Великан проглотит нас одним махом. Да что там! Ведь мы с тобой в дупле его гнилого зуба уместимся!

— Пустяки! — возразил Джек. — Я пойду вперед и подготовлю тебе встречу. — Оставайся здесь и жди, пока я не вернусь!

И Джек во весь опор поскакал дальше. Подъехал к воротам замка и застучал так громко, что стук его отдался от всех окрестных холмов. А великан заревел в ответ, словно гром загремел:

— Кто там?

Джек ответил:

— Это я, твой племянник, разве не узнаешь? Великан спросил:

— Какие вести принес, мой племянничек?

— Плохие, дорогой дядюшка! — ответил Джек.

— Но-но! — сказал великан. — Разве можно приносить мне плохие вести? Ведь я — трехголовый великан. Я, как ты знаешь, выхожу сражаться против пятисот воинов в доспехах, и они разлетаются от меня во все стороны, как солома по ветру.

— Да, но сюда идет королевский сын с целой тысячей вооруженных воинов! — сказал Джек. — Они хотят убить тебя и уничтожить все твоё имущество!

— Вот как, племянник! — молвил великан. — Ну это и впрямь плохие вести! Я побегу спрячусь, а ты запири меня на замок, на засов и на задвижку да держи ключи при себе, пока принц не уберется отсюда.

Джек запер великана и поехал за принцем. В замке путники повеселились всласть, а великан лежал и трясся в подземелье.

Наутро Джек спозаранку запасся золотом и серебром для своего господина и посоветовал ему уехать на три мили вперед — ведь за три мили великан не мог учуять принца. Потом Джек вернулся и выпустил великана из подземелья.

— Чем тебя наградить за то, что ты спас мой замок от разграбления? — спросил великан.

— Да что там! — ответил Джек. — Ничего мне не надо. Вот разве отдай мне свою поношенную куртку, шапку да еще старый ржавый меч и ночные туфли, что валяются у тебя под кроватью.

— Ты не знаешь, чего просишь! — сказал великан. — Ведь это самые драгоценные мои сокровища. Стоит тебе надеть куртку, и ты сразу станешь невидимым. Шапка расскажет обо всем, что ты захочешь узнать. Меч изрубит на куски все, что ты им ударишь. А туфли в один миг унесут тебя, куда только пожелаешь. Но уж так и быть! Ты мне хорошо послужил. Дарю тебе от чистого сердца все, что ты просишь!

Джек поблагодарил великана, забрал подарки и ушел.

Он быстро нагнал своего господина, и они вместе вернулись ко двору короля Артура. Там Джек за все свои подвиги был посвящен в Рыцари Круглого Стола. Но спустя некоторое время он снова отправился на поиски великанов. Не успел он далеко отъехать, как увидел пещеру. У входа в нее на деревянном чурбане сидел великан с узловатой чугунной палицей на боку. Вытаращенные глаза великана горели огнем, уродливое лицо его было свирепо, щеки походили на свиные окорока, а борода топорщилась, словно железные прутья.

Волосы падали на его могучие плечи, как извивающиеся змеи, как шипящие гадюки.

Джек соскочил с коня, накинул куртку-невидимку и пошел к великану, бормоча про себя:

— Ага, вот ты где! Ну, ты и глазом не моргнешь, как я схвачу тебя за бороду!

Великан не видел Джека — ведь тот был в куртке-невидимке. И вот Джек подкрался к чудовищу и вогнал ему свой меч в спину по самую рукоятку. Великан мертвым повалился на землю. Тут Джек отрубил ему голову и отослал ее вместе с головой другого великана — его брата — королю Артуру. А потом и сам туда прибыл.

По этому случаю в королевском замке устроили большой пир. Но вдруг в самый разгар веселья гонец принес весть, что двухголовый великан Тан-дер делл услышал о смерти своих родичей и прибыл из северных долин, чтобы отомстить Джеку, он сейчас уже всего в одной миле от замка, и все окрестные жители бегут от него кто куда. Но Джек ничуть не испугался.

— Попробуй он сюда сунуться, я ему все зубы пересчитаю! А вас, господа, прошу выйти в сад и посмотреть, как будет убит великан Тандерделл!

Замок стоял на островке, окруженном глубоким И широким рвом. Ров был залит водой, и переходили через него по разводному мосту.

И вот Джек позвал слуг, чтобы те обрубали мост с боков почти до самой середины. Потом надел куртку-невидимку и выступил против великана с острым мечом в руках. Великан не видел Джека, но учуял его по запаху и закричал:

Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут!
Мертвый он или живой
Попадет на завтрак мой!

— Ах вот как! — молвил Джек. — Ну и обжора ты!
А великан снова закричал:

— Так это ты, негодяй, погубил моих родичей? Вот я сейчас растерзаю тебя зубами, высосу из тебя кровь, а кости твои сотру в порошок!

— Сначала поймай-ка меня! — ответил Джек и сбросил свою куртку-невидимку, чтобы великан его увидел.

Потом надел туфли-скороходы и побежал прочь. А великан погнался за ним, и чудилось, будто это какой-то замок сдвинулся с места, и сама земля трясется под каждым его шагом.

Джек долго заставлял великана гоняться за собой — хотелось ему позабавить дам и кавалеров. Потом решил, что пора кончать игру, и легко взбежал на мост. Великан во весь дух мчался за ним с дубинкой в руках. Но не успел он добраться до середины, как мост провалился под тяжелым грузом, и великан рухнул вниз головой прямо в воду и стал ворочаться и барахтаться в ней, словно кит. А Джек стоял возле рва и потешался над ним. Но как ни злился великан, слыша насмешки Джека, как ни метался в воде, не удалось ему выбраться из рва, чтобы рассчитаться с врагом.

Наконец Джек схватил вожжи, накинул их великану на головы и с помощью упряжки лошадей вытащил его на берег, потом отрубил своим острым мечом обе головы и преподнес их королю Артуру.

Некоторое время Джек провел в празднествах и развлечениях, а потом опять покинул прекрасных дам и рыцарей и отправился на поиски приключений. Через много лесов пробирался Джек, пока наконец не подошел к подножию высокой горы. И там, уже поздней ночью, увидел одинокий дом. Он постучал в дверь, и ему открыл старик, с волосами белыми как снег.

— Отец, — сказал ему Джек, — пусти переночевать! Я заблудился, и ночь застала меня в дороге.

— Входи! — ответил старик. — Добро пожаловать в мою убогую хижину.

Джек вошел, они уселись рядом, и старик повел такую речь:

— Сын мой, я вижу по надписи на твоём поясе, что ты великий победитель великанов. Так слушай же, сын мой! На вершине этой горы стоит заколдованный замок. Им владеет великан Галлигантюа. С помощью одного старого колдуна великан заманивает к себе рыцарей и дам и волшебными чарами превращает их в разных тварей. Но особенно меня печалит судьба дочери герцога. Они схватили ее в

отцовском саду и унесли по воздуху в горячей колеснице, запряженной огнедышащими драконами. В замке ее заперли и превратили в белую лань. Многие рыцари пытались рассеять волшебные чары и освободить девушку, да никому это не удалось — у ворот замка сидят два страшных грифона, они уничтожают каждого, кто к ним приблизится. Но ты, сын мой, пройдешь мимо них невидимо. А на воротах замка ты увидишь высеченную крупными буквами надпись. Она подскажет тебе, как рассеять колдовство.

Джек поблагодарил старика и обещал, что утром попытается освободить дочь герцога, хотя бы ему это стоило жизни.

Наутро Джек поднялся, надел куртку-невидимку, волшебную шапку, туфли-скороходы и приготовился к битве.

Едва он поднялся на вершину горы, как тотчас увидел огнедышащих грифонов. Но он без страха прошел мимо них — ведь он был в куртке-невидимке. На воротах замка на серебряной цепи висел золотой рог, а под ним были высечены слова:

Кто в золотой рог заиграет,
Тот замок разрушит, но страха не узнает.
Колдуна и великана он победит
И всех воскресит. А король его наградит.

Как только Джек прочел эти строки, он задул в рог, и огромный замок затрясся до самого основания, а великана и колдуна охватило великое смятение. Они принялись кусать локти и рвать на себе волосы, чуя, что скоро придет конец их злой власти!

Великан нагнулся за своей палицей, и тут Джек одним ударом снес ему голову, а колдун поднялся в воздух, и вихрь унес его прочь.

Злые чары рассеялись. Все, кто был превращен в птиц и зверей, снова стали людьми, а замок исчез в клубах дыма.

Джек, как всегда, отправил голову великана ко двору короля Артура, а на другой день и сам поехал туда вместе с рыцарями и дамами, которых он освободил.

В награду за верную службу король уговорил герцога отдать свою дочь за честного Джека.

Они обвенчались, и все королевство веселилось на их свадьбе. А потом король подарил Джеку великолепный замок с богатыми угодьями, и Джек прожил там с женой остаток дней своих в любви и согласии.

Черный Бык Норроуэйский

Жил некогда король, и было у него три дочери. Старшие дочери были очень некрасивые и к тому же гордячки, а младшая — такая красавица, такая кроткая, что не только родители, но и все люди в королевстве не могли на нее нарадоваться.

И вот раз вечером сидели все три принцессы вместе и говорили о том, за кого им хотелось бы выйти замуж.

— Я бы пошла только за короля, — молвила старшая принцесса.

Средняя принцесса сказала, что выйдет замуж только за принца или герцога.

— Ах, какие вы гордячки! — рассмеялась младшая. — А я бы согласилась пойти хоть за Черного Быка Норроуэйского!

И больше принцессы об этом не говорили. А на другое утро только они сели завтракать, как за дверью раздался страшный рев — это Черный Бык Норроуэйский явился за своей невестой. Ну и перепугались все во дворце! Ведь Черный Бык был страшилище из страшилищ.

Король с королевой не знали, как спасти дочь. Наконец они решили подменить невесту и вывели к чудовищу старуху птичницу. Посадили ее быку на спину, и тот умчался с ней прочь.

Вот бык прибежал в дремучий лес, сбросил свою ношу на землю и увидел, что невесту подменили. Тогда он помчался обратно и ворвался во дворец с еще более громким и свирепым ревом. На этот раз король с королевой вывели к нему служанку, но им опять не удалось его обмануть.

Одну за другой отдали они быку всех служанок, а потом и двух старших дочерей, но и с ними бык обошелся не лучше, чем со старухой птичницей. Волей-неволей пришлось королю и королеве отдать ему свою младшую любимую дочь.

Далеко унес ее Черный Бык. Мчался он дремучими лесами и безлюдными пустошами, пока не прибежал наконец к богатому замку, где в это время собралось много гостей. Владелец замка удивился, когда увидел на спине у страшного быка прелестную принцессу, однако пустил их в замок. Когда все сели за стол, принцесса заметила в шкуре Черного Быка булавку и вытащила ее. И вдруг дикий зверь превратился в прекрасного юношу!

Велика была радость принцессы, когда юноша упал к ее ногам и стал благодарить ее за то, что она рассеяла злые чары и расколдовала его; да и все в замке ликовали и веселились. Но увы! В самый разгар веселья юноша исчез. Обыскали все углы и закоулки, но так его и не нашли.

Только что принцесса себя не помнила от счастья, а теперь сердце у нее разрывалось от горя. И вот она решила обойти хоть весь свет, но найти прекрасного юношу.

Много путей и дорог исходила она, но долго, очень долго ничего не слышала о своем любимом.

И вот как-то брела она темным лесом и заблудилась. Спустилась ночь, и принцесса решила, что пришла ее смерть: или в лесу замерзнет, или с голоду умрет. Но вдруг она заметила между деревьями огонек. Пошла на этот огонек и увидела маленькую хижину. В хижине жила старенькая старушка. Старушка пригласила ее зайти, покормила и оставила ночевать.

Наутро старушка дала девушке три ореха и молвила:

— Не разбивай их, пока тебе самой горе чуть не разобьет сердца!

Потом показала принцессе дорогу и пожелала ей удачи.

И вот опять принцесса отправилась в путь. Вскоре мимо нее проехало несколько дам и кавалеров, и все они весело болтали о том, как будут праздновать свадьбу герцога Норроуэйского. Потом девушка нагнала еще каких-то нарядных людей. Они тоже торопились на свадьбу герцога и чего только не несли с собой!

Наконец принцесса добралась до замка, где толпы поваров и пекарей озабоченно сновали взад-вперед, не зная, за что взяться сначала. Пока принцесса стояла и смотрела на них, за ее спиной раздался шум. Это вернулись с охоты знатные гости, и один из них крикнул:

— Дорогу герцогу Норроуэйскому!

И мимо принцессы промчались ее возлюбленный и прекрасная леди.

Тут принцесса почувствовала, что горе вот-вот разобьет ей сердце, но она вспомнила наказ старушки и разбила один орех. И тотчас из него вышла крошечная фея; в руках у нее была шерсть, которую она принялась расчесывать.

Принцесса поспешила в замок и спросила разрешения повидать прекрасную леди. Как только леди увидела крошечную фею, которая продолжала с усердием работать, она сказала, что ничего не пожалеет, лишь бы получить ее.

— Я подарю ее вам, — молвила принцесса. — Но с одним условием: отложите на один день вашу свадьбу с герцогом Норроуэйским и позвольте мне войти ночью в его комнату и посидеть у его постели.

Прекрасной леди так хотелось получить чудесный орех с маленькой феей, что она согласилась. И когда настала темная ночь и герцог крепко заснул, принцессу впустили к нему в опочивальню. Она села у его постели и запела:

Я искала тебя,
Я любила тебя,
Проснись,
Взгляни на меня.

Она все пела и пела свою песню, но герцог не просыпался. А утром принцессе пришлось уйти, и он так и не узнал, что она была в его спальне.

Тогда принцесса расколола второй орех. Из него вышла крошечная фея с прялкой. Она так понравилась прекрасной леди, что та охотно согласилась отложить свадьбу еще на день, лишь бы получить и этот орех с маленькой феей. А принцессе и в эту ночь не удалось разбудить герцога. В отчаянии расколола она последний орех. Из него опять вышла крошечная фея и стала быстро-быстро наматывать шерсть на катушки.

Прекрасная леди получила и этот орех, и согласилась отложить свадьбу еще на день, и позволила девушке провести еще одну ночь в спальне герцога.

Но в это утро, когда герцог одевался, слуга спросил, что за странная песня и плач доносились из его спальни в последние две ночи.

— Я ничего не слышал, — сказал герцог. — Тебе, наверное, померещилось.

— А вы примите на ночь какое-нибудь снадобье, чтобы не заснуть, — посоветовал слуга. — Тогда тоже услышите песню и плач. Мне они вот уже две ночи как не дают спать.

Герцог послушался совета слуги. А принцесса ночью опять вошла к нему и села у его постели. Она тяжело вздыхала и думала, что видит его в последний раз. Но только герцог услышал голос своей возлюбленной, как тут же вскочил. Он очень обрадовался, что принцессе удалось его найти, и рассказал ей, что его заколдовала волшебница и злыми чарами заставила обручиться с ней.

— Но теперь ее чары рассеялись, — молвил он, — потому что мы с тобой опять вместе.

Принцесса была очень счастлива, что ей еще раз удалось расколдовать герцога, и согласилась выйти за него замуж. А злая волшебница, испугавшись герцогского гнева, покинула навсегда его страну, и больше никто о ней ничего не слышал.

В замке стали спешно готовиться к свадьбе, сыграли ее, и тем счастливо закончились приключения Черного Быка Норроуэйского и странствия младшей дочери короля.

Волшебная мазь

Тетка Гуди была няней. Она ухаживала за больными и нянчила маленьких детей. Однажды ее разбудили в полночь. Она спустилась из спальни в прихожую и увидела странного косоглазого старичка. Он попросил тетку Гуди поехать к его жене — та была слишком слаба, как он объяснил, и не могла сама нянчить своего грудного ребенка.

Тетке Гуди не понравился странный посетитель, но дело есть дело. И вот она наскоро оделась и вышла с ним из дома. Он тут же усадил ее на черного как смоль скакуна с горящими глазами, и они понеслись куда-то с невиданной быстротой. Боясь упасть, тетка Гуди изо всех сил вцепилась в косоглазого старичка.

Они мчались и мчались, пока не остановились, наконец, у дверей небольшого домика. Тут они слезли с коня и вошли в дом. Хозяйка лежала в постели, а младенец — чудесный, здоровый малыш — рядом с ней. Вокруг играли дети.

Тетка Гуди взяла ребенка на руки, а мать протянула ей баночку с мазью и велела намазать ребенку глазки, как только он их откроет.

Через некоторое время ребенок приоткрыл глазки, и тетка Гуди заметила, что он тоже косит, как и отец. Она взяла баночку с мазью и намазала ребенку веки.

«Для чего бы это?» — ломала себе голову тетка Гуди. В жизни она не видывала, чтобы младенцам мазали веки. И вот она улучила минутку, когда никто на нее не смотрел, и легонько помазала свое правое веко.

Не успела она это сделать, как все будто изменилось вокруг. Убранство в комнате показалось роскошным. Женщина в постели превратилась в прекраснейшую леди, раздетую в белый шелк. Младенец выглядел еще милее, чем прежде, а пеленки его сделались прозрачными и сверкающими, словно серебряная кисея. Зато его братишки и сестренки, что играли у постели, превратились в бесенят с приплюснутыми носами, острыми ушками и длинными волосатыми лапками. Они строили друг другу рожи, царапались, таскали за уши больную мать — словом, чего только не вытворяли. И тут тетка Гуди поняла, что попала в дом к бесам.

Но она ни слова об этом не проронила. А как только женщина поправилась и могла сама нянчить ребенка, тетка Гуди попросила хозяина отвезти ее домой. Он подвел к дверям черного как смоль коня с горящими глазами, и они поскакали так же быстро, как в прошлый раз, а может, еще быстрее, пока не достигли дома тетки Гуди. Косоглазый старик снял ее с коня, весьма вежливо поблагодарил и расплатился с нею так, как ей никогда еще не платили за подобные услуги.

На другой день — это был базарный день — тетка Гуди отправилась за покупками. Ведь она надолго отлучалась из дома, и ей кой-что понадобилось для хозяйства. Вот стала она приценяться к товарам и вдруг увидела того самого косоглазого старичка, что возил ее на черном как смоль коне! А что, вы думаете, он делал на базаре? Он ходил от прилавка к прилавку и с каждого брал что-нибудь: с этого фрукты, с того яйца... И никто как будто не замечал этого.

Тетка Гуди полагала, что не ее дело вмешиваться. Однако она решила, что не следует упускать такого щедрого клиента, не перемолвившись с ним словечком-другим. Вот подходит она к нему, отвечает поклон и говорит:

— Добрый день, сэр! Надеюсь, ваша жена и малыш чувствуют себя так же хорошо, как...

Но не успела она закончить, как странный старичок отпрянул от нее с удивлением и воскликнул:

— Как, вы меня сейчас видите?!

— Вижу вас? — переспросила она. — Ну, конечно! Так же ясно, как вижу солнце в небе. И даже более того, — прибавила она, — я вижу, что вы очень заняты... выгодными покупками.

— Вот как? Значит, вы слишком много видите, — сказал он. — А ну, скажите-ка, пожалуйста, каким глазом вы все это видите?

— Правым, конечно, — ответила она, довольная тем, что уличила его.

— Мазь! Мазь! — вскричал старый бес-ворюга. — Получай же за то, что суешься не в свои дела! Больше ты меня не увидишь!

Тут он ударил ее по правому глазу, и она тотчас перестала его видеть.

Но что хуже всего, с этого часа она окривела на правый глаз, да так и осталась кривой до самой своей смерти.

Ничто-Ничего

Жили-были когда-то на свете король, королева и королевские дети. Ах, нет, детей-то как раз у короля с королевой и не было, хотя женаты они были уже давно. Но вот наконец родила королева мальчика. Короля в это время не было дома: он уехал в дальние страны, и королева не стала давать имя сыну без отца.

— До возвращения короля, — сказала она, — мы будем называть мальчика просто Ничто-Ничего.

Однако короля пришлось ждать слишком долго, и мальчик успел вырасти в статного и красивого юношу.

Наконец король пустился в обратный путь. По дороге ему встретилась глубокая, бурная река, и он никак не мог переправиться через нее. Тут подходит к нему великан и говорит:

— Я могу тебя перенести!

— А что ты возьмешь за это? — спрашивает король.

— Да что с тебя взять? Ладно уж, Ничто-Ничего! Садись ко мне на спину, и я живо тебя перенесу.

Король ведь не знал, что так прозвали его сына — Ничто-Ничего. Вот он и сказал:

— Ничто так ничто, ничего так ничего! А мою благодарность получишь в придачу.

Вернулся король домой и очень обрадовался и своей жене, и большому сыну. Королева рассказала ему, что без него сыну не дали никакого имени, а звали его просто Ничто-Ничего.

Бедный король так и всплеснул руками.

— Что я наделал! — воскликнул он. — Ведь я обещал отдать великану Ничто-Ничего! За то, что он перенес меня на спине через реку.

Король и королева были несказанно опечалены, но они решили:

— Когда великан придет, мы отдадим ему сына нашей птичницы. Он и не заметит, что мальчика подменили.

На другой день великан явился к королю за обещанным. Король тотчас велел позвать сына птичницы, и великан взвалил его себе на спину и унес.

Долго шел великан, пока не увидел подходящую скалу. Сел на нее передохнуть и спрашивает:

— Эй ты там, на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А бедный паренек отвечает:

— Тот самый, когда моя матушка-птичница собирает яйца королеве на завтрак.

Тут великан очень рассердился, бросил мальчика и, разгневанный, вернулся назад к королю. На этот раз король и королева отдали ему сына садовника. Взвалил великан его к себе на спину и отправился восвояси. Добрался опять до той скалы, присел на нее отдохнуть и спрашивает:

— Эй ты там, на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А сын садовника отвечает:

— Да, наверное, тот самый, когда моя матушка собирает овощи для королевского обеда.

Тут великан уж совсем рассвирепел, вернулся в королевский дом и пригрозил, что уничтожит всех, если ему на этот раз не отдадут Ничто-Ничего.

Пришлось отдать ему королевича. Вот дошел великан до скалы и спрашивает:

— Который теперь час?

А Ничто-Ничего отвечает:

— Тот самый, когда мой отец-король обычно садится за ужин.

— Вот теперь я получил что хотел! — обрадовался великан. И он отнес Ничто-Ничего к себе домой.

Так и остался Ничто-Ничего в доме великана и жил там, пока не стал взрослым.

А у великана была красивая дочка. И вот она и Ничто-Ничего полюбили друг друга. Как-то раз великан и говорит Ничто-Ничего:

— Завтра я тебе задам работенку! Есть у меня конюшня в семь миль длиной и в семь шириной. Ее не чистили семь лет. Вычисти ее завтра к вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро дочка великана принесла Ничто-Ничего завтрак и застала его в горе и печали: как ни старался он вычистить конюшню, не смог. Выгребет всю грязь, а она опять нарастает.

— Не печалься, я помогу тебе! — сказала дочка великана и кликнула клич всем тварям земным и всем птицам небесным.

И тотчас со всего света к ней сбежались звери и слетелись птицы. Они вынесли из конюшни всю грязь и успели вычистить ее до возвращения великана. И великан сказал Ничто-Ничего:

— Стыд тому умнику, что помог тебе! Ну, ничего, на завтра у меня найдется для тебя работенка потруднее! Есть у меня озеро в семь миль длиной, семь миль глубиной и семь миль шириной. Осуши его завтра к вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро Ничто-Ничего ранёхонько принялся за работу и попробовал было ведром вычерпать воду из озера. Но озеро ничуть не убывало. Что делать? Тут дочка великана призвала на помощь всех рыб морских и приказала им выпить из озера воду, и они вмиг осушили его.

Увидел великан, что работа выполнена, разозлился и сказал:

— Ну, погоди! Вот завтра я задам тебе работенку так работенку! Есть у меня дерево высотой в семь миль и без единого сучка. А на самой верхушке гнездо, и в нем семь яиц. Принеси все яйца целехонькими, а не то попадешь-таки мне на ужин!

Наутро дочка великана позвала свою ручную змею, и та взвилась по могучему стволу до самой верхушки и достала все яйца целехонькими. Но когда Ничто-Ничего понес яйца великану, одно

нечаянно разбилось. Как быть? И вот решил он бежать вместе со своей милой. Дочка великана захватила с собой волшебную склянку, и они пустились бежать что было духу.

Но не успели отбежать и на три поля, как оглядываются и видят: мчится за ними во весь опор великан.

— Скорей, скорей! — вскричала дочка великана. — Вынь у меня из волос гребешок и брось на землю!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос гребень и бросил на землю. И тотчас из зубцов поднялись густые заросли шиповника. Не скоро удалось великану проложить себе дорогу через эти колючие заросли! Когда же он наконец пробрался сквозь них, Ничто-Ничего и его милая успели убежать далеко-далеко. Однако великан вскоре опять нагнал их и готов был вот-вот схватить.

Но тут дочка великана закричала:

— Вынь у меня из волос кинжал и брось на землю. Скорей, скорей!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос кинжал и бросил на землю. И в тот же миг из него выросла густая изгородь из острейших лезвий. Нелегко было великану через нее перебраться. Он ступал не спеша, осторожно, а тем временем беглецы мчались все дальше и дальше, и почти уже скрылись из виду.

Наконец великан перебрался через изгородь, и опять догнал их, и уже протянул руку, чтобы схватить Ничто-Ничего, но тут дочка великана достала свою волшебную склянку и бросила ее на землю. Склянка разбилась, и из нее выкатилась большая-пребольшая волна. А плавать великан не умел, так и пришлось ему бросить погоню и вернуться домой ни с чем.

А Ничто-Ничего с девушкой бежали все дальше, пока не прибежали, как вы думаете, куда? Да почти к самому замку его родителей. Но дочка великана так устала, что не могла дальше сделать ни шагу. И Ничто-Ничего отправился разыскивать ночлег, а девушке велел его ждать.

Пошел он прямо на огни королевского замка, да по дороге забрел в хижину птичницы — злой колдуньи. И вот когда Ничто-Ничего спросил у нее, как пройти к замку, она произнесла над ним колдовское заклинание, и едва он добрался до замка, как тут же у входа упал на скамью, словно мертвый.

В замке его никто не узнал — ведь прошло столько лет, как великан унес его. Король и королева хотели разбудить незнакомого юношу, но, сколько ни старались, ничего у них не получалось. И тогда король объявил, что та девушка, которая сумеет разбудить его, станет его женой.

А дочка великана все ждала и ждала своего милого. Она влезла на дерево, чтобы высмотреть его. А тем временем к тому самому месту пришла дочка королевского садовника. Под деревом был родник, и она хотела набрать в нем воды, как вдруг увидела в роднике отражение девушки. Увидела и решила, что это ее собственное отражение.

«Если я так мила, если я так хороша, зачем же посылать меня за водой?» — сказала себе дочка садовника, забросила подальше ведро и решила тотчас испытать, а не сможет ли она выйти замуж за спящего незнакомца.

Вот вернулась она домой и рассказала обо всем отцу. Но садовник очень удивился и подумал: тут что-то неладно. Спустился сам к роднику и тоже увидел отражение девушки. Взглянул наверх и все понял.

Помог он дочке великана слезть с дерева и стал расспрашивать, откуда она и почему спряталась тут.

Ну, дочка великана ему все и рассказала. Тогда садовник недолго думая отвел девушку в королевский замок. И только она вошла туда, как тотчас увидела Ничто-Ничего — он спал мертвым сном, сидя в кресле.

— Проснись, проснись! — позвала она. — Скажи мне хоть слово!

Но он не просыпался. Тогда король и королева спросили ее, откуда она знает этого юношу.

— Но ведь Ничто-Ничего столько лет прожил у нас в доме! — ответила девушка.

Как только король с королевой услышали это имя, они бросились обнимать и целовать спящего принца, а потом вдруг разрыдались оба.

— Что с вами? — спросила дочка великана. — О чем вы плачете?

— Мы так долго не видели нашего милого сына, — ответили они, — что думали, его уже нет в живых. А теперь он нашелся, но мы не можем его разбудить!

И тогда девушка вынула у себя из волос зеленую веточку и дала понюхать ее спящему принцу, и он тотчас проснулся. Велико же было

его изумление, когда он увидел рядом с собой и родителей, и свою милую!

Ну, чтобы не тратить лишних слов, скажем, что Ничто-Ничего и великанова дочка вскоре обвенчались. Правда, королю с королевой хотелось женить своего сына на знатной принцессе, но дочь великана была тоже неплохая невеста. И все зажили счастливо и жили до конца своих дней. А злую птичницу-колдунью прогнали.

Осел, столик и дубинка

Плохо жилось бедному Джеку. Родной отец, и тот его обижал. И вот решил Джек убежать из дому и пойти искать счастья по белу свету.

Бежал он, бежал, совсем из сил выбился, как вдруг наскочил на маленькую старушку, собиравшую хворост. Джек так запыхался, что даже не попросил у старушки извинения. Но старушка была добрая. Она сказала, что Джек, по всему видно, славный мальй, и, если он пойдет к ней в работники, она ему хорошо заплатит. Джек согласился, потому что уже порядком проголодался.

Старушка привела Джека в свой домик — тот стоял в лесу, — и Джек прослужил ей двенадцать месяцев и один день. Когда год прошел, старушка позвала Джека к себе и сказала, что приготовила ему хорошую награду. Потом вывела из стойла осла и велела Джеку потянуть его за уши. Осел заревел: «И-а-а-а!» — и тут изо рта у него посыпались серебряные шестипенсовики, полукроны и даже золотые гинеи!

Парню пришлось по душе такая плата. Сел он на осла и поехал. Добрался до постоялого двора и заказал себе все самое лучшее. Но хозяин потребовал деньги вперед — иначе не хотел подавать ему. Тогда

Джек отправился на конюшню, потаскал осла за уши и набил себе карманы деньгами. Да на беду в двери конюшни была щель, и хозяин все подсмотрел, а когда настала ночь, подменил Джекова драгоценного осла своим обыкновенным. Джек ничего не заметил и утром отправился домой.

Теперь нужно вам сказать, что по соседству с домом Джека жила бедная вдова, у которой была одна-единственная дочка. Девушка дружила с Джеком, а потом они полюбили друг друга. Вот Джек и попросил отца позволить ему жениться на ней, но тот ответил:

— Не позволю, пока у тебя не будет денег, чтобы прокормить жену!

— Деньги у меня есть, отец! — сказал Джек. Пошел к ослу и принялся тянуть его за длинные

уши. Тянул-тянул, чуть уши ему не оторвал, но ни гинеи, ни даже полукроны не получил. Осел только ревел: «И-аа-и-аа!» — а денег не выплевывал.

— Это что за шутки такие? — рассердился отец.

— Не сердись, отец, — ответил Джек, — просто это не тот осел. Вчера у меня был другой, ей-ей!

— Не знаю, какой был вчерашний, только вижу, что ты сам остался прежним ослом!

Тут отец схватил деревянные вилы и вытолкнул сына из дома. Джек бросился бежать со всех ног и все бежал и бежал, пока не влетел в какой-то дом. А была это столярная мастерская.

— Ты как видно, славный малый! — сказал Джеку столяр. — Послужи-ка мне двенадцать месяцев и один день, и я хорошо тебе заплачу.

Джек согласился и прослужил у столяра год и один день.

— Ну, вот тебе твое жалованье, — сказал хозяин и подал Джеку столик. — Крикни: «Столик, накройся!» — и на нем тотчас появятся любые кушанья и напитки.

Джек взвалил столик себе на спину и пошел куда глаза глядят. Шел-шел, пока не добрался до того постоянного двора, где ночевал раньше.

— Эй, хозяин! — закричал он. — Обед мне! Поживей да повкусней!

— Очень сожалею, но у нас нет ничего, кроме ветчины и яиц!

— Это мне-то ветчину и яйца?! — воскликнул Джек. — Коли так, я и без вас обойдусь. А ну-ка, столик, накройся!

И в тот же миг на столике появились разные колбасы, индейка, жареная баранина, картофель, зелень. Хозяин постоянного двора только глаза выпучил от удивления, но ни словечка не проронил. Когда же настала ночь, он притащил с чердака свой столик, а столик Джека оставил себе. Столики с виду были почти одинаковые, и наутро Джек опять ничего не заметил. Взвалил никудышный столик на спину и понес домой.

— Ну, отец, теперь можно мне жениться на моей милой? — спросил он отца.

— И не думай, если не сможешь ее прокормить! — ответил отец.

— Послушай, отец! — воскликнул Джек. — У меня есть волшебный столик. Крикну ему: «Столик, накройся!» — и на нем мигом появится все, чего я захочу.

— Так покажи мне его! — сказал старик.

Джек поставил столик посреди комнаты и приказал ему накрыться, но ничего на нем не появилось. Отец рассердился, схватил с полки жаровню и так огрел ею сына по спине, что тот взвыл от боли и бросился вон из дому.

Бедный Джек бежал сломя голову, пока не добежал до речки и не свалился в воду. Но какой-то человек вытащил его и попросил помочь ему построить мост через эту реку. А как, думаете вы, он строил мост? Да просто-напросто перекидывал дерево с берега на берег.

Вот Джек забрался на верхушку дерева и всей своей тяжестью повис на ней, а когда человек подрыл корни, Джек вместе с деревом повалился на другой берег.

— Спасибо! — сказал человек. — Сейчас я тебе заплачу за услугу. Он отломил от дерева ветку и обстругал ее ножом.

— Вот, получай эту дубинку! — сказал он. — Скажи ей только: «Бей его, дубинка!» — и она свалит с ног любого, кто тебе досадит.

Джек очень обрадовался такой дубинке, и пошел прямо на постоянный двор, и, как только появился хозяин, закричал:

— Бей его, дубинка!

Не успел он это крикнуть, как дубинка вырвалась у него из рук и принялась колотить хозяина и по спине, и по голове, и по рукам, и по бокам, пока тот со стоном не повалился на пол. А дубинка все не

унималась: Джек не останавливал ее, пока хозяин не вернул ему осла и столик.

И вот поехал Джек домой на осле, со столиком на плечах и с дубинкой в руке. А когда приехал, оказалось, что отец его умер.

Отвел Джек ослика в стойло и таскал его за уши, пока ослиная кормушка не наполнилась деньгами.

Вскоре разнеслась по городу весть, что Джек вернулся домой и что денег у него куры не клюют. Тут все местные девицы принялись за ним охотиться.

— Вот что, — объявил им Джек, — я женюсь на самой богатой девушке в округе. Приходите завтра все к моему дому да прихватите в передниках свои деньги.

Наутро вся улица была полным-полна девушек, и каждая с трудом поддерживала свой передник с золотыми да серебряными деньгами. Прежняя невеста Джека тоже пришла, но у нее не было ни золота, ни серебра, только два медных пенса — вот и все ее богатство.

— Отойди-ка в сторонку, милая! — строго сказал ей Джек. — У тебя ведь нет ни золота, ни серебра, тебе здесь не место.

Девушка отошла. И тут из глаз ее градом покатились слезы, упали в передник и вдруг превратились в алмазы.

— Ну, — промолвил Джек, — выходит, ты богаче всех, так на тебе я и женюсь!

А остальным девицам пришлось уйти ни с чем.

Но как потом Джек сам говорил, он женился бы только на своей невесте, даже если бы у нее не было и одного пенса.

Джек и золотая табакерка

В доброе старое время — а оно и правда было доброе время, хотя было оно не мое время и не ваше время да и ничье-то время, — жили в дремучем лесу старик со старухой, и был у них один-единственный сын по имени Джек. Джеку не случалось видеть никого, кроме своих родителей, но из книг он знал, что на свете живут и другие люди. Книг у него было очень много, и он каждый день читал их. А когда Джек читал про хорошеньких принцесс, ему всякий раз так хотелось увидеть хоть одну из них! И вот в один прекрасный день, только отец его ушел рубить дрова, он возьми да и скажи матери, что собирается покинуть родной дом.

— Ну, что я здесь вижу? — сказал Джек. — Всё деревья да деревья. Хочется мне в чужих краях пожить — и себя показать, и на людей посмотреть. Не все же с отцом-матерью сидеть!

Отец Джека долго не возвращался, и бедная старуха сама принялась наставлять сына:

— Так и быть, мой горемычный, коли задумал уходить, значит, лучше тебе уйти. Так тому и быть. Да благословит тебя Господь... — Старая желала сыну добра, когда говорила так. — Но постой-ка,

погоди! Скажи, какой пирог тебе испечь на дорогу, маленький с моим благословением или большой с моим проклятием?

— Ну, конечно же, маленький, — ответил Джек. И мать испекла ему маленький пирог. А потом поднялась на чердак и, пока Джек не скрылся из глаз, посылала ему вслед свои благословения.

Вскоре Джек повстречался с отцом, и старик спросил его:

— Куда идешь, мой горемычный?

Сын рассказал отцу то же, что и матери.

— Эх, — молвил отец, — горько мне, что ты нас покидаешь. Но раз уж ты решил уходить, значит, лучше тебе уйти.

Однако не успел Джек отойти, как отец опять окликнул его. Вытащил старик из кармана золотую табакерку и сказал Джеку:

— На, возьми-ка эту коробочку и спрячь в карман. Только смотри не открывай ее, пока не окажешься на волосок от смерти!

И пошел Джек своею дорогой, и все шел и шел, пока из сил не выбился. Да и есть захотелось — пирог-то он съел еще раньше. К тому времени настала ночь, и он едва различал дорогу. Вдруг вдалеке затеплился огонек, Джек зашагал на него и пришел к какому-то дому, разыскал черный ход и постучался в дверь. Из дома вышла служанка и спросила, чего ему надо. Джек ответил, что на дворе ночь, а ему негде переночевать. Служанка пригласила его в дом, к очагу, и подала ему всякой еды: и жареного мяса, и хлеба, и пива.

А пока Джек сидел у огня и ужинал, в комнату вошла молодая леди, хозяйская дочь, — посмотреть на него. Она тут же влюбилась в него, а он в нее. И вот молодая леди побежала к отцу, рассказала ему об этом и добавила, что прекрасный юноша сидит у них в кухне. Отец тотчас вышел к Джеку и стал его расспрашивать, что он умеет делать и всякое такое. А Джек, глупый парень, возьми да и скажи:

— Все умею!

Он имел в виду всякую пустяковую работу по дому.

— Ну хорошо, — сказал тогда отец девушки. — Раз ты все умеешь, завтра к восьми утра пусть разольется перед моим домом огромное озеро, а по озеру пусть поплывут самые большие, какие только есть на свете, военные корабли. Один корабль должен отдать мне королевский салют и последним выстрелом выбить ножку у кровати, на которой спит моя младшая дочь. А если ты всего этого не сделаешь, распрощаешься с жизнью!

— Ладно, — ответил Джек и отправился спать. Он проспал почти до восьми, так что уж некогда было раздумывать, как теперь быть. И вдруг он вспомнил про золотую табакерку, которую дал ему отец. «Ну и ну, — подумал Джек, — никогда я не был вот так на волосок от смерти, как сейчас!»

Он пошарил у себя в кармане и вытащил отцовскую табакерку. И только он открыл ее, как из табакерки выскочили три человечка в красных шапочках и спросили:

— Что прикажешь?

— Вот что! — ответил Джек. — Сделайте так, чтобы сию минуту перед этим домом разлилось огромное озеро, а по нему поплыли самые большие, какие только есть на свете, военные корабли. Пусть один корабль даст королевский салют, да так, чтобы последним выстрелом выбить ножку у кровати, на которой спит молодая леди — хозяйская дочь.

— Все сделаем! — сказали человечки.

И едва Джек успел отдать приказ человечкам, как пробило восемь и — бэнг! Бэнг! — раздался залп с самого большого военного корабля. Джек вскочил с постели, бросился к окну и увидел такие чудеса, каких — уверяю вас — никогда не видывал! Да и не мог видеть — ведь всю жизнь он провел с отцом и матерью в лесу.

Вот Джек оделся, помолился и вышел, ухмыляясь, — он был очень доволен, что все так хорошо получилось. А господин, отец девушки, подошел к нему и говорит:

— Ну что ж, молодой человек, должен сказать, ты и в самом деле ловкий парень! А теперь пойдем позавтракаем! — И он добавил: — Но тебе придется выполнить еще два задания. Вот выполнишь, тогда и женись на моей дочери.

За завтраком Джек не сводил глаз с молодой леди, а она с него. После завтрака господин приказал Джеку свалить все высокие деревья на многие мили вокруг, да не когда-нибудь, а ровно к восьми часам следующего утра.

Ну, не тратя лишних слов, скажем, что все было выполнено. Господин остался очень доволен и сказал Джеку:

— А теперь тебе вот какое дело, и это уж последнее. Построй мне к завтрашнему утру прекрасный замок на двенадцати золотых столбах.

Пусть к замку явится вымуштрованный полк солдат, и ровно в восемь командир должен скомандовать: «На пле-чо!»

— Ладно! — ответил Джек.

А когда наступило третье утро, было сотворено третье, и последнее, великое чудо. Джеку разрешили жениться на молодой леди. Но если бы он только знал, что ждало его впереди!

По случаю помолвки дочери господин устроил большую охоту и пригласил на нее самых знатных гостей. Заодно он хотел показать и свой новый замок. А Джеку он подарил отличную лошадь и красное охотничье платье.

В то утро слуга, убирая одежду Джека, опустил руку в один из карманов его жилета и вытащил золотую табакерку. Несчастный Джек оставил ее там по оплошности! Слуга открыл табакерку, из нее выскочили три человечка в красных шапочках и спросили:

— Что прикажешь?

— Вот что, — сказал слуга, — перенесите этот замок подальше отсюда, куда-нибудь за море!

— Хорошо, — сказали человечки. — И тебя вместе с ним?

— Конечно! — ответил слуга.

— Ну, держись! — сказали человечки и полетели далеко-далеко за широкое море.

Вернулись знатные гости с охоты, а замка на двенадцати золотых столбах как не бывало! Бедняге Джеку пригрозили, что в наказание за обман у него отнимут его красавицу невесту. Но в конце концов порешили на том, что Джеку дается двенадцать месяцев и один день на поиски пропавшего замка. И он тронулся в путь на добром коне и с деньгами в кармане.

Да, так вот отправился бедняга Джек искать свой пропавший замок по горам и по долам, по равнинам и холмам, по дремучим лесам, по звериным тропам. Куда только не забредал — рассказать невозможно, да и не хочется.

Наконец попал в те края, где жил мышиный король. У ворот королевского замка стоял на часах мышонок. Он попытался задержать Джека, но тот спросил:

— А где король? Мне надо его видеть!

Тогда мышонок показал Джеку дорогу. Мышиный король принялся расспрашивать Джека и любопытствовал, куда Джек

держит путь. Что ж, Джек рассказал ему всю правду: как он потерял свой прекрасный замок и теперь вот отправился его искать, и что для этого ему дали сроку ровно год и один день. Под конец Джек спросил мышиноного короля, не слыхал ли тот чего-нибудь об этом.

— Нет, — ответил король, — но я владыка всех мышей на свете! Завтра утром я их созову. Может, они видели твой замок.

Джека хорошенько накормили и уложили спать. А утром он вместе с королем вышел в поле.

Король созвал мышей со всего света и спросил, не случилось ли им видеть большой и прекрасный замок на золотых столбах. Но все мыши ответили «нет», никто не видел его. Тогда старый король сказал Джеку, что есть у него еще два брата:

— Один из них — король всех лягушек, а другой, самый старший, — король всех птиц на свете. Ступай к ним! Может быть, они что-нибудь знают о пропавшем замке. Своего коня оставь пока у меня, а себе возьми любого из моих лучших скакунов. Да передай моему брату вот этот пирог. Тогда он поймет, от кого ты идешь. И запомни, ты должен сказать ему, что я здоров и очень хочу его видеть.

И мышиный король распрощался с Джеком.

Когда Джек выходил из ворот, мышонок-часовой сказал ему:

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Не стоит, — ответил Джек, — как бы король не рассердился!

Но малыш стоял на своем:

— Лучше возьми меня с собой! Может, пригожусь тебе.

— Ну, прыгай ко мне в карман! — согласился Джек.

Мышонок вбежал по лошадиной ноге и спрятался у Джека в кармане.

И вот Джек пустился в дорогу. Это был только первый день пути, а путь предстоял такой дальний. Но в конце концов Джек добрался до лягушечьего королевства. У ворот замка на часах стоял лягушонок с ружьем на плече. Он хотел было помешать Джеку войти, но когда Джек сказал, что желает видеть самого короля, пропустил его.

Только Джек подошел к дверям, как навстречу ему вышел лягушечий король и спросил, что ему надо. И Джек рассказал королю все с начала до конца.

— Ну, ну, заходи! — пригласил его король.

Джека и здесь хорошо угостили и уложили спать. А утром король созвал лягушек со всего света и спросил их, не случилось ли им видеть замок на двенадцати золотых столбах. Но лягушки смешно заквакали: «Ква-ква, ква-ква» — и ответили: «Нет!»

Пришлось Джеку взять другого коня и другой пирог и отправиться к третьему брату — королю всех птиц на свете.

У ворот маленький лягушонок-часовой попросил Джека:

— Возьми меня с собой!

Сначала Джек отказался, но потом крикнул:

— Прыгай! — и спрятал лягушонка в другой карман, а потом тронулся в путь.

На этот раз Джеку пришлось пройти втрое больше. Наконец он добрался до места. Прелестная птичка стояла там на часах. Джек прошел мимо нее — она ни слова ему не сказала. Джек поговорил с королем и рассказал ему все-все об исчезнувшем замке.

— Что ж, — ответил ему птичий король, — завтра утром ты услышишь, знают ли мои птицы что-нибудь про твой замок или нет.

Отвел Джек своего коня на конюшню, потом слегка закусил и улегся спать. А когда утром встал, вышли они с королем в поле. Птичий король кликнул по-своему, и к нему слетелись птицы со всего света.

Король спросил их:

— Видели вы замок на двенадцати золотых столбах?

И все птицы ответили: — Нет!

— Очень жаль, — молвил король. — Но я не вижу среди вас нашего орла.

За орлом тотчас послали двух птичек. И когда он прилетел, король спросил, не видал ли он замка на золотых столбах, и орел ответил:

— Видал! Я прилетел как раз оттуда.

— Так слушай, — сказал ему король, — этот молодой джентльмен потерял его. Ты должен отнести его обратно к замку. Но постой, сначала подкрепишь!

И тогда зарезали телянку и лучшие куски подали орлу, чтобы он наелся хорошенько — ведь путь-то предстоял дальний, через море да еще с Джеком на спине.

И вот наконец Джек увидел свой замок. Тут он стал ломать себе голову, как же ему отыскать золотую табакерку. Мышонок предложил:

— Спусти меня на землю, и я принесу тебе табакерку!

И правда, мышонок незаметно прошмыгнул в замок и схватил табакерку. Но когда бежал назад, то нечаянно уронил ее, и его чуть не изловили. К счастью, ему удалось удрать!

— Принес? — спросил его Джек.

— Принес! — ответил мышонок.

— Ну, в путь! — сказал Джек. — Нам надо уже торопиться. И он спрятал мышонка в карман, сам сел верхом на орла, и они полетели. Но случилось так, что как раз когда пролетали над морем, мышонок и лягушонок заспорили, кому из них держать табакерку. Они стали вырывать табакерку друг у друга и — вот беда-то! — уронили ее на дно моря.

— Ну что ж, — сказал лягушонок Джеку, — я ведь знал, что пригожусь тебе. Пусти-ка, я спрыгну в море!

Три дня и три ночи лягушонок пробыл под водой и наконец достал табакерку. На этот раз Джек спрятал свою табакерку поглубже в жилетный карман, и орел понес всех через море и через горы к замку птичьего короля. Здесь Джек поблагодарил короля всех пернатых на свете за помощь, попрощался с орлом, сел на коня и поскакал к лягушечьему королю.

Джек передал королю всех лягушек на свете привет от его старшего брата, взял нового коня и поскакал к мышиному королю. Он распрощался с королем всех мышей на свете, сел на своего коня и повернул к дому. Но бедный Джек так устал, что заснул в седле, и, если бы не три человечка из табакерки, он наверняка заблудился бы и опоздал к сроку. Хорошо, что человечки вывели его на дорогу.

Наконец Джек приехал в дом к своему тестю. Но тот принял его совсем не ласково — ведь Джек вернулся без замка. А что обиднее всего, — даже молодая леди, его невеста, не вышла встречать Джека: родители ее не пустили.

Но вот Джек, недолго думая, достал отцовскую золотую табакерку, открыл ее и приказал человечкам лететь скорее за замком. И не успели человечки опустить замок на землю — глядь, а навстречу Джеку выбегает из дома его красавица невеста. Ну, они обвенчались, сыграли веселую свадьбу и зажили счастливо.

Питер-Простачок

Жил в одной деревне парень. Звали его Питер. Был он мальй добрый, пригожий, сильный, но уж очень простоватый. Материнских кур и то еле умел пересчитать, а их и было-то два десятка. Когда мать давала Питеру шиллинг и просила купить всего на три пенса, он никак не мог сосчитать, сколько придется сдачи. А пошлет его мать на базар, его непременно надуют.

И не то чтобы он был лентяй или пустомеля какой-нибудь, просто бедняге Питеру не хватало ума.

— Эх, мама, — говаривал Питер, — будь я хоть чуточку поумней, тебе бы куда легче жилось!

— Да, Питер, — вздыхала мать, — умом тебя Бог обидел, что и говорить. Зато сердце у тебя доброе и силенок на двоих хватит, так что не печалься. Лучше сбегай наверх да принеси мне три пуговицы. Я пришью их к твоей куртке. Только запомни хорошенько — три пуговицы! Не две и не четыре, а три.

Но все равно, Питер не мог успокоиться, что он такой глупый, и то и дело приставал к матери и спрашивал, как же ему набраться ума. Наконец мать не выдержала и сказала:

— Ну, коли тебе так уж хочется поумнеть, ступай к мудрой старухе, что живет вон на том холме. Говорят, она и впрямь мудрая. У нее и волшебные книги есть, и разные порошки, и травы. Она все знает, может, и тебе ума прибавит.

Питер закончил свою работу и отправился к холму. Взобрался на самую вершину и увидел там хижину старой вещуньи. Из трубы валил дым, а на пороге спал черный кот.

«Хорошая примета», — подумал Питер и постучал в дверь.

Никто не ответил. Тогда он осторожно приподнял щеколду и заглянул в дом. Спиной к нему у огня сидела старуха и что-то помешивала в черном чугушке. Она не обернулась и не промолвила ни слова. Но Питер все-таки вошел в комнату и сказал:

— Добрый день, бабушка! Хороша погодка нынче, а?

Старуха ничего не ответила и продолжала помешивать в чугушке.

— Завтра, может, дождичек пойдет, — продолжал Питер.

Но старуха опять ничего не ответила.

— А может, не пойдет, — прибавил он, не зная, о чем говорить дальше.

А старуха все мешала и мешала что-то в черном чугушке.

— Ну, насчет погоды я все сказал, теперь можно и о деле, — расхрабрился Питер. — Я, видите ли, того, малость простоват. Так вот, не прибавили бы вы мне хоть чуточку ума? Потому что...

— Ума? — переспросила старуха. Тут она отложила ложку и в первый раз взглянула на Питера. — Что ж, изволь! Только вот какого ума ты просишь? Если генеральского или учительского, я вряд ли помогу тебе. Ну, говори, какой ум тебе нужен?

— Да самый обыкновенный, — ответил Питер. — Не большой, не маленький — такой, как у всех.

— Хорошо, — сказала старуха. — Будет у тебя такой ум, только сначала принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете. Понял? А когда принесешь, я загадаю тебе загадку, чтобы узнать, то ли ты принес, что я велела. Ну, теперь ступай!

И, не дожидаясь ответа, она взяла чугунок и вышла с ним из кухни, так что Питеру оставалось только уйти.

Он спускался с холма и все думал о словах старой вещуньи. «Сердце того, кого я люблю больше всего на свете... Кто бы это мог быть?»

Не часто приходилось Питеру так ломать себе голову.

Вернулся он домой и рассказал матери, что ответила ему старуха. Мать подумала-подумала и говорит:

— По-моему, больше всего на свете ты любишь жирную свинину. Давай зарежем нашу старую свинью, а сердце ее ты отнесешь вещунье.

Зарезали старую свинью, вынули у нее сердце, и на другой вечер Питер понес его в хижину на холме.

Старуха сидела в кресле у огня и читала огромную книгу. Она не подняла головы, а Питер положил свиное сердце на стол и сказал:

— Вот, я принес сердце того, кого люблю больше всего на свете. Подойдет?

Старуха оторвалась от книги.

— Что бежит без ног? — спросила она. — Ответь-ка мне!

— Бежит без ног? — переспросил парень, почесал в затылке и задумался.

Думал-думал, даже голова заболела. А старуха все читала свою книгу. Наконец Питер вымолвил:

— Вот что, я... я не знаю.

— Ну, выходит, ты принес не то, что я велела, — сказала вещунья. — Забирай это и уходи!

Бедному Питеру ничего не оставалось, как забрать свиное сердце и уйти. А когда он вернулся домой, то нашел свою мать в постели. Она занемогла вдруг и теперь лежала при смерти. Питер только успел проститься с ней, и она умерла. Долго стоял он у ее постели на коленях и все плакал и плакал, никак успокоиться не мог.

Он вспоминал, какая мать у него была добрая, ласковая, как она любила его, как жалела, когда он был маленький, как лечила все его синяки и ушибы, как чинила ему платье, кормила его и разговаривала с ним по вечерам.

«Как же мне теперь жить без нее? — думал Питер. — Ведь я любил ее больше всего на свете».

И тут он вспомнил слова вещуньи: «Принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете».

— Нет, ни за что я этого не сделаю! — воскликнул Питер.

Но на другое утро он решил, что можно и не вынимать сердце, а просто отнести мать на холм к старой вещунье.

Так он и сделал — ведь именно теперь ему очень не доставало умной головы на плечах.

Вошел он со своей ношей к старухе и сказал:

— Теперь я вам и вправду принес то, что мне дороже всего на свете. Это моя покойная мать. Так что прибавьте мне ума, как обещали.

— Скажи-ка мне, — промолвила вещунья, — что такое — желтое, сияет, а не золото?

— Желтое, сияет, а не золото? — задумался Питер. — Это... это.

Но хоть убей, не мог придумать ответа и наконец сказал:

— Не знаю.

— Ну, так и нынче не поумнеешь! Да ты, я вижу, и впрямь совсем простачок. Наверное, так никогда и не наберешься ума.

И пришлось Питеру опять ни с чем уходить от старухи вещуньи. Но домой возвращаться ему не хотелось — очень уж тяжело было у него на душе. Сел он у дороги и горько заплакал.

Вдруг кто-то окликнул его ласковым голосом. Он поднял голову и увидел хорошенькую девушку — она глядела на него и улыбалась.

— Что с тобой? — спросила она. — Такой здоровенный детина и плачешь!

— Я простачок, — отвечал Питер, — ума у меня не хватает. Да к тому же умерла моя мать и оставила меня одного-одинешенька. Как же мне теперь жить-то? Кто меня будет кормить, одевать, ходить для меня на базар? И слова не с кем теперь перемолвить, некому меня теперь утешить. Бедный я, горемычный!

— Ну-ну, не печалься, — сказала Дженни, так звали девушку. — За таким простачком, как ты, присматривать нужно. Хочешь, я пойду с тобой и буду о тебе заботиться?

— Что ж, если тебе так хочется, пойдем, — отвечал Питер. — Только ты сама скоро увидишь, что я дуралей, каких мало, да таким, видно, и останусь, если не удастся как-нибудь нажить себе ума.

— Это ничего! — сказала Дженни. — Как говорится: чем глупее жених, тем покладистее муженек. Хочешь взять меня в жены?

— А стряпать ты умеешь? — спросил Питер.

— Конечно! — ответила Дженни.

— А шить и штопать?

— Ну, еще бы!

— А считать яйца? А складывать фунты, шиллинги и пенсы?

— Умею, умею!

— Ну тогда, если ты согласна выйти за меня, — обрадовался Питер, — я на тебе женюсь.

И пошли они в деревню вместе.

Вот схоронили мать Питера, вся деревня поплакала по ней, а потом Питер и Дженни сыграли свадьбу и зажили вместе в его домике.

Вскоре Питер увидел — хоть и был он простачком, — что жена ему досталась, каких мало. Она и стряпала, и шила, и прибирала, да все так весело и охотно, а главное — всегда умела порадовать его шутками да ласковым словом.

Правда, и Питер оказался неплохим мужем. Он тоже работал весело и с охоткой. Все ему было нипочем — лишь бы думать самому не приходилось. Не было для него ни слишком тяжелых нош, ни слишком длинных дорог. Счастливая получилась парочка, что и говорить!

— Знаешь что, Дженни? — сказал как-то вечером Питер. — Я понял, что люблю тебя больше всех на свете.

И тут его словно осенило.

— Слушай, — продолжал он, — да неужто вещунья хотела, чтобы я убил тебя и принес ей твое сердце? Как ты думаешь, неужто она этого хотела?

— Вряд ли, — ответила Дженни. — Да конечно, нет! Никто и не говорит — убивать. Ты можешь отвести меня к ней живую, как я есть, с сердцем и всем прочим.

— Ты очень хорошо это рассудила! — обрадовался Питер. — Как я сам не додумался? Верно, пойдём к ней вместе. Но постой, сначала скажи, что бежит без ног?

— Река, — ответила Дженни. — Нетрудно догадаться!

— Река? — повторил простачок. — Так оно и есть! И как это я сам не догадался? А теперь ответь, что такое: желтое, сияет, а не золото?

— Солнце! — ответила Дженни не задумываясь. — Любой ребенок такую загадку отгадает.

— Солнце? — переспросил Питер удивленно. — Ну да, оно и светит, и желтое, а не золотое. Что за голова у тебя, Дженни! Во всей Англии не найдется жены умнее тебя. Идем скорей, может, старуха и мне прибавит немножко ума, чтобы я стал достойным тебя.

И вот они вместе поднялись на холм и как раз застали вещунью дома.

— Наконец-то я привел вам ту, кого люблю больше всех на свете, — сказал Питер. — Вот она, тут и сердце ее, и вся она. И уж если вы и теперь не прибавите мне ума, значит, вы не мудрая женщина, а просто-напросто плутовка и обманщица!

— Присядьте-ка оба! — сказала старуха.

Они повиновались, а старуха повернулась к Питеру и сказала:

— Слушай мою загадку. Кто родился без ног, отрастил две, а потом четыре?

Бедняжка Питер думал-думал, но все не находил ответа. Тут Дженни шепнула ему на ухо:

— Головастик! Ответь: головастик.

— Головастик! — выпалил Питер.

— Верно, — сказала старуха. — Ну, я вижу, теперь у тебя и без меня ума хватает. Ты только почаще спрашивай совета у своей жены!

Что ж, Питер так и сделал и остался очень доволен советом мудрой старухи.

Синяя Борода

Жили-были три брата, Джек, Том и Билл. Билл был старшим, потом шел Том, а последним Джек. Они работали в поле далеко от дома, и каждый по очереди оставался готовить для всех обед. В первый день остался дома Билл, старший из братьев. Зажарил Билл мясо над очагом, сварил репы, картошки, приготовил все как надо и протрубил в рог — в то время еще не было колокольчиков, чтобы сзывать на обед.

Только он протрубил, как появляется из лощины старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и спрашивает:

— Ты звал обедать?

— Звал, только не тебя, — отвечает Билл.

Ему совсем не хотелось, чтобы старик съел весь обед, который он приготовил для себя и своих братьев.

— Ну, это мы посмотрим, — говорит Синяя Борода.

И он вошел без приглашения в дом и съел весь обед.

Когда братья вернулись с поля, они спросили, что же Билл делал весь день, если не успел даже приготовить обед.

— Я сварил прекрасный обед, — сказал Билл, — но пришел старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и без приглашения сел за стол и съел весь обед. На что Том, средний брат, сказал:

— Был бы я дома, не видать бы ему нашего обеда!

— Что ж, — ответил ему на это Билл, — завтра твоя очередь готовить, вот мы и посмотрим.

На другой день Том подвесил мясо жариться над очагом, а сам в это время начистил репы, картошки и тыквы, поставил их на огонь тушиться, испек свежий хлеб — словом, приготовил обед на славу и вышел на порог дома, чтобы протрубить в рог.

Не успел протрубить, как появляется из лощины старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и спрашивает:

— Ты звал обедать?

— Звал, только не тебя, — отвечает Том.

— Ну, это мы посмотрим, — говорит Синяя Борода.

И он вошел в дом и съел весь обед, только чуть-чуть тыквы оставил.

Когда братья вернулись, Джек спросил Тома:

— Что же ты не сберег для нас обед? На что Том ответил:

— Завтра твоя очередь готовить, посмотрим, как ты его сбережешь.

На другой день Джек приготовил обед и вышел из дому, чтобы протрубить в рог. Тут из лощины появился старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки,

и Джек ему говорит:

— Заходи, дедушка, отведай моей стряпни.

— Не хочу! — отвечает Синяя Борода.

— Ну как же так, обязательно заходи, будешь с нами обедать.

— Не хочу! — говорит Синяя Борода, потом обошел вокруг дома и направился назад к лощине.

А Джек, не будь дураком, пошел следом за ним и увидел, как Синяя Борода спустился в глубокую пещеру.

Как раз к этому времени братья вернулись домой, не увидели Джека и подумали, что Синяя Борода вместо обеда съел его самого. Но только они сели за стол, как появился Джек и все им рассказал.

После обеда братья решили отправиться все вместе к пещере Синея Бороды. С собой они взяли большую круглую корзину с кожаной ручкой, к которой привязали длинную веревку.

— Ну, садись в корзину, мы тебя спустим в пещеру! — сказал Билл Джеку.

— Нет, по очереди, — сказал Джек. — Кто старший, тот первый.

Пришлось Биллу сесть в корзину первому, и братья спустили его в пещеру. А когда он дернул за веревку, они его вытащили и спросили, что же он увидел.

— Я спускался вниз, пока не увидел дом. Тогда я дернул за веревку.

— Зачем же ты так быстро дернул за веревку? — удивился Том. — Надо было посмотреть, что это за дом.

— Теперь твоя очередь спускаться, вот ты и посмотришь, — ответил Билл.

Том сел в корзину, и братья спустили его в пещеру, и он очутился прямо на крыше дома. Но испугался и тут же дернул за веревку.

— Вы оба ни на что не годитесь, — сказал Джек и сам сел в корзину.

Он спустился на дно пещеры, где стоял дом, и заглянул в окошко. В комнате он увидел девушку, прехорошенькую!

— Ты самая красивая девушка на свете, — сказал ей Джек. — Красивей я не встречал. Выходи за меня замуж!

— Нет, — ответила она. — Лучше уходи скорее отсюда! Синяя Борода убьет тебя.

— Что ты, Синяя Борода меня не тронет. Мы с ним друзья! Садись в корзину, и мои братья поднимут тебя наверх. А следом за тобой и я поднимусь.

Девушка с радостью согласилась, только перед тем как лезть в корзину, сняла с пальца колечко и протянула Джеку.

— Это кольцо желаний, — сказала она. — Береги его!

Джек взял колечко и дернул за веревку.

Когда братья вытащили наверх корзину и увидели в ней хорошенькую девушку, они тут же влюбились в нее и стали спорить, за кого она пойдет замуж. И не только спорить — дело дошло даже до драки, хотя девушка прямо им сказала, что ни за кого не пойдет, кроме Джека.

— Нет, не бывать этому, — сказали братья. — Мы Джека оставим внизу.

И они отбросили корзину и принялись опять спорить и драться из-за девушки.

А бедный Джек ждал, ждал, пока за ним спустят корзину, да так и не дождался. И сидеть бы ему в этой пещере неизвестно сколько, не вспомни он про колечко, какое дала ему милая девушка. Джек покрутил колечко и сказал:

— Эх, хорошо бы мне сейчас сидеть дома, у жаркого очага, да попыхивать моей вересковой трубочкой!

Не успел сказать — как очутился дома. В очаге горел яркий огонь, а перед очагом сидела милая девушка.

— Ой, Джек! — воскликнула она, увидев его.

И они поженились. И когда я видел их в последний раз, были очень довольны и счастливы.

Выгодная сделка

В давнюю пору в графстве Линкольншир между полями и фермами всегда рыли канавы и рвы. Так уж было заведено.

Жил тогда в Намби фермер по имени Нэш. Дела у него шли неплохо, и он надумал прикупить себе землю, которая лежала по соседству с его собственной. Запросили за нее совсем недорого. По правде сказать, его даже смутило, что так недорого. Но он решил: значит, такая ему удача.

И он отправился в город, чтобы уладить все дела и подписать купчую, а вечером пошел посмотреть на свою новую землю. Шел он не спеша, обдумывая на ходу, где поставить новую калитку — вы, наверное, знаете, что свои поля англичане испокон веку обносят живыми изгородями и для удобства делают в этих изгородях калитки, — да, так вот, где поставить новую калитку, а где перекинуть через ров еще один мостик. Без мостика теперь никак было не обойтись, иначе как же тачку с поля на поле перевозить, или там плуг, или еще что-либо. Однако не успел он перепрыгнуть через ров и ступить на новую свою землю, как навстречу ему — ну, кто бы вы

думали? — сам хвостатый, косматый страшила! Уфф, ну и великанище! А руки — не руки, а ручищи, длинной оглоблей.

— Что это ты тут расхаживаешь по моей земле, а? — строго спрашивает у фермера косматый страшила.

— По твоей? — только и посмел вымолвить мистер Нэш, хотя на языке у него вертелось и кое-что похлеще, да он счел, что с таким здоровенным страшилой — ну точно шестигодовалый жеребец, не меньше! — заводиться не стоит, умней поговорить по-хорошему.

— А по чьей же? Это моя земля! — заорал страшила.

Ну, присели оба, чтобы обсудить, что и как. Мистер Нэш сказал, что это его земля и он ее не уступит. Страшила сказал, что — его и тоже уступать не собирается. Тогда мистер Нэш предложил отправиться вместе в город к судье и спросить, чья же это все-таки по закону земля.

— Не-ет уж! — запротестовал страшила. — Закон мне не указ. Справедливости от закона ждать нечего!

Словом, спору конца не видно было, и тогда страшила предложил: пусть фермер обработает поле, засеет его, и все такое, а урожай они поделят поровну. Мистер Нэш, конечно, подумал, с чего это он должен всю работу на себя взвалить да еще урожай делить с этим хвостатым и косматым уродом, но промолчал. Зато кое-что придумал.

— Идет, — сказал он. — Поделим! Только сначала уговоримся, что ты возьмешь: вершки или корешки? И помни, уговор дороже денег! Не отступайся потом.

Страшила подумал-подумал и сказал, что на его долю пусть будут вершки. На том и порешили, твердо-натвердо.

Так что же придумал Билли Нэш? Он вскопал поле и посадил на нем картошку!

Вот и получилось, что когда урожай созрел и страшила пришел за своей долей, ему досталась только увядшая ботва и ни одной картошины.

Ну и разозлился страшила! Он замахнулся было на фермера своим здоровенным косматым кулачищем, но уговор есть уговор. Ведь он сам выбрал вершки, так что пенять было не на кого. Но он поклялся, что на другой год его уж не обмануть, нет, теперь он выберет корешки, и все тут.

Билли Нэш с радостью согласился. Он перепахал поле и засеял его — ну, чем бы вы думали? — конечно, пшеницей!

И когда пришло время делить урожай, страшила разозлился еще больше. Еще бы, на его собственных глазах Билли ссыпал в мешки золотое зерно и увязывал в снопы солому, а ему, страшиле, достались лишь стебли да сухие корни.

Страшила расвирепел точно буйвол.

— Ах ты плут, мошенник, крыса болотная, гусь лапчатый! — орал он на фермера, потрясая громадными косматыми кулачищами. — В другой раз ты у меня не отвертишься! Посеешь опять пшеницу, а жать будем вместе: я с одного конца, ты — с другого, и каждый возьмет, что успеет нажать.

Вы, конечно, понимаете, что страшила судил просто: раз он силен, что твой шестигодовалый жеребец, он успеет все поле пройти, пока фермер только-только начнет свою половину.

Так-то вот, и Билли Нэш не знал, что ему и ответить. Но хочешь не хочешь, а пришлось согласиться: очень уж страшила разошелся. И когда настала пора, Билли распахал поле и засеял его опять пшеницей. Засеять-то засеял, да только не переставал ломать себе голову, как ему и на этот раз перехитрить страшилу. А пшеница, как назло, уродилась богатая. И бедному фермеру покою не давала мысль, когда он по воскресеньям приходил полюбоваться на свою пшеницу, что почти вся она достанется этому мерзкому, наглому лентяю страшиле.

А надо вам сказать, что как раз в тех местах жил один вещий старец. Говорили даже, будто он родился в канун святого праздника. Ну, да это ладно, а вот что он был седьмым отпрыском в седьмом колене, это уж точно. И умел предсказывать будущее и давать мудрые советы.

И вот как-то вечером, не сказавши никому, куда он собрался, Билли Нэш направился к этому старцу, чтобы спросить, что ему делать с его драгоценной пшеницей. Вещий старец произнес заклинание, а потом что-то такое нашептал Билли на ухо, отчего тот пришел в превеселое настроение и повернул домой, довольный-предовольный, думая про себя, что не зря заплатил мудрому старцу денежки.

На другой день — хотя то было и не воскресенье, — Билли Нэш пошел поглядеть на свою пшеницу. Наглядевшись вволю, он решил, что расти она больше не будет, а будет только наливаться да созревать.

Вот он и отправился прямехонько к кузнецу и попросил его сделать побольше железных прутьев, ростом с его пшеницу.

Назавтра — а может, то было и послезавтра — прутья были готовы, и Билли отнес их в поле и воткнул в землю рядом со стеблями пшеницы, но только не на своей половине поля, а на страшилиной.

И вот когда пшеница уже налилась золотом и свесила набок тяжелую голову, в погожий, ясный денек Билли Нэш вместе со страшилой отправились в поле и начали жать: один с одного конца поля, другой — с другого. Каждый казался очень довольным: ну ясно, ведь каждый думал про себя, как он обманет другого!

Так-то вот.

Жнецом мистер Нэш был хорошим и быстро продвигался вперед. А страшила понять не мог — он вообще-то был не очень сообразительным, — почему у него ничего не получается, и даже не заметил, что вместе с пшеницей старается срезать и железные прутья. Вот разиня! Ему то и дело приходилось останавливаться, чтобы наточить серп, — ясно, что железные прутья тупили его. И всякий раз он присаживался отдохнуть, потому что легко ли жать железные прутья, сами подумайте!

А мистер Нэш знай себе шел вперед, работая серпом просто играючи, вязал снопы и складывал их в скирды. Так они проработали весь этот погожий, ясный денек, а солнце так и наяривало у них над головой.

Наконец страшила не выдержал, выронил серп и с громким стоном повалился на землю.

— Забирай свою поганую землю! — завопил он. — И землю, и все, что на ней! Знать ее больше не хочу! И видеть ее не желаю!

И он поплелся прочь. И больше никогда не появлялся на земле Билли Нэша.

Малышка Том и великан Денбрас

Вот вам одна из самых старинных сказок, какие рассказывали в Корнуэлле. Их еще называли там дурацкими сказками. А любил ее рассказывать старый веселый жестянщик из Леланта.

В далекие времена, когда в Корнуэлле было еще полным-полно великанов, неподалеку от залива Маунтс-Бей жил в деревне славный паренек, которого звали Малышка Том.

Славный-то он был славный, а вот работать не очень-то любил. Работал когда вздумается, а постоянным делом не хотел заняться.

Правда, Том был невелик ростом — мы имеем в виду для тех старинных времен, когда, как говорят, все мужчины в Корнуэлле были один другого выше, — так, примерно, футов восьми.^[2] Зато плечи у него были широкие, спина крепкая, а руки и ноги словно из железа.

Его старушка мать часто говорила ему, чтобы он нашел настоящее дело и зарабатывал хотя бы себе на пропитание. Потому что, надо вам сказать, ел он всегда за двоих.

И вот однажды поутру, чтобы доставить удовольствие своей матушке, а может, потому что как раз в это время он ухаживал за одной красоткой из Кроласа, Малышка Том отправился в Маркет-Джу поискать там работы. Сами понимаете, не мог же он сделать предложение девушке, если сам ничего не зарабатывал. Первым делом

Том зашел к одному человеку, по имени Хонни (это сокращенное от Ганнибала), — тот был жестяных дел мастером, а кроме того, еще держал и трактир, чтобы любой мог зайти и выпить с ним по кружке доброго эля.

— Нужен вам сильный, молодой и покладистый работник? — спросил его Том.

— Очень сожалею, — ответил Хонни, — но постоянной работы у меня, пожалуй, сейчас не найдется. Но послушай! Мне надо отправить в Сент-Ивз воз с бочонками пива, и ты бы мог сослужить мне хорошую службу, а я тебе за это щедро заплачу. Ну как, по рукам?

Они тут же столковались. Том вывел четыре парных воловьих упряжки, хозяин сам помог Тому погрузить на повозку бочонки с пивом, да в придачу положил еще один бочонок для Тома, чтобы он не скучал в дороге и угощал бы добрых попутчиков, какие ему встретятся.

И, крикнув волам: «Эй-о-о!», Том выехал со двора.

Ехал он, ехал и вдруг — стоп! Прямо посреди дороги выросла высоченная каменная стена с широкими, крепкими воротами на запоре. Не пройдешь, не проедешь!

— Ах негодные великаны! Не иначе, это их рук дело! — рассердился не на шутку Том. — Ну где это слыхано — строить стену на проезжей дороге! Должно быть, это тот великашка Дёнбрас! Великан из великанов, силач из силачей! Э-э, да я тоже парень не промах. Еще посмотрим, кто кого!

И Том изо всех силенок приналег на каменные ворота и одним ударом распахнул их.

— Эй-о, пошли! — крикнул Том волам. — Эй-о! И воз с пивом скрипя покатился по каменным плитам двора прямо к замку великана.

А надо вам сказать, что великан Дёнбрас к тому времени уже начал стареть и стал глуховат. Никогда бы в жизни он не услышал скрипа повозки, если бы не его собачонка: она подняла такой лай, что и мертвый бы проснулся.

Дёнбрас сел на кровати, потянулся, протер глаза, а потом вышел во двор. Сначала ни Тома, ни его повозки он не увидел, потому что ему и в голову не пришло смотреть себе прямо под ноги. И пока он озирался по сторонам, Том успел хорошенько рассмотреть великана.

Старый Денбрас был не меньше пятнадцати футов росту и, конечно, широк в плечах, но толстоват. Виною тому — обжорство и безделье, вот к старости у него и появилось брюшко. Космы на голове великана торчали, словно пучки сухого вереска, а зубы его сточились почти до самых десен — все оттого, что он жрал овец прямо с шерстью и костями!

Однако Малышка Том ничуть его не испугался, хотя и повстречался с Денбрасом в первый раз.

— Хелло! — заревел-зарычал-заорал Денбрас, увидев наконец Тома. — Ты кто такой, жалкая малявка? Как посмел ты явиться сюда со своей скрипучей повозкой? А-а, никак, это пиво? Ты привез его мне? Вот не ожидал!

— Можешь отведать глоток, — сказал Том, — но пиво это я везу не тебе, а в Сент-Ивз. А еду я через твой двор, потому что он стоит на проезжей дороге!

— Ах ты дерзкий щенок! — рассердился Денбрас. — Убирайся отсюда, пока цел, не то как наломаю прутьев да нахлестаю тебя!

— Ку-ка-реку! Не рано ли распелся, старый петух? — ответил ему Том.

Тут великан сделался темнее тучи от злобы и, не говоря больше ни слова, обхватил здоровенный вяз, вышиною в двадцать футов, и вырвал его прямо с корнями из земли.

Но пока он зачищал ствол от мелких веток и сучьев, чтобы получилась настоящая гладкая дубинка, Том сбросил с повозки все пивные бочки, снял одно колесо — и у него получился прекрасный щит; снял большую дубовую ось — и у него тоже получилась крепкая гладкая дубинка. Великан еще долго копался, зачищая свой «прутик», а Том уже ждал его наготове.

— А ну поторапливайся, — подгонял Том великана Денбраса. — Я жду тебя! Вот мой щит, а вот мой меч! — И он потрясал колесом и дубовой осью от телеги.

Наконец противники сошлись.

Но великан оказался совсем неповоротлив, да к тому же дубинкой он размахивал не целясь, как попало, из чего Том заключил, что он вдобавок еще и подслеповат. А сам Том был куда проворней. Он так ловко работал своей дубинкой, что бедный великан совсем запыхался.

Том давно уже мог ранить Денбраса острым концом дубовой оси, но всякий раз ему становилось жалко старика. И он лишь отражал своим колесом удары двадцатифутовой дубинки великана. Бедняга Денбрас то и дело бил мимо, а иногда, промахнувшись, грохался плашмя на землю.

Но Том благородно подавал ему руку, чтобы старику легче было подняться, и подносил даже бочонок с элем, чтобы подкрепить его силы.

Однако, увидя, что солнце клонится к закату, Том решил чуть пощекотать старика великана, чтобы заставить его двигаться побыстрее. И он, как ему показалось, легонько ткнул Денбраса своим копьем.

Но — о горе! — Малышка Том сам не знал, какая у него сила, и сделал выпад слишком резко. Дубовая ось проткнула великана насквозь, и он опрокинулся на землю, словно поваленное дерево.

Том был в отчаянии. Он опустился рядом с великаном на колени и пытался подбодрить его словами.

— Не унывай, дружище! — говорил Том. — Ты скоро поправишься. Я нечаянно! Разве я хотел тебя обидеть? Кто бы мог подумать, что у тебя такая нежная кожа!

Но великан только стонал в ответ. Том осторожно вынул дубовую ось из раны и крепче заткнул рану кусками дерна, который тут же нарезал. Старому Денбрасу немного полегчало. Тогда Том сбегал к повозке, вышиб дно у одного бочонка с пивом и поднес его великану ко рту словно кружку.

— Пей, голубчик, пей! — уговаривал он великана. Наконец; Денбрас заговорил.

— Теперь уж мне ничто не поможет, сынок! — чуть слышно произнес он. — Конец! Крышка!.. Но я умер в честном бою, верно?

— Верно, — чуть не плача, отвечал Том.

— А ты молодец! Настоящий корнуэллец. Ты честно сражался, и за это я люблю тебя. Это была славная и честная битва... Силы покидают меня. Наклонись ниже, сынок, я скажу тебе мою последнюю волю...

И старый Денбрас сказал Тому, что, раз у него нет никого родных, он делает Тома своим наследником и велит ему забрать все сокровища, какие он спрятал в пещере под замком.

— А теперь помоги мне подняться на вершину холма, — попросил он Тома.

Они с трудом взобрались на холм, и великан сел на свое любимое каменное ложе, прислонившись спиной к широкой плоской скале.

— Похорони меня честь по чести! — сказал он Тому. — Здесь, где я сижу сейчас. По законам стариков нашей страны. Вот камни, которыми ты окружишь меня. Большой койт^[3] я давно приготовил. Похорони меня с честью и будь ласков к моей собаке!

— Я все сделаю, старый дружище, только не умирай!

Но великан покачал головой и испустил дух.

Том загородил Денбраса со всех сторон большими камнями, сложил ему руки на коленях — словом, сделал все честь по чести. А потом он спустился во двор замка, поставил на место колесо и дубовую ось, на что много времени ему не потребовалось, вывел на дорогу волов с повозкой, запер покрепче ворота замка и отправился в Сент-Ивз. Благополучно вручил пиво кому было велено и уже по другой дороге вернулся на следующий день в Маркет-Джу.

То был праздник — канун Иванова дня, — и на всех холмах жгли костры.

В Маркет-Джу на улицах танцевали под волынку и барабан. Хонни, хозяин трактира, веселился со всеми вместе. Он очень обрадовался, что Том вернулся и с повозкой, и с его быками в полном здравии.

— Молодец! — сказал он ему, когда Том закусил с дороги и выпил. — Оставайся у меня на год работать, я тебе положу хорошее жалованье.

— Не могу, — ответил Том, — хотя лучшего места мне не сыскать.

— Тогда почему же ты говоришь «нет»? — удивился Хонни. — Ты же только вчера просил у меня работы.

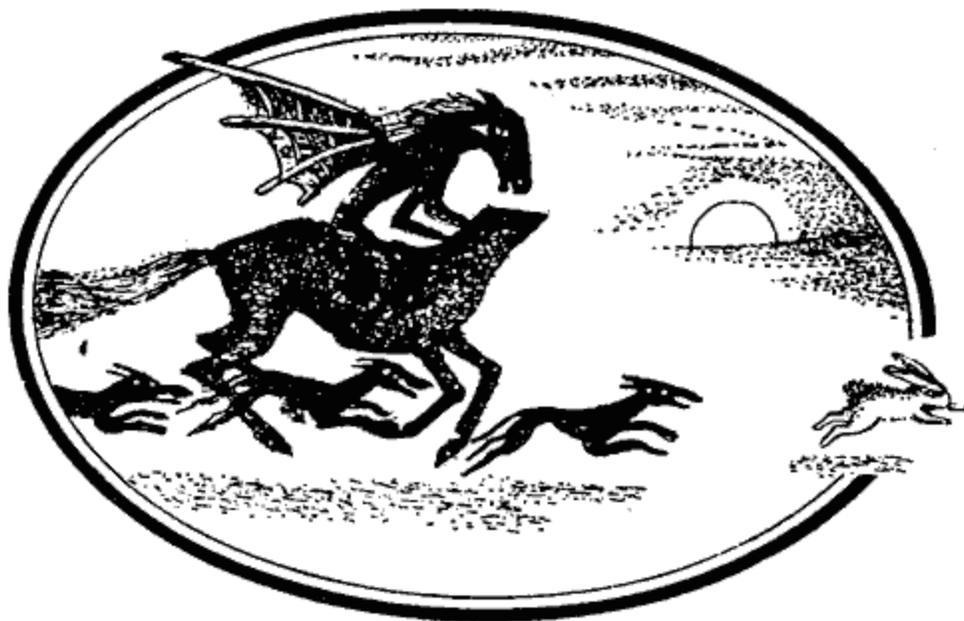
Но Том не хотел рассказывать, что у него вышло с великаном Денбрасом, и он ответил:

— Видишь ли, за это время у меня умер дедушка, который жил в горах, и оставил мне в наследство землю и деньги. Я должен скорей пойти туда и похоронить старика честь по чести.

Под этим предлогом Том покинул гостеприимного хозяина и поспешил к своей возлюбленной в Кролас. Ей он все рассказал без

утайки; они поженились и зажили в замке великана припеваючи.

Ночная погоня

Жила-была на свете женщина. Как-то раз, ложась спать, она подумала: «Завтра я должна встать ни свет ни заря, чтобы вовремя поспеть на базар».

Она собиралась продать на базаре яички и масло.

Спать она легла рано и проснулась, когда еще было совсем темно. Часов у нее не было, узнавать время по луне и по звездам она не умела, а потому решила, что уже пора вставать, хотя еще и полночь не пробило.

И вот в эту странную темную пору вывела она из конюшни сонного коня, приладила ему на спину две плетеные корзины — с маслом и яичками, накинула себе на плечи плащ, села верхом на коня и отправилась в путь. Путь ее в город лежал через Вересковую Пустошь — странное местечко, совсем не подходящее для ночных прогулок.

Не успела она далеко отъехать, как вдруг услышала громкий собачий лай и при свете звезд — к счастью, в ту ночь небо было ясное и звезд высыпало видимо-невидимо — увидела бегущего зайца.

Заяц бросился прямо к ней и, чуть не добежав до нее, вскочил на живую изгородь, всем своим видом словно говоря: «Подойди, возьми меня и спрячь!»

Женщина эта вообще недолго любила охоту, поэтому не стала себя долго упрашивать, сняла с изгороди дрожащего зайца, спрятала его в одну из своих корзин и как ни в чем не бывало поехала дальше.

Однако очень скоро она опять услышала собачий лай и тут же увидела чудного всадника на лошади — ох, вы только представьте себе! — на лошади без головы. Всадник был весь черный, и голова — слава Богу, на месте! — тоже черная, а на макушке из-под жокейской шапочки торчали рожки. Хуже того, глянув вниз, она увидела, что в стремени он вдел вовсе не ноги, обутые во что-нибудь там, а раздвоенные копыта!

Черного всадника на лошади без головы со всех сторон обступили большие черные псы, сбжавшиеся, верно, на запах зайца. Псы были тоже совсем необычные. На голове у них были маленькие рожки, а когда они вертели хвостами, во все стороны так и сыпались искры, и, принюхавшись, женщина почувствовала запах серы. Страх, да и только!

Но она была женщина храбрая, и если уж решила спасти зайца и спрятать в свою корзину, то уж ни за что его не выдала бы. К тому же она знала, что хоть черт и умен, а все-таки не волшебник! Не мог он догадаться, куда девался заяц.

И вправду, черт поклонился ей и очень вежливо спросил, не видела ли она, в какую сторону побежал заяц. Она покачала головой: мол, не видела и не знает. И он затрубил в рог, пришпорил коня без головы и поскакал прочь с Вересковой Пустоши, а черные псы за ним, и скоро все скрылись из глаз, чему женщина была очень рада, как вы и сами можете догадаться.

Не успела она опомниться, как вдруг крышка корзинки, в которой, как она полагала, сидел полумертвый от страха заяц, откинулась, и из корзины поднялась прекрасная молодая леди, одетая во все белое.

— Я восхищена вашей храбростью, матушка, — сказала прекрасная леди. — Вы спасли меня от жестоких мучений. Когда я была обыкновенной женщиной, я совершила ужасный грех и была за это наказана. На земле и под землей меня преследовали злые духи, и был только один путь спастись от них — оказаться позади них, когда они преследуют меня. Сколько лет мне не удавалось это сделать! Теперь вы мне помогли, и я за это награжу вас. Отныне все ваши

наседки будут нести по два яйца сразу, ваши коровы будут давать молоко круглый год, а ваш муж ни разу не победит вас в споре!

И с этими словами добрая фея исчезла. Больше женщина ее никогда не видела, но все вышло точно, как обещала фея.

Тростниковая Шапка

Ну, слушайте! Жил когда-то один богатый человек, и было у него три дочери. Вот задумал он узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Скажи, как ты меня любишь, доченька?

— Как жизнь свою! — отвечает она.

— Это хорошо, — говорит он. И спрашивает среднюю: — А как ты меня любишь, доченька?

— Больше всего на свете! — отвечает она.

— Очень хорошо, — говорит он. И спрашивает младшую: — А как же ты меня любишь, моя голубка?

— Я люблю тебя, как мясо любит соль, — отвечает она.

Ах как отец рассердился!

— Значит, ты меня вовсе не любишь, — говорит он. — А раз так, не смей оставаться в моем доме!

И он тут же прогнал ее прочь и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. И пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не пришла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое

красивое платье, и пошла дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она наконец до какого-то дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает она.

— Нет, не нужна, — отвечают ей.

— Мне больше некуда идти, — говорит она. — Жалованья я не прошу, а делать буду что прикажут.

— Что же, — отвечают ей, — если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась, и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю-всю грязную работу. А так как она никому не сказала, как ее зовут, все прозвали ее Тростниковая Шапка.

Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. Но Тростниковая Шапка сказала, что очень устала и никуда не пойдет, и осталась дома.

А как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал. И уж поверьте мне, красивей ее никого не было на балу!

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на бал. Он с первого взгляда полюбил Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней.

Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другое утро служанки говорят ей:

— Что вчера было на балу!

— Что? — спрашивает Тростниковая Шапка.

— Знаешь, приехала туда одна молоденькая леди, а уж какая красавица, как разряжена! Наш молодой хозяин глаз с нее не сводил!

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Сегодня вечером опять бал, она, наверное, приедет.

Но когда настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что слишком устала и не пойдет со всеми. Однако не успели слуги уйти, как она сбросила с себя тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин ее ждал. И танцевал опять только с ней, и не сводил с нее глаз. Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

На другой день служанки говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть на ту леди! Она опять была на балу. А наш молодой хозяин так глаз с нее и не сводил.

— Ну что ж, — говорит Тростниковая Шапка, — я бы не прочь взглянуть на нее.

— Так слушай, сегодня вечером опять бал. Идем с нами! Она наверное уж приедет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала:

— Я очень устала. Если хотите, ступайте одни, а я останусь дома.

Но только они ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин был ей несказанно рад. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

И все же перед самым концом бала Тростниковая Шапка опять потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другой день служанки ей говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка! Не пошла вчера с нами, и теперь не видать тебе той леди. Балов больше не будет!

— Ах, как жалко! А мне так хотелось ее увидеть! — ответила Тростниковая Шапка.

Так-то вот.

А молодой господин?

Да чего он только ни делал, чтобы узнать, куда девалась Тростниковая Шапка, но все напрасно. Куда бы он ни ходил, у кого бы ни спрашивал — никто ничего о ней не знал. И он так затосковал, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Сварите молодому господину овсяную кашу, — приказали поварихе. — А то как бы не умер с тоски по красавице.

Повариха тут же принялась варить кашу. А в это время в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь? — спросила она.

— Кашу для молодого господина, — ответила повариха. — Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю! — попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка сама сварила для молодого господина овсяную кашу. А когда каша была готова, она бросила в нее украдкой кольцо.

Вот отнесли кашу больному. Он съел ее и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите ко мне повариху! — приказал он. Повариха поднялась к нему.

— Кто варил кашу? — спросил он.

— Я, — соврала она с перепугу. Но он взглянул на нее и сказал:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее готовил? Тебе за это ничего не будет.

— Коли так, — говорит она, — ее готовила Тростниковая Шапка.

— Позовите ко мне Тростниковую Шапку! — сказал он.

Вот пришла Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу? — спрашивает юноша.

— Я, — отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо? — спрашивает он.

— У того, кто мне дал его! — отвечает она.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую одежду и предстала перед ним в своем красивом платье.

Ну конечно, молодой человек очень быстро поправился, и они решили обвенчаться. Свадьбу хотели справить на славу и гостей созвали отовсюду. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. Но она так никому и не призналась, кто же она такая.

И вот, перед самой свадьбой, она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади!

— Невкусно получится, — заметила повариха.

— Неважно, — сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить, — согласилась повариха.

Настал день свадьбы. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким невкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно за другим все блюда и вдруг разрыдался.

— Что с вами? — спрашивает его молодой хозяин.

— Ах! — отвечал он. — Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит. И она ответила: «Как мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и прогнал ее из дома. А теперь вижу, что она любила меня больше всех. Но ее уж, видно, нет в живых.

— Посмотри, отец, вот она! — воскликнула Тростниковая Шапка, бросилась к отцу и обвинила его шею руками.

С тех пор все они зажили счастливо.

Король Иоанн и кентерберийский аббат

В царствование короля Иоанна жил в Кентерберии аббат. Свое аббатство он содержал с большой пышностью. Сто монахов каждый день обедали вместе с ним в трапезной монастыря, и всюду его сопровождали пятьдесят рыцарей в бархатных одеждах, украшенных золотыми цепями. А надо вам сказать, что король Иоанн просто не терпел, когда кого-нибудь из его подданных почитали больше, чем его самого. И вот он вызвал кентерберийского аббата к себе.

Аббат, а с ним и вся его пышная свита — пятьдесят рыцарей в латах, бархатных плащах и золотых цепях на груди — явилась ко двору. Король вышел навстречу аббату и молвил:

— Как чувствуешь себя, святой отец? Слышал я, ты держишь еще более пышный двор, чем я. Это оскорбляет наше королевское достоинство и пахнет изменой.

— Сын мой, — отвечал аббат с низким поклоном, — все, что я трачу, это приношения благочестивых прихожан нашему аббатству. Я молю вашу светлость не гневаться за то, что я трачу на наше аббатство все деньги, что принадлежат ему.

— Э нет, почтенный прелат! — молвил король. — Все, что находится в нашем славном королевстве английском, все принадлежит

только нам. И ты не должен держать столь пышный двор и позорить своего короля! Но я милостив, и, если ты ответишь мне всего на три вопроса, я сохраню тебе и жизнь и богатство.

— Постараюсь, мой сын, — отвечал аббат, — насколько хватит моего бедного разума.

— Скажи мне, — молвил король, — где середина земли? И сколько мне надобно времени, чтобы объехать вокруг света? И наконец, угадай, что я думаю!

— Ваше величество, наверное, шутит, — пробормотал аббат, не зная, как ответить.

— Скоро ты увидишь, что это за шутки, — сказал король. — Если до конца недели не ответишь на все три вопроса, голова твоя распрощается с телом.

И король ушел.

С тяжелым сердцем пустился аббат в дорогу и первым делом заехал в Оксфорд. Он думал найти там ученого мужа, который ответил бы ему на три вопроса короля. Но не нашел и, печальный, поехал в Кентербери, чтобы распрощаться навсегда со своими монахами.

По дороге он встретил пастуха: тот шел в овчарню.

— С приездом, господин аббат! — приветствовал его верный пастух. — Какие новости от нашего доброго короля Иоанна?

— Печальные новости, пастух, печальные, — промолвил аббат и рассказал, как принял его король.

— Не тужите, господин аббат, — сказал пастух. — Случается, что дурак разгадает то, чего не знает умный человек. Вместо вас я поеду в Лондон. Только одолжите мне ваше платье и пышную свиту. На худой конец, я умру вместо вас.

— Что ты, что ты, пастух! — сказал аббат. — Мне не пристало избегать опасности. И потому ты не можешь ехать вместо меня.

— Могу! И поеду, господин аббат. В вашем платье с капюшоном кто меня там узнает?

Что ж, аббат согласился, облачил пастуха в лучшие свои одеяния и отправил его в Лондон. А сам надел простое монашеское платье, закрыл лицо капюшоном и вместе со своею свитой тоже прибыл ко двору короля.

— Добро пожаловать, господин аббат, — сказал король Иоанн пастуху, переодетому в платье аббата. — Я вижу, ты уже смирился со

своей судьбой.

— Я готов отвечать вашему величеству, — промолвил пастух.

— Ах, так! Ну, вот первый вопрос: где середина земли?

— Здесь! — ответил пастух и ударил по земле епископским посохом. — А если ваше величество не верит, прикажите измерить и тогда сами убедитесь.

— Святой Валаам! — воскликнул король. — Неглупый ответ! Ты, я вижу, весельчак. А теперь ответь мне на второй вопрос: сколько времени мне надо, чтобы объехать вокруг земли?

— Если ваше величество соизволит подняться вместе с солнцем и последует за ним до следующего восхода, то как раз успеет объехать вокруг земли.

— Святой Иоанн! — засмеялся король. — Я и не знал, что так быстро. Ну, с этим покончено. А теперь третий, и последний, вопрос: что я сейчас думаю?

— Это легко угадать, ваше величество, — ответил пастух. — Ваше величество думает, что перед вами сам кентерберийский аббат, но, как вы сейчас убедитесь, — тут пастух откинул с лица капюшон, — это всего лишь его скромный пастух, и он пришел просить вас простить и его, и святого отца.

Король расхохотался.

— Ловко ты провел меня! Выходит, ты умнее своего господина, и потому я ставлю тебя на его место.

— Ах нет, это невозможно, — возразил пастух. — Я не умею ни читать, ни писать.

— Ну, тогда будешь получать за свой быстрый ум шесть ноблей в неделю. И передай аббату, что я прощаю его!

Чайлд Роланд

Три принца вечером в саду
Играли в мяч. Да на беду
К ним вышла Эллен, их сестра.
«Лови!» — ей крикнул младший принц,
Но мяч за церковь улетел,
За ним принцесса Эллен вслед.
Проходит час, потом другой.
Ночь на дворе. Принцессы нет.

«Иду ее искать!» — Чайлд Роланд говорит.
С ним братья. Ногу в стремя, конь хрипит.
Сил не жалея,
Поскакали во все концы земли.

Но год прошел, и два прошли —
Принцессы так и не нашли.

И тогда старший брат отправился к знаменитому волшебнику Мерлину, рассказал ему обо всем что случилось, и спросил, не знает ли он, где леди Эллен.

— Прекрасную леди Эллен, наверное, унесли феи, — ответил Мерлин. — Ведь она нарушила священный обычай — обошла церковь против солнца! И теперь она в Темной Башне короля эльфов. Только самый храбрый из рыцарей может освободить ее.

— Я освобожу ее или погибну! — сказал старший брат.

— Что ж, попробуй счастья, — ответил волшебник. — Только горе тому, кто отважится на это без доброго совета!

Но старшего брата не испугала угроза. Он все равно решил отыскать сестру и попросил волшебника помочь ему. Мерлин научил юношу, что ему следует делать в дороге, а чего не следует. И старший брат леди Эллен отправился в страну фей, а двое младших и королева-мать остались ждать его дома.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавление от злых страстей?

Тогда к волшебнику Мерлину пошел средний брат. И Мерлин повторил ему все, что говорил старшему. И вот средний брат тоже отправился на поиски леди Эллен, а дома остались ждать его Чайлд Роланд и королева-мать.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавление от злых страстей?

Тогда решил отправиться в путь младший брат леди Эллен — Чайлд Роланд. Он зашел к своей матери-королеве и попросил у нее на это разрешения. Но королева сначала не хотела его отпускать: Чайлд Роланд был ее младшим и самым любимым сыном и потерять его значило для нее все потерять. Но он умолял ее и просил, и наконец

королева его отпустила. Она дала ему славный меч короля, разивший без промаха, и произнесла над мечом заклинание, дарующее победу.

И вот распрощался Чайлд Роланд с матерью-королевой и пошел к пещере волшебника Мерлина.

— Скажи в последний раз, — попросил он Мерлина, — как спасти леди Эллен и моих братьев?

— Что ж, сын мой, — ответил Мерлин, — для этого нужны всего два условия. Они покажутся тебе очень простыми, но выполнить их нелегко. Одно условие — делать то-то и то-то, другое — не делать того-то и того-то. А делать тебе надо вот что: как попадешь в страну фей, руби отцовским мечом голову каждому, кто заговорит с тобой, пока не встретишься со своей сестрой Эллен. Не делать же ты должен вот что: не ешь ни куска и не пей ни глотка, как бы тебе ни хотелось есть и пить. А выпьешь глоток или съешь хоть кусок там, в стране фей, и не видать тебе больше солнца.

Чайлд Роланд поблагодарил Мерлина за добрый совет и тронулся в путь. Он шел, и шел, и шел все дальше и дальше, пока не увидел табунщика, пасшего королевских коней. Чайлд Роланд сразу понял, что это кони короля эльфов, по их горящим глазам. А раз так, значит, он наконец попал в страну фей.

— Скажи мне, — обратился Чайлд Роланд к табунщику, — где находится Темная Башня короля эльфов?

— Не знаю, — ответил табунщик. — Пройди еще немного и увидишь пастуха. Может, он тебе скажет.

Тут Чайлд Роланд недолго думая выхватил свой славный меч, разивший без промаха, и голова табунщика слетела с плеч. А Чайлд Роланд пошел дальше. Он все шел и шел, пока не увидел пастуха, пасшего королевских коров. Пастуху он задал тот же вопрос.

— Не знаю, — ответил ему пастух. — Пройди еще немного, там увидишь птичницу, уж она-то знает.

Тут Чайлд Роланд снова поднял свой славный меч, разивший без промаха, и голова пастуха тоже слетела с плеч. А Чайлд Роланд прошел еще немного и увидел старуху в серой накидке. Он спросил ее, знает ли она, где находится Темная Башня короля эльфов.

— Пройди еще немного, — сказала ему птичница, — и ты увидишь круглый зеленый холм. От подножия до самой вершины он опоясан террасами. Обойди трижды вокруг холма против солнца и

каждый раз приговаривай: «Откройте дверь, откройте дверь, позвольте мне войти». На третий раз дверь откроется, и ты войдешь.

Чайлд Роланд отправился было дальше, да вспомнил, что ему говорил волшебник. Вот выхватил он свой славный меч, разивший без промаха, но птичница уже исчезла, словно ее и не было.

Чайлд Роланд пошел дальше. Шел и шел, пока не достиг круглого зеленого холма, от подножия до самой вершины опоясанного террасами. Трижды обошел его против солнца и каждый раз приговаривал: «Откройте дверь, откройте дверь, позвольте мне войти».

На третий раз дверь и впрямь открылась. Чайлд Роланд вошел, дверь тут же захлопнулась, и он остался запертым в темноте.

Правда, здесь было не совсем темно, откуда-то проникал слабый свет, но Чайлд Роланд не видел ни окон, ни свечей и не мог понять, откуда он проникает — разве что через стены и потолок? Вскоре он различил коридор со сводами из прозрачного камня. Но хотя вокруг был камень, воздух оставался чудесно теплым, как это всегда бывает в стране фей.

Вот миновал Чайлд Роланд этот коридор и подошел наконец к высокой и широкой двустворчатой двери. Она была полуоткрыта, и когда Чайлд Роланд открыл ее настежь, то увидел чудо из чудес.

Перед ним была огромная зала. Потолок ее подпирали золотые колонны, а между ними тянулись гирлянды цветов из бриллиантов, изумрудов и других драгоценных камней. Все ребра сводов сходились в середине потолка, и оттуда на золотой цепи свешивался огромный светильник, сделанный из одной полой и совершенно прозрачной жемчужины невиданной величины. Внутри жемчужины вращался громадный карбункул. Его яркие лучи озаряли всю залу, и казалось, будто светит заходящее солнце.

Зала была роскошно убрана, и в конце ее стояло пышное ложе с бархатным покрывалом, расшитым шелком и золотом, а на ложе сидела леди Эллен и расчесывала серебряным гребнем свои золотистые волосы. Едва она увидела Чайлд Роланда, как поднялась и сказала:

Зачем ты здесь, мой милый брат?

На горе и беду.

Узнай, что кто пришел сюда,

Уж не уйдет назад.

Вернись домой, мой младший брат, —
Свободы больше я не жду.
Оставишь голову ты тут,
На горе и беду.

Чайлд Роланд, брат, ты не ушел,
На горе и беду.
Сейчас король сюда влетит,
И жизни он тебя лишит.

Но Чайлд Роланд не послушал ее. Он сел рядом с леди Эллен и поведал ей обо всем, что с ним было. А в ответ она рассказала ему, как его братья один за другим достигли Темной Башни, но злой король эльфов заколдовал их, и теперь они лежат здесь, словно мертвые. Пока они говорили, Чайлд Роланд вдруг почувствовал сильный голод — ведь путешествие было таким длинным. Он сказал об этом сестре и попросил у нее что-нибудь поесть. Увы, он забыл про наказ волшебника Мерлина!

С грустью поглядела на Чайлд Роланда леди Эллен и покачала головой. Но волшебные чары не позволяли ей напомнить о чем-либо брату.

Вот она поднялась, вышла из залы и вскоре вернулась с хлебом и молоком в золотой посуде. Чайлд Роланд уже готов был пригубить молоко, как вдруг взглянул на сестру и вспомнил, зачем пришел сюда.

— Ни глотка я не выпью и не съем ни куска, — сказал он, — пока не освобожу мою сестру Эллен!

Тут они услышали чьи-то шаги и громкий голос:

Фи-фай-фо-фут,
Кровь человека чую тут.
Мертвый он или живой,
Тут не ждет его покой.

И тотчас широкие двери распахнулись, и в залу ворвался король эльфов.

— Будем биться, если посмеешь, нечистый дух! — вскричал Чайлд Роланд и бросился к нему навстречу со своим славным мечом, разившим без промаха.

Они бились долго. Наконец Чайлд Роланд поставил короля эльфов на колени, и тот взмолился о пощаде.

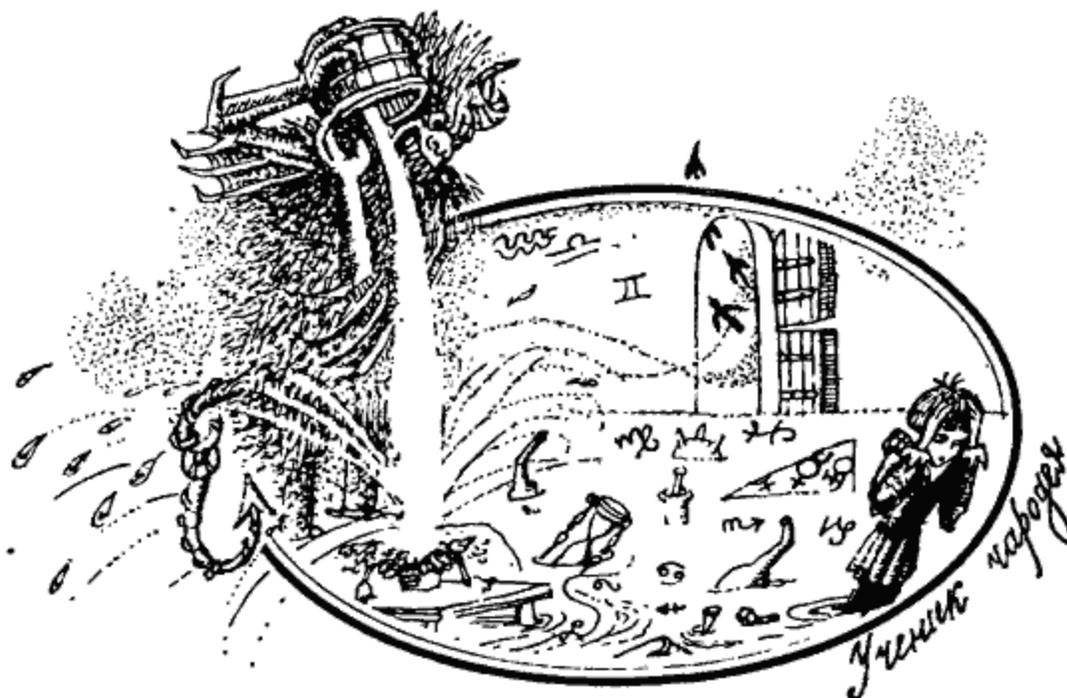
— Обещаю пощадить тебя, — сказал Чайлд Роланд, — если ты снимешь злые чары с моей сестры, вернешь к жизни моих братьев и выпустишь нас всех на свободу!

— Согласен! — сказал король эльфов.

Он поднялся с колен, подошел к сундуку и вынул из него склянку с кроваво-красной жидкостью. Смочил ею уши, веки, ноздри, губы и кончики пальцев обоим братьям, и те ожили.

Потом король эльфов прошептал несколько слов леди Эллен, и волшебные чары спали с нее. Тогда все четверо вышли из залы, миновали длинный коридор и покинули Темную Башню короля эльфов. Навсегда.

Ученик чародея

На севере Англии в графстве Йоркшир жил некогда великий чародей. Он говорил на всех языках и знал все тайны Вселенной. У него была огромная книга с железными застежками и железными уголками в переплете из черной телячьей кожи. Когда чародей хотел читать, он отпирал ее железным ключом. Только он один понимал эту книгу, в которой были собраны тайны темного царства духов.

У этого чародея был ученик. Он прислуживал своему учителю, но ему строго-настрого запрещалось открывать огромную черную книгу или заходить в тайные покои учителя.

И вот как-то раз, когда чародея не было дома, ученик не утерпел и прокрался в его покои. Там он увидел диковинные колбы и тигли, какими пользовался чародей, когда хотел превратить медь в золото и свинец в серебро; и всевидящее зеркало: когда чародей смотрелся в него, он видел все, что делается на свете; и волшебную раковину: стоило чародею приложить к ней ухо, и он слышал все, что хотел слышать.

Однако ученик напрасно возился с колбами и тиглями: ему так и не удалось получить из меди золото, а из свинца — серебро. Тщетно

смотрел он в чудесное зеркало: в нем проплывали лишь дым да облака. А в раковине что-то глухо шумело, будто далекая морская волна била о неведомый берег.

«Ничего у меня не выходит, — решил ученик, — потому что я не знаю заклинаний, записанных в книге. А она заперта».

Он обернулся — и о чудо! — книга лежала не запертой: учитель перед уходом забыл вынуть ключ из замка. Ученик бросился к книге и открыл ее. Слова в ней были написаны красными и черными чернилами. Юноша почти ничего не мог понять. Но он все-таки провел пальцем по какой-то строке и прочел ее вслух.

И тут комната вдруг погрузилась во мрак, дом задрожал, громовые раскаты прокатились по всем покоям, и перед учеником чародея появилось ужасное страшилище, изрыгающее огонь, с глазами, словно горящие факелы. Это был сам дьявол Вельзевул, покорный чародею! Юноша нечаянно вызвал его заклинанием.

— Приказывай! — заревел дьявол громовым голосом.

Юноша застыл на месте, его пробирала дрожь, волосы встали у него дыбом.

— Приказывай, или я тебя задушу!

Но юноша не мог говорить. Тогда злой дух схватил его за горло и, обжигая своим огненным дыханием, заревел:

— Приказывай!

— Полей вон тот цветок! — в отчаянии выкрикнул юноша первое, что пришло ему в голову, и показал на герань, что стояла в горшке на полу.

Дух тут же исчез, но через миг вернулся с бочонком воды и вылил всю воду на цветок. Потом опять исчез и снова вернулся с бочонком на спине. И так раз за разом исчезал и возвращался, и все лил и лил воду на герань, пока воды в комнате не набралось по щиколотку.

— Довольно, довольно! — молил юноша.

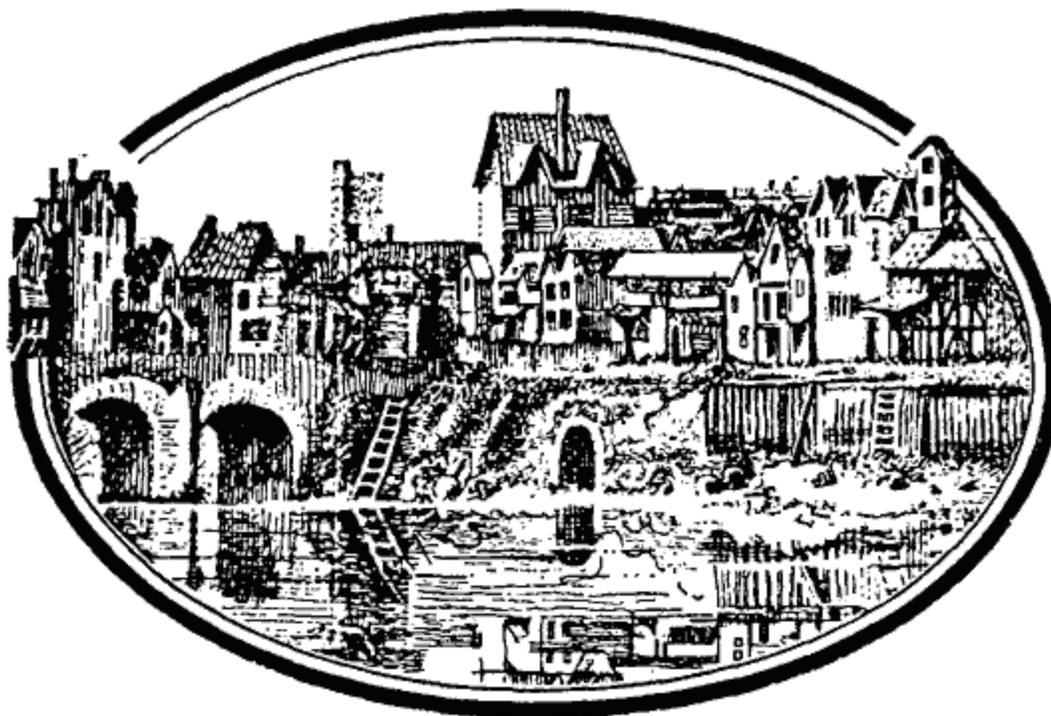
Но дьявол не слушал его: он все таскал и таскал воду — ведь ученик чародея не знал заклинаний и не умел прогонять духов.

Вот вода поднялась уже парню до колен и продолжала еще прибывать. Дошла ему до пояса. А Вельзевул без передышки все таскал и таскал полные бочонки и поливал герань. Вскоре вода добралась юноше до подбородка, и он вскарабкался на стол. Потом она поднялась до самых окон, забила о стекла, забурлила вокруг ног

ученика, залила его по пояс... по грудь... по шею... Напрасно он кричал — злой дух не унимался.

Он и по сей день таскал бы воду, поливал бы герань и, конечно, залил бы весь Йоркшир, да, на счастье, чародей вспомнил, что забыл запереть свою книгу, и вернулся. И в тот самый момент, когда вода уже пузырилась у самого подбородка бедняги ученика, чародей ворвался в свои покои, произнес заклинание и вернул Вельзевула его адскому пламени.

Дик Уиттингтон и его кошка

Очень давно, с тех пор прошло уже лет пятьсот, а то и больше, жил в Англии мальчик по имени Дик Уиттингтон. Отец и мать его умерли, когда он был совсем маленьким.

Дик был так мал, что еще не мог работать. Туго приходилось бедняжке. Обедал он скудно, а завтракать часто и вовсе не завтракал. Люди в его деревне были бедные и не могли ему дать ничего, кроме картофельных очисток да изредка черствой корки хлеба.

Но Дик не унывал и чувствовал себя совсем неплохо. Особенно любил он послушать, что говорят фермеры или какие-нибудь заезжие торговцы. Каждое воскресенье Дик приходил к деревенскому трактиру и, примостившись у придорожного столба, стоял и слушал. День бывал базарный, и все заходили в трактир выпить кружку-другую эля, а заодно и обсудить сделку или рассказать новости.

Там Дик и наслушался всяких небылиц про большой город Лондон.

А в те времена, надо вам сказать, деревенские жители полагали, что в Лондоне живут одни знатные господа, которые целыми днями

только и делают, что поют да танцуют, и что все улицы в Лондоне вымощены чистым золотом.

И вот раз, когда Дик, как обычно, стоял у придорожного столба, через деревню проезжала большая повозка, запряженная восьмеркой лошадей с бубенчиками. У трактира возчик соскочил с козел, чтобы выпить кружку эля, и Дик, набравшись храбрости, спросил его:

— Куда вы едете?

— В Лондон, куда же еще! — ответил возчик.

— Эх, вот бы мне туда попасть! — вздохнул Дик.

И он рассказал возчику, что у него нет ни отца, ни матери и что ему давно хочется поехать в Лондон, посмотреть на чудеса, про которые он слышал. Ну, возчик был малый добрый и велел ему садиться рядом на козлы.

— А когда в другой раз поеду через вашу деревню, отвезу тебя назад, — сказал он, и они тронулись в путь.

Добрались благополучно до Лондона и покатали по лондонским улицам. Дик не уставал дивиться высоким башням, богатым соборам да церквам. Но ему не терпелось увидеть скорее золотую мостовую. И когда возчик остановился у какой-то гостиницы, Дик соскочил на землю и стал оглядываться по сторонам. Ему казалось: стоит только завернуть за угол, и он сразу увидит мостовую, мощенную золотом.

Но он обегал все улицы, а золота не нашел. Дик устал, и есть захотелось. И вот, измученный, полумертвый от голода, он свалился у дверей мистера Фитцуоррена, богатого купца. Там его заметила кухарка — презлая женщина.

— Что тебе здесь надо, ленивый бродяга? — закричала она на бедного Дика. — Отбою нет от этих нищих! Если ты не уберешься отсюда, я тебя помоями окачу!

Но тут как раз вернулся домой к обеду сам мистер Фитцуоррен. Он увидел у своих дверей грязного и оборванного мальчика и спросил его:

— Почему ты здесь лежишь? Ты ведь большой, мог бы работать. Лентяй, верно?

— Что вы, сэр! — ответил Дик. — Вовсе я не лентяй. Я всей душой рад бы работать, да никого здесь не знаю.

— Бедняга. Ну, вставай! Пойдем со мной.

И он отвел его в свой дом, велел накормить хорошенько и дать ему посильную работу.

Дик совсем счастливо зажил бы в доме этого доброго купца, если бы не злобная кухарка. Она то и дело говорила ему:

— Помни, ты подчиняешься только мне. А ну-ка, живе́й поворачивайся! Вычисти вертел, отмой противень, разведи огонь, открой трубу, перемой всю посуду, да попроворней, а не то!.. — И она замахивалась на Дика черпаком.

Кроме того, она так привыкла одно сбивать, другое отбивать, что, когда не было мяса для отбивных, она била бедного Дика — по голове и плечам — половой щеткой и всем, что попадалось ей под руку.

В конце концов про дурное ее обращение с Диком узнала мисс Алиса, дочь мистера Фитцуоррена. И Алиса пригрозила кухарке, что прогонит ее, если она не станет к Дику добрее.

Кухарка стала чуть потише, зато на Дика свалилась новая беда. Кровать Дика стояла на чердаке, а там и в полу и в стенах было столько дыр, что мыши и крысы просто изводили его по ночам.

Как-то раз Дик вычистил одному господину ботинки, и тот дал ему за это целый пенни. Дик решил купить на эти деньги кошку. На другой день он увидел девочку с кошкой в руках и сказал ей:

— Продай мне кошку за пенни!

— Что ж, берите, господин! — ответила девочка. — Хотя моя кошка стоит дороже: она отлично ловит мышей!

Дик спрятал кошку на чердаке и никогда не забывал приносить ей остатки от своего обеда. Не прошло и нескольких дней, как мыши и крысы перестали его тревожить, и он мог крепко спать по ночам.

Вскоре после этого один из торговых кораблей мистера Фитцуоррена стал готовиться в дальнее плавание. По обычаю, слуги купца могли попытать счастья вместе с хозяином и послать за море какие-нибудь вещи на продажу или деньги на покупку товара. Однажды купец пригласил всех слуг к себе в кабинет и спросил, что они желают послать.

У всех нашлось, чем рискнуть, кроме бедняги Дика. У него не было ни денег, ни вещей.

— Нет у меня ничего, — сказал бедный Дик. — Вот разве что кошка... Я ее недавно купил за пенни у одной девочки.

— Так носи свою кошку! — сказал мистер Фитцуоррен. — Можешь послать ее.

Дик сходил на чердак за кошкой и отдал ее капитану корабля, сказав со вздохом:

— Теперь мыши и крысы опять не дадут мне спать по ночам.

Все посмеялись над необычным «товаром» Дика, одна мисс Алиса пожалела его и дала ему денег на новую кошку.

Это вызвало зависть у злой кухарки. Она стала издеваться над ним хуже прежнего и то и дело колола его злыми словами, насмехаясь, что он послал за море кошку.

— Как думаешь, — говорила она, — дадут за твою кошку столько денег, чтоб хватило на палку — тебя колотить?

В конце концов бедный Дик не вытерпел и решил бежать. Собрал он свои пожитки и рано утром первого ноября тронулся в путь. Дошел он до Холлоуэйя, присел там на камень — этот камень и по сей день называется Камнем Уиттингтона — и стал раздумывать, какую дорогу ему выбрать.

И пока он раздумывал, колокола Бау-Чёрч — а их в то время было всего шесть — начали звонить, и Дику показалось, будто они говорят ему:

Вернись скорее в Лон-дон,

Уиттингтон!

Дин-дон, дин-дон!

Лорд-мэр Уиттингтон!

«Лорд-мэр — я? — удивился Дик. — Да я что угодно вытерплю, лишь бы стать лорд-мэром и кататься в роскошной карете, когда вырасту большим! Ну что ж, пожалуй, вернусь и даже внимания не стану обращать на колотушки и воркотню кухарки, раз в конце концов мне суждено стать лорд-мэром Лондона».

Дик повернул обратно и, к счастью, успел проникнуть в дом и приняться за работу раньше, чем злая кухарка вошла в кухню.

А теперь последуем за мисс Кошкой к берегам Африки. Корабль с кошкой на борту долго плыл по морю. Наконец ветер пригнал его к той части африканского берега, где жили мавры — народ, англичанам не

знакомый. Мавры толпами сбежались посмотреть на моряков, а когда ближе познакомились с ними, охотно принялись раскупать все удивительные вещи, которые привез корабль.

Тогда капитан послал образцы лучших товаров царю этой страны. Царь был так этим доволен, что пригласил капитана и его помощника к себе во дворец. По обычаю той страны гостей усадили на дорогие ковры. Царь и царица сели на возвышение в конце зала. Но не успели внести кушанья, как в зал ворвались полчища крыс и мышей и вмиг сожрали все яства. Капитан был поражен и спросил:

— Как вы терпите, чтобы какие-то твари бесчинствовали на вашем столе? И часто это случается, ваше величество?

— Увы, — вздохнул царь, — каждый раз, когда вносят еду. Мои советники и ученые уже не раз держали совет по этому делу, но выхода нет! Я бы отдал половину моих богатств, лишь бы избавиться от этих тварей!

— У нас в Англии, — сказал капитан, — в каждом доме есть животное, которое прекрасно ловит мышей и крыс. Его зовут кошка. А разве в вашей стране кошки не водятся?

Царь попросил подробнее описать кошку, но все равно никто из придворных никогда не видел ее. И тогда царь спросил, где же достать это удивительное животное.

— У нас тут есть одна на борту корабля, — сказал капитан: он хорошо знал свое дело и не преминул расписать все достоинства мисс Кошки. — Правда, нам очень не хотелось бы с ней расставаться. Ведь если ее не будет, мыши и крысы, чего доброго, уничтожат все наши товары!

Но царь так просил капитана уступить ему кошку! Он даже пообещал заплатить за нее золотом и драгоценными камнями.

— Ну что же, — молвил капитан, — чтобы услужить вашему величеству, так и быть, я принесу ее.

— Бегите, бегите! — вскричала царица. — Ах, как мне хочется поскорее увидеть это милое животное!

И капитан отправился на корабль. А тем временем для гостей приготовили новый обед. Капитан сунул мисс Кошку под мышку и прибыл во дворец как раз вовремя: весь стол опять был усеян крысами. Как только кошка увидела их, она не стала ждать

приглашения — вырвалась из рук капитана и в несколько минут расправилась с этими тварями.

Царь был в восторге, а царица сказала:

— Пусть это чудное животное останется у нас! — и попросила царя: — Дайте за нее капитану что он хочет!

И царь заключил с капитаном сделку на все товары, какие были на корабле, причем за кошку дал в десять раз больше, чем за все остальное! Вскоре капитан покинул царский дворец и отплыл с попутным ветром в Англию.

После удачного путешествия он благополучно прибыл в Лондон. И вот однажды утром, только мистер Фитцуоррен пришел к себе в контору и сел за письменный стол, чтобы проверить выручку и распределить дела на день, как вдруг кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросил мистер Фитцуоррен.

— Ваш друг, — услышал он в ответ. — Я принес вам добрые вести о вашем корабле «Единороге».

Купец бросился скорее открывать дверь. И кого же он там увидел? Капитана и своего агента с большой шкатулкой под мышкой.

— Ваш корабль благополучно прибыл, — сказал капитан. — А вот список всех сделок, какие мы заключали на своем пути. — И он протянул мистеру Фитцуоррену накладную.

Купец пригласил капитана и агента к столу, велел подать им вина и тогда только начал читать накладную. Он удивился и очень обрадовался огромной выручке, какую привез капитан «Единорога», но когда капитан рассказал ему про небывалую удачу Дика и открыл шкатулку с золотом и драгоценностями, он еще больше изумился.

— Пригласите скорей сюда мистера Уиттингтона! — приказал он слуге.

А Дик в это время чистил в кухне горшки. И как есть, весь в саже, явился к своему господину. Тот предложил ему сесть, обратился к нему на «вы» и назвал его «мистер Уиттингтон», так что бедняга Дик решил, что над ним просто смеются. Но мистер Фитцуоррен рассказал ему, что произошло, и показал шкатулку с его сокровищами.

Дик был на седьмом небе от счастья. Он попросил хозяина принять хоть часть его богатств: ведь он всем обязан был доброте мистера Фитцуоррена.

— Ах нет, что вы! — ответил купец. — Это все ваше! И я не сомневаюсь, что вы прекрасно всем распорядитесь.

Тогда Дик попросил хозяйку, а затем и мисс Алису принять часть его состояния. Но они тоже отказались, уверяя, что от души радуются его удаче. Не мог бедный мальчик оставить все себе одному. Он сделал богатые подарки капитану, его помощнику и всем слугам мистера Фитцуоррена. Даже злой старухе кухарке.

Мистер Фитцуоррен посоветовал Дику послать за хорошим портным и одеться, как подобает джентльмену, и предложил Дику остаться в его доме, пока не найдется для него лучшего.

Уиттингтон умылся, завил волосы, надел шляпу и хороший костюм и стал не менее привлекательным и элегантным, чем любой из молодых людей, бывавших в гостях у мистера Фитцуоррена. И мисс Алиса, которая раньше только жалела его и старалась ему помочь, теперь нашла его подходящим женихом. К этому стоит лишь добавить, что и сам Уиттингтон только и думал о том, как бы угодить мисс Алисе, и беспрестанно делал ей всякие подарки.

Мистер Фитцуоррен вскоре заметил их взаимную любовь и предложил им обвенчаться, на что оба охотно согласились. Был назначен день свадьбы, и в церковь жениха и невесту сопровождали лорд-мэр, свита олдерменов, шерифы и самые богатые купцы Лондона. После венчания всех пригласили на богатый пир.

История повествует нам, что мистер Уиттингтон и его супруга жили в богатстве и роскоши и были очень счастливы. Ричарда Уиттингтона (теперь его стали величать полным именем) один раз избрали шерифом Лондона и трижды лорд-мэром, а при Генрихе V он удостоился рыцарского звания.

До самого 1780 года можно было видеть фигуру сэра Ричарда Уиттингтона с кошкой в руках, высеченную из камня, над аркой старой Ньюгетской тюрьмы, которую он, видно забыв о своем прошлом, приказал выстроить для нищих и бродяг.

Примечания

1

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

2

Восемь футов составляют примерно два с половиной метра.

3

Койт — каменное кольцо, которым древние британцы накрывали могилу.

zlibrary

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.se

singlelogin.re

go-to-zlibrary.se

single-login.ru

[Official Telegram channel](#)

[Z-Access](#)

<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>